

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия
Информационный центр «МЦФЭР ресурсы образования»

**ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Материалы международной научно-практической
конференции 5–6 февраля 2011 года

Пенза – Витебск
2011

УДК 316.32+008+159.922
ББК 60.05
О 28

О 28 Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: материалы международной научно-практической конференции 5–6 февраля 2011 года 2011 года. – Пенза – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 155 с.

Редакционная коллегия:

Сергей Юрьевич Девярых, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Витебского государственного медицинского университета.

Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Илона Геннадьевна Дорошина, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, отражающие актуальное состояние исследования общества, проблемы социального здоровья и социализации, различные аспекты культуры в контексте ее влияния на развитие общества и личности. Рассматриваются вопросы природы и культурной эволюции человека, риска как имманентной черты самореализации личности в современном обществе, формирования этики, соответствующей реалиям технической цивилизации.

ISBN 978-5-91990-009-2

УДК 316.32+008+159.922
ББК 60.05

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩЕСТВО, ЕГО ПРОБЛЕМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ

Кукарников Д. Г.

Этнометодология и когнитивная социология
в исследовании общества..... 6

Мишин В. А.

Социальное здоровье личности и общества:
основные показатели..... 8

Бутаева М. А.

Жизненное самоопределение молодежи 10

Девярых С. Ю.

Половая социализация молодежи
в условиях социокультурной трансформации семьи
и проблемы полового воспитания 16

Кузеванова А. Л.

Динамика ценностного принципа
лояльного отношения к покупателям
в развитии российской бизнес-деятельности
XVI – начала XXI вв..... 19

Метелев И. С.

Социокультурные детерминанты
миграционного опыта 28

II. КУЛЬТУРА: ЭНЕРГИЙНОЕ, МАТЕРИАЛЬНОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ

Шустров А. Г.

Культура как творческая энергия
в восточнохристианской патристике..... 47

Антипов М. А.

Танатофобия как фактор бездуховности
в современном обществе 49

Акимова Л. А.

Культурологические основания категории
«витагенная культура» 54

Ваструкова С. Ю., Огнева О. Г.

Взрослые игры с детскими куклами:
метаморфозы образа Пьеро в современной музыке 63

Шевцова А. А. Народные игры в семейной этнопедагогике армян Мордовии	74
Зяблицева С. В. Влияние столичных мастеров искусств на культурную жизнь Сибири в военные годы (1941–1945 гг.).....	77
Гайнутдинова Р. И. Роль музыкального искусства в деятельности младшего школьника в контексте изменения ценностно-смысловых ориентаций общества	81
Курманаева Д. К. Региональный компонент как средство поликультурного развития личности	85
Новиков С. Г. Идеалы и ценности российского воспитания в зеркале культурно-исторической генетики	92
Мамедова Н. А. Характерные особенности субкультуры молодежи	94
Шихалеева А. Ю. Молодёжный язык Германии.....	104
Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов	106
Поздняков Н. К. «Власть эфира» и коллизии масс-медийного пространства.....	113
Летова В. А. Поиски гуманизма в эпоху НТП.....	121
Платонова А. В. В поисках новой этики для технической цивилизации	123

III. ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Завьялов А. В. Причины культурной эволюции человека	131
Батялова Л. П. Двойственная природа человека в философии Г. Гессе и Н. А. Бердяева.....	134

Григорьев А. В.

Риск как имманентная черта
самореализации личности в современном обществе 138

Тарасова А. А.

Роль искусства в развитии личности
в социокультурном пространстве современности..... 140

Молодцова Т. Д.

Роль социализации в преодолении
дезадаптации детей и подростков..... 142

Логинова М. А.

Роль личности в сетевом взаимодействии 144

Пресс-релиз МЦФЭР 148

План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана,
Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году 150

I. ОБЩЕСТВО, ЕГО ПРОБЛЕМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Д. Г. Кукарников

**Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия**

Summary. Article represents ethnomethodology and cognitive sociology as an important schools in the exploration of the social phenomenon. Author defines the correlation between ethnomethodology and linguistic philosophy. Basic features of the cognitive sociology, oriented to the understanding of the social phenomenon sense, are also analyzed.

Keywords: modern social science, ethnomethodology, cognitive sociology, methodology, linguistic philosophy.

Анализ различных моделей общественного развития, получивших широкое распространение в концепциях современной западной социальной науки, позволяет выделить целый массив теорий, составляющих то, что принято обозначать термином «modern social theory» [3]. Это и структурный функционализм, и «драматургический подход», и этнометодология, и феноменологическая социология, и теория структуризации, и критическая теория общества, и некоторые другие подходы. Наряду с достаточно полно исследованными в отечественной социально-философской литературе формационным, цивилизационным и стадийно-технологическим подходами перечисленные концепции образуют своего рода мозаичную картину состояния современных теоретических исследований, посвящённых проблемам общества.

Рассматривая динамику процесса развития социально-философской теории в XX веке, невозможно пройти мимо идейного наследия этнометодологии – школы, которая сыграла в 70-е гг. XX века весьма заметную роль в продвижении к более глубокому пониманию мира социального. Идеи основателя феноменологической социологии Альфреда Шюца оказались востребованными и были активно использованы в данном направлении теоретической социологии, становление которого связано, прежде всего, с именем Г. Гарфинкеля [2]. Появление и развитие его есть своего рода реакция, связанная с имплицитно

содержавшейся в академической социологии претензией (основанной на применении специально разработанных методов анализа) на исключительное право понимать феномен социального мира.

Стержневым интересом этнометодологических исследований выступает стремление изучить те повседневные методы, ориентируясь на которые в своей каждодневной жизни, люди конструируют, объясняют и придают смысл всему тому, что происходит в мире социального. Говоря коротко, это – «методология обычного человека». Этнометодология определяет роль контекста в повседневном понимании, доказывая идею «индексного характера» разговора: 1) понятность беседы зависит от характеристик ситуации, в которой она происходит; 2) значение беседы никогда не бывает беспроблемным, но необходимы огромные усилия для выявления проблемы.

Однако, на наш взгляд, было бы не совсем точным пытаться выявить интеллектуальные истоки этнометодологии, отталкиваясь лишь от традиции феноменологической социологии Шюца; быть может, в той же мере следует учитывать и традицию лингвистической философии Л. Витгенштейна [3, с. 102]. В научной литературе уже стало общим местом разграничивать две основные разновидности этнометодологии: ситуационную и лингвистическую, и, чтобы лучше разобраться в сути данного разграничения, представляется, будет уместным обратиться к основным идеям когнитивной социологии Аарона Сикурела [см., напр.: 1], сыгравшим важную роль в развитии этнометодологии.

Отталкиваясь от работ Н. Хомского, Сикурел в своей теории социального познания показывает, что смысл социального, постигаемый нами в процессе взаимодействия, есть продукт того, что мы называем «интерпретированными» или «глубинными» правилами. Этнометодология, в отличие от других теоретических подходов, не рассматривает такого рода правила как данные; напротив, они (правила) есть результат своеобразной реконструкции, осуществляемой различными способами в различных ситуациях. Данная реконструкция осуществляется посредством выделения глубинной структуры интерпретированных правил, которые, как считает Сикурел, составляют неотъемлемую собственность человека. Мы не обучаемся этим правилам; они сами как бы выступают в качестве основания для процесса обучения [4, с. 92–93]. Данное положение само по себе интересно, но А. Сикурел идёт далее, пытаясь понять, поче-

му выделяемая им структура правил интерпретации является необходимой.

Для чего необходимо исследование структуры, лежащей в основе интерпретированных правил? Существует процесс перевода нашего внелингвистического опыта восприятия мира в наши описания, осуществляемый посредством языка. Описание события всегда есть и творение этого события; описание никогда не будет актом простого воспроизведения. Следует учесть и тот факт, что не только наш разум, но и наши эмоции вовлечены в процесс опыта по освоению мира.

Во всей предшествующей социальной теории связь между словом и восприятием, между словом и чувством уже затрагивалась; во всех исследованиях эмпирического характера, связанных с анализом речевых актов, так или иначе отмечается наличие такого рода связей. Однако это ещё не означало постановки самостоятельной исследовательской проблемы [4, с. 93]. Одна из идей, вытекающих из феноменологической социологии в целом и из работ А. Сикурела в особенности, как представляется, заключается в формировании самостоятельной области исследований, связанной с изучением иной части мира социального – сферы общих (универсальных) значений.

Библиографический список

1. Cicourel A.V. Cognitive Sociology. – Penguin, Harmondsworth, 1973.
2. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. – New Jersey, 1967.
3. Кукарников Д. Г. Теория общества в XX веке: от Парсонса до Гидденса. – Воронеж: изд-во Воронежского госуниверситета, 2006.
4. Кукарников Д. Г. Философские подходы к исследованию общества. – Воронеж: ВГУ, 2003.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

В. А. Мишин

**Казанский государственный технологический
университет, г. Казань, Россия**

Summary. The process of orientation begun in the XXth century on quality of the goods and servants, and then on creation of systems of quality for all aspects of life of a society, has mentioned also such multiplane, not having while unequivocal definition, a category as «social health».

Keywords: quality of life, assessment of quality of life, a set of indicators of quality of life management.

Начавшийся в XX веке процесс ориентации на качество товаров и услуг, а затем на создание систем качества для всех аспектов жизни общества затронул и такую многоплановую, не имеющую пока однозначного определения категорию, как «социальное здоровье». О его важности говорит и то обстоятельство, что конкурентоспособность стран на мировом рынке стали проверять по фактору социального здоровья общества.

Анализ современных западных теорий качества жизни, представленный в статье Р. М. Нугаева и М. А. Нугаева [1], выявляет основные из них, которые в целом определили становление концепции качества жизни. В социологии и экономической науке (Т. В. Пауэр) в центре внимания оказались такие индикаторы, как уровень преступности, доходов, качество продуктов, доступность учреждений здравоохранения, степень решенности социальных проблем, уровень образования и плотность населения. В качестве субъективного компонента рассматриваются глобальная оценка личного существования индивидуума, его счастья и степени удовлетворенности жизнью, а объективным компонентом является восприятие качества жизни более крупными единицами, такими как семья или локальное сообщество.

Соглашаясь с утверждением, что под социальным здоровьем надо понимать социально-психологическое состояние человека, когда ощущает себя счастливым, мы предлагаем определить социальное здоровье населения как единство показателей, которые характеризуют уровень реализации потребностей человека и степень удовлетворенности его осуществлением своих жизненных планов (жизненных стратегий) и соотносятся, с одной стороны, с минимальными социальными стандартами, с другой – ресурсными возможностями конкретного общества.

Под минимальными социальными стандартами в данном случае понимаются установленные социальные нормативы и нормы, регламентирующие определенный уровень удовлетворения, выраженный конкретными показателями, важнейших потребностей человека в материальных благах, общедоступных услугах, имеющих приоритетное значение при формировании ресурсных мощностей на всех уровнях.

По нашему мнению, под социальным здоровьем следует понимать совокупность характеристик, определяющих соответ-

ствие процессов, результатов и условий жизнедеятельности индивидов, социальных групп, общества природно-заданным и природно-обусловленным позитивным потребностям в их объективном и субъективном проявлении. Такой подход дает возможность объяснять удовлетворенность населения, проживающего на отдельно взятой территории, где уровень качества жизни должен соответствовать не только общепринятым стандартам, но и возможностям их обеспечения, как в определенный момент времени, так и в перспективе. Подобное толкование сущности исследуемой категории позволяет более объективно оценить уровень социального здоровья населения, как конкретного территориального сообщества, так и в целом населения страны.

Библиографический список

1. Нугаев Р. М., Нугаев М. А. Теории качества жизни в современной западной социологии // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 100–105.

ЖИЗНЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

М. А. Бугаева

**Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия**

Summary. Study the life of self-determination is of particular importance in the fundamental social reforms and transformations specific to various spheres of public life, which, in turn, exert a strong influence on both the macro-processes, and on individual life personality, changing values, norms and culture.

Keywords: gender, self-determination, youth.

Актуализация гендерной специфики жизненного самоопределения российской молодежи, в том числе и дагестанской, обусловлена несколькими обстоятельствами, важнейшими из которых являются следующие. Во-первых, исследование жизненного самоопределения приобретает особое значение в условиях кардинальных социальных реформ и трансформаций, характерных для самых различных сфер общественной жизни, которые, в свою очередь оказывают сильное воздействие как на макросоциальные процессы, так и на индивидуальную жизнь

личности, меняя ценности, нормы и культуру. Иными словами, мы можем говорить о дальнейшем развитии и перспективах российского общества, в частности о будущем российской нации, о целостности и возможном процветании российской государственности. Во-вторых, исследование данного аспекта продиктовано важностью декларируемого гендерного равенства, хотя практика свидетельствует о существовании гендерной асимметрии общесоциальных и семейных ролей, соответственно, неоднородности и противоречивости гендерных норм, стереотипов, правил поведения. Следовательно, исследование гендерных особенностей жизненных установок молодежи позволит более глубоко изучить структуру ее ценностного пространства, расширить научные знания о данном возрастном периоде жизни человека.

Как отмечает С. В. Скутнева, «жизненное самоопределение молодежи можно рассматривать как одну из основных форм включения в социальную структуру. Оно детерминируется не только влиянием внешних факторов, обуславливающих процесс включения, но и собственной мотивации жизнедеятельности молодежи. Оно является как бы итогом определенной взаимосвязи социального, профессионального, общественно-политического, мировоззренческого, межличностного и других видов самоопределения. Можно также сказать, что жизненное самоопределение представляет собой процесс целенаправленной выработки личностью жизненных смыслов и целей, жизненной стратегии и тактики с целью реализации своей концепции жизни» [Скутнева С. В., 2003, с. 73].

В социологическом исследовании, проведенном автором в 2009 г. в городах Республики Дагестан (Махачкала, Каспийск, Буйнакск, Кизляр, Избербаш, Дербент), в ходе которого были опрошены 425 юношей и девушек в возрасте от 14 до 30 лет (включительно) была поставлена задача исследовать специфику гендерных отличий жизненного самоопределения дагестанской молодежи. При отборе респондентов применялся метод случайного отбора. Основные группы молодежи по полу составляют 50 % юношей и 50 % девушек, возрасту (до 18 лет – 39,8 %, 19–24 года – 45 %, 25–30 лет – 15,2 %), семейному положению (холостые – 45,8 %, семейные – 30,5 %, разведенные – 14,2 %, вдовы / вдовцы – 9,5 %), материальному положению (средств в основном хватает и откладывают – 52,2 %, достаточно лишь на ежедневные расходы – 29,1 %, покупка большинства товаров не вызывает трудностей – 16,6 %, отказывают

себе практически во всем – 2,1 %), сфере занятости (учатся в школе / лицее – 25 %, в ПТУ, техникуме, колледже – 25 %, в вузе – 25 %, работают – 25 %).

При исследовании жизненного самоопределения молодежи практически все затрагиваемые проблемы рассматривались через гендерный подход.

Прежде всего, необходимо изложить состояние социального самочувствия дагестанской молодежи, под которым понимается мировоззрение каждого отдельно взятого человека, оценка своего социального статуса (семейное положение, карьерный рост, удовлетворенность своим жизненным положением). Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в дагестанской молодежной среде наблюдается адаптация к рыночной экономике, иными словами, данная категория пытается приспособиться к ней. Таковых среди юношей чуть меньше, чем среди девушек, соответственно 45,6 % и 55,4 %. Девушкам более присущи эмоциональность и стремление изменить условия жизни в позитивную сторону – 65,7 %, в то время как юноши – 27,3 % надеются на то, что «все само рассосется» и 7 % не теряют надежду на «собственные силы».

Более того 79,4 % опрошенных (33,9 % юношей и 45,5 % девушек) характеризуют свое социальное самочувствие как «социально-комфортное», и не теряют надежду на «социальную стабилизацию общества» 58,9 % девушек и 41,1 % юношей. В основном свою неудовлетворенность опрошенная молодежь отмечает в отношении уровня получаемых доходов – 45,1 % девушек и 55,9 % юношей, материальной зависимости от родителей (11,3 % юношей и 10,5 % девушек). Немаловажной для опрошенных является жилищная проблема, особенно для тех респондентов, которые состоят в браке, но вынуждены проживать с родителями (74,3 % от общего числа опрошенных).

В ходе опроса респондентам было предложено высказать свое отношение к наиболее распространенным видам и формам проведения досуга, включая организованные культурные мероприятия (посещения театров, музеев, выставок, кинотеатров, дискотек и баров), регулярные занятия в объединениях по интересам (в кружках, клубах по интересам, спортивных секциях и т. д.), домашний досуг (чтение, просмотр телевизора и видеофильмов, компьютерные игры, Интернет, общение с друзьями, пассивный отдых – «ничегонеделание»), активный отдых на природе или даче, неорганизованный досуг вне дома (двор, подъезд, магазины, рынки).

Сравнение предпочтений различных видов проведения досуга позволяет выявить гендерные аспекты досуговой сферы. Дагестанская молодежь, в целом и по всей стране, свободное время проводят за компьютерными играми – 7,5 % юношей и 1,9 % девушек и в Интернете – соответственно 4,8 % и 1,8 %. Вместе с тем юноши предпочитают больше заниматься в спортивных секциях – 28,9 %, а среди девушек таковых мало – 6,1 %. Последние больше времени вынуждены проводить дома, выполняя домашние обязательства, при этом только 3,4 % опрошенных девушек отметили свое нежелание посвящать себя домашним хлопотам, в отличие от юношей, среди которых таковых больше в 2 раза – 8,3 %.

Далее в ходе исследования изучались показатели, описывающие установки и предпочтения в трудовой и семейной сферах, ибо на их основе формируются личные планы как на ближайшее время, так и на долгосрочное.

Не менее важным при исследовании является выявление предпочтений молодежи в трудовой сфере. Мотивация труда является важным показателем направленности воспроизводственных процессов. В современной социологии она рассматривается как решающий фактор социальной эволюции [3, с. 95].

Для дагестанской молодежи характерной является общая переориентация приоритетов от нематериальных ценностей к материальным. В частности, преобладающей мотивацией у юношей и девушек при выборе трудовой деятельности является «хорошая оплата труда» – 29,6 % и 31,3 % соответственно. Возможность профессионального роста занимает второе место среди критериев определения вида трудовой деятельности – 17,6 % юношей и 16,2 % девушек. Третьим по значимости фактором для юношей (7,5 %) является престижность работы, а для девушек (9,1 %) – самореализация, самоутверждение.

Для нашей республики актуальной проблемой является безработица, особенно в молодежной среде. Довольно часто молодые люди с высшим образованием не могут найти применения своим знаниям и оказываются невостребованными по основной специальности. И, чтобы обеспечить себе хоть какую-то материальную независимость, они наравне с категорией молодых людей без образования вынуждены подрабатывать, юноши чаще в строительной сфере, а девушки в торговых точках.

Такая ситуация и далеко не радужные перспективы негативно отражаются на их общем жизненном самоопределении, в частности, на свою невостребованность, следовательно, и воз-

возможность реализовывать свои планы указали 35,6 % девушек и 64,4 % юношей. Однако 37,5 % юношей и 62,5 % девушек не теряют надежду найти интересную работу или же открыть свое дело «по душе». Причем достижение этих целей респонденты надеются осуществить с помощью личных качеств и способностей, высшего образования и знаний. Средства достижения наиболее привлекательных жизненных целей выявляют значимость образования в молодежной среде. Образование ценится девушками больше, чем юношами, за возможность получения знаний, стать профессионалом, улучшить «качество жизни», а не только за его формальный атрибут – диплом. Поэтому среди первых, по сравнению со вторыми больше собирающихся продолжить образование – 38,4 % и 26,6 %, работать по специальности в коммерческих структурах – 15,6 % и 9,1 %.

Важны представления молодежи о семейной сфере. Первый опыт взаимоотношений с другими людьми у человека происходит в семье, следовательно, роль семьи очень значима в процессе жизненного самоопределения молодежи. У респондентов выяснялась мотивация создания семьи, представления о ее назначении, главных составляющих семьи, о предпочитаемом разделении труда в семье.

Результаты исследования показывают, что основанием создания семьи для молодежи является стремление проявить свою заботу и любовь к близкому человеку – 29,4 % юношей и 37,8 % девушек, желание иметь детей – 23,4 % юношей и 29,3 % девушек, реализация потребности во взаимопонимании, психологической поддержке, защите – 17,5 % первых и 24,7 % вторых, в потребности почувствовать свою самостоятельность – 14,3 % юношей и 8,8 % девушек. Различие по основаниям создания семьи у этих категорий сильно проявляется в третьем варианте – девушки больше нуждаются во взаимопонимании, психологической поддержке и защите. Как отмечают опрошенные, «семья – это понимание, взаимная психологическая поддержка» – 47,8 % юношей и 63,6 % девушек. По своей значимости данный фактор находится на первом месте. 14,0 % юношей и 12,8 % девушек считают, что именно в семье человек может быть самим собой. 14,6 % молодых людей придерживаются позиции «семья – это дети, их воспитание», а 6,7 % девушек на третье место поставили «семья приносит человеку наибольшее удовлетворение». Базой создания семьи для 14,5 % девушек и 15,1 % юношей является любовь и счастье.

Респонденты отмечали свое отношение к разделению домашнего труда в браке, в частности, к тому, кто должен вести домашнее хозяйство, на кого ложится зарабатывание денег, распределение семейного бюджета, кто должен заниматься воспитанием детей, уходом за родителями. Опрошенным было предложено отметить, кто должен заниматься вышеперечисленным: жена, муж, оба партнера. При анализе данных по семейным занятиям выявлены предпочтения их выполнения у девушек (соответственно: 57,8 %; 53,8 %; 63,6 %; 66,2 %; 85,4 %; 58,2 %). В то же время юноши отмечают, что ведением домашнего хозяйства должна в основном заниматься жена – 62,4 %, а функция основного добытчика и «кормильца» в семье у мужа – 58,8 %. Таким образом, для мужчин характерны установки на традиционный тип семейных отношений в быту, девушкам ближе эгалитарный тип, то есть хотят делить все обязанности поровну.

Семейный статус женщины по-прежнему отождествляется со статусом домашней хозяйки и воспитательницы детей. Результаты исследования позволяют говорить о том, что общественные противоречия способствуют консервации у молодых людей / мужчин традиционного культурного идеала гендерных отношений в семье, но эти же противоречия толкают девушек / женщин на поддержание эгалитарного типа семьи.

Несмотря на то, что жизненные планы молодежи – фактор субъективный, ей свойственно планировать свою жизнь, стремиться к достижению поставленных целей, и в зависимости от того, насколько полно они претворяются в жизнь, как реализуются, молодые люди становятся либо счастливыми, уверенными в своих силах, либо теряют перспективу, разочаровываются. Социально-экономические трансформации в российском обществе сильно отразились на всех сферах общественного бытия. Прагматизм последних лет жизни прямо коснулся и личных планов молодежи (ближайших и долгосрочных).

С одной стороны, как показывают результаты исследования, «усиливается прагматизм, стремление к материальному достатку» [Луков В. А., 1998, с. 31]. Наши данные свидетельствуют, что к материальному достатку стремятся 16,7 % молодых людей и 19,5 % девушек, однако, данные факторы не отодвигают на периферию традиционные ценности общества: интересная работа, дело по душе важны для 14,1 % юношей и 15,4 % девушек; благоприятный семейный климат – 11,6 % и 13,3 %; надежные, верные друзья – 11,3 % и 10,5 %.

Гендерная специфика выявлена и в том, что касается ближайших перспектив молодежи. У 34,5 % опрошенных в планах дальнейшее продолжение образования, более того, данная позиция более близка девушкам – 37,6 %, чем юношам – 27,3 %. Стремление к материальной обеспеченности является стимулом для основания своего дела (19,8 % первых и 11,7 % вторых), работать по специальности в коммерческих структурах (третья позиция у мужчин – 16,9 %, четвертая позиция у девушек – 9 %).

Таким образом, на фоне прагматизма личностных ориентиров молодежи в сознании девушек / женщин происходит постепенный переход от традиционной модели «мужчины кормильца и женщины – частично домохозяйки» к модели «двух кормильцев» / «двух домохозяев» [1, с. 28, 33], а для молодых людей характерна преемственность главных элементов традиционного культурного идеала гендерных отношений.

Библиографический список

1. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. – 2000. – № 11.
2. Скутнева С. В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социологические исследования. – 1998. – № 3.
3. Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. – 1998. – № 3.

ПОЛОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

С. Ю. Девярых
Витебский государственный
медицинский университет,
г. Витебск, Беларусь

Summary. Within the frames of cultural-historical approach the grounds enabling to single out historical types of sexual socialization are considered.

Keywords: cultural-historical approach, sexual education, sexual socialization, family evolution.

Семейный образ жизни – культурно-обусловленный и исторически сложившийся способ регуляции сексуальных отношений, способность к которому формируется в каждой индиви-

дуальной человеческой истории в процессе онтогенетической социализации, а содержание фамилистических ориентаций личности исторично, поскольку процесс формирования личности детерминирован специфическими общественно-историческими условиями ее бытия. Каждый тип обществ (архаичное, традиционное, современное), определяющийся типом ведущей хозяйственной деятельности, устанавливая место семьи в общественном разделении труда, набор ее общественных функций, определяет направление половой дифференциации, устанавливает нормы, по которым человеческая сексуальность может быть реализована без нарушения стабильности его функционирования, фиксирует специфический для каждого типа обществ тип воспроизводства фамилизма в процессе половой социализации. Наиболее жестко семейный образ жизни воспроизводится в традиционных обществах. В современных обществах, когда семья утрачивает свои хозяйственные функции, процесс половой социализации не центрирован на передаче семейного образа жизни [2].

Половая социализация в условиях социокультурной трансформации семьи имеет свои содержательные и процессуальные особенности, которые в старшем юношеском возрасте проявляются следующим образом: 1) добрачное сексуальное поведение молодых людей утрачивает черты социальной девиантности и, вследствие снижения за ним контроля со стороны общества, становится соционормативным фактором их половой социализации, при этом оно в значительной степени детерминруется гедонистическими и коммуникативными мотивами; 2) в содержательном плане на уровне индивидуального сознания, при сохранении ценности семейного образа жизни, отмечается приоритетная ориентация на реализацию гедонистического и коммуникативного аспектов сексуальности при снижении ориентации на репродуктивный ее аспект; на уровне группового сознания обнаруживаются различные содержательные типы социальных установок в сфере отношения полов, которые дифференцируются по степени принятия – непринятия форм и способов реализации сексуальности, не центрированной на матримонIALности и репродуктивности; 3) в процессуальном плане половая социализация отличается множественностью агентов социализации, снижением значения взрослых и усилением значения сверстников как социализирующих агентов, проявлением неспецифических агентов половой социализации, в качестве которых выступают средства массовой информации [1].

В условиях социокультурной трансформации семьи появляется общественная необходимость в осуществлении специально организованной в образовательной среде подготовки молодых людей к вступлению в брак и созданию семьи. Эта необходимость определяется двумя обстоятельствами: 1) нестабильностью функционирования социальных институтов, регулирующих сексуальные отношения между людьми (брак, семья, родительство, супружество); 2) необходимостью оптимизации добрачного поведения молодых людей, снижения его (поведения) социальной рискованности, обусловленной как сбоями в функционировании института добрачного целомудрия, так и «отложенным» социальным взрослением, приводящим к отсрочке вступления в брак (при созревании физической возможности к этому).

Эта подготовка ведется в двух основных формах: 1) половое просвещение, ориентированное на передачу биомедицинского сексологического знания; 2) половое воспитание, нацеленное на развитие отношений молодых людей, открытие им «личностного смысла» сексуальности. Можно говорить о двух основных целевых установках означенной деятельности: 1) формирование культуры добрачного воздержания; 2) формирование культуры социально-ответственного сексуального поведения. Относительно первой установки можно констатировать, что в условиях социокультурной трансформации семьи нет надежно функционирующего социального механизма, обеспечивающего и добрачное целомудрие, и стабильное функционирование семьи, поскольку функционирование этих социальных институтов значимым образом не сказывается на стабильном функционировании общества (т. е. стабильном функционировании его «экономической» составляющей). Относительно второй установки можно отметить, что ее реализация в педагогической среде будет определяться, во-первых, если у молодых людей будет сформировано чувство социальной ответственности, во-вторых, если у них будет сформировано ценностное отношение к собственному здоровью, в том числе и сексуальному.

Библиографический список

1. Девярых С. Ю. Половая социализация молодежи в условиях социокультурной трансформации семьи: монография. – Смоленск: СмолГУ, 2010. – 256 с.
2. Девярых С. Ю. Сексуальность и социализация: вопросы формирования матримониальных ориентаций личности: монография. – Смоленск: СмолГУ, 2010. – 226 с.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНОГО ПРИНЦИПА ЛОЯЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОКУПАТЕЛЯМ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ XVI – НАЧАЛА XXI ВВ.

А. Л. Кузеванова

Волгоградский институт бизнеса, г. Волгоград, Россия

Summary. In article the basic maintenance of a valuable principle of the loyal relation to the buyer which realization defines specificity of business activity is analyzed. The author, using a historical material, reveals dynamics of this principle in development of domestic business activity, since XVI century and finishing the modern period.

Keywords: business activity, the buyer, the seller, merchant class, a valuable principle, values, a consensus.

Для бизнес-деятельности, сферами реализации которой являются коммерция и торговля, приоритетными становятся вопросы, связанные с обслуживанием клиентов, с выстраиванием отношений по линии «продавец – покупатель». В связи с этим наиболее значимыми для этого вида социально-экономической активности становятся ценности согласования интересов участников процесса купли-продажи, ценности консенсуса, организации бесконфликтного взаимодействия сторон, долгосрочного сотрудничества с потребителями, достижения взаимоприемлемых договоренностей с учетом интересов бизнесмена и покупателя.

Согласование интересов покупателя и продавца является важнейшей предпосылкой становления и успешного развития бизнес-деятельности. С помощью согласования осуществляется воспроизводство элементарно-структурных условий функционирования этого вида социально-экономической активности. Итогом процесса согласования становится установление баланса интересов участников торговой операции, оптимального режи-

ма взаимодействия бизнесмена и покупателя, выражающего учет и соотношение потребностей сторон, направленного на создание надлежащих условий для их реализации.

Отметим, что согласование интересов по линии «продавец – покупатель» в процессе бизнес-деятельности осуществляется с помощью механизмов консенсуса, который должен быть достигнут в нескольких сферах:

- консенсус по поводу целей бизнеса: их социализация, повышение уровня социальной ответственности субъектов бизнес-деятельности создает определенные основания для повышения уровня доверия со стороны покупателя, в сознании которого формируется позитивное представление о целевых установках бизнесмена;
- консенсус по поводу использования средств для достижения целей бизнеса: формирование сходных представлений покупателей и представителей бизнес-сообщества о выборе средств для извлечения прибыли в системе таких координат, как «легитимно – незаконно», «одобряемо – осуждаемо», «нравственно – аморально» и т. д., способствует достижению согласия между участниками процесса купли-продажи;
- консенсус по поводу прав и обязанностей: согласование представлений бизнесменов и покупателей по этому вопросу является основой для предотвращения конфликтных ситуаций в процессе осуществления торговой деятельности.

Значимость ценности организации бесконфликтного взаимодействия сторон в процессе осуществления бизнес-деятельности обуславливается тем, что плодотворное сотрудничество покупателя и продавца, построенное на предотвращении конфликтных ситуаций, является одним из условий создания конкурентоспособного положения бизнес-организации на рынке. Торговый процесс представляет собой комбинацию продаж и искусства налаживания контакта с потребителями, это взаимодействие равноправных партнеров, интересы которых изначально имеют противоположный характер: бизнесмен заинтересован в получении максимальной прибыли, покупатель – в удовлетворении своих потребностей с минимальными затратами. Поведение продавца, направленное на поддержание бесконфликтных отношений с клиентом, является неотъемлемой частью его профессиональной этики. Осознавая приоритетную значимость ценности бесконфликтного

взаимодействия, бизнесмен, опираясь на свои профессиональные знания, навыки и способности, создает партнерскую модель взаимоотношений с покупателем, в рамках которой акцент делается на сотрудничество с выработкой обоюдовыгодной линии поведения.

Важность ценности долгосрочного сотрудничества с потребителями определяется тем, что подобный характер взаимоотношений открывает перед бизнес-организацией целый ряд перспектив: формирование постоянной клиентской базы, а значит, возможность стабилизации прибыли; более глубокое изучение потребительского спроса той группы клиентов, которая приносит компании основную часть прибыли; создание позитивного имиджа организации, что в конечном итоге позволит привлечь новых, потенциальных покупателей; рассмотрение перспективных направлений развития коммерческой организации на долговременной основе.

Ценность достижения взаимоприемлемых договоренностей в бизнес-деятельности приобретает особую значимость, поскольку позволяет установить баланс интересов покупателя и продавца, выработать ту линию поведения участников договорного процесса, которая позволила бы сделать их взаимодействие наиболее эффективным и взаимовыгодным. На этой основе формируется контрактная модель равноправия, базирующаяся на идее равенства покупателя и продавца как участников коммерческой сделки.

Рассмотрим динамику ценностного принципа лояльного отношения к покупателю в исторической ретроспективе. Идеальная модель взаимодействия двух сторон, участвующих в процессе купли-продажи, базирующаяся на соблюдении принципов честности, лояльности и уважения достоинства описана в наставлении священника Сильвестра (XVI в.), дававшего советы своему сыну, работавшему в таможенной службе: «Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не дает, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман: кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывали...» [6] Иными словами, Сильвестром описывается идеальный образ купца, являющегося добрым хозяином, живущего «по отеческому преданию и христианскому за-

кону», добивающегося своих целей не с помощью насилия и грабежа, а старанием, ведением дела по средствам.

Однако ведение торговых дел купцами во многом отличалось от описанного выше идеального варианта взаимоотношений покупателя и продавца. Известный мыслитель, наставник детей царя Алексея Михайловича Симеон Полоцкий, весьма критично относившийся к торговцам, писал, что «чин купеческий без греха едва может быти, на многи бо я злобы врас обыче лстити; изряднее лакомство в купцах обитает, еже в многия грехи оны убеждает» [8, с. 7–8]. Перечисляя различные греховные дела, сопутствующие деятельности русских торговых людей, автор «Вертограда многоцветного» особо отмечает обман и обвешивание покупателей, «лихоимство», искусственное завышение цен. На столичном рынке, как и в других городах, купцы нередко прибегали к обвесу, сбывали по неоправданно высокой цене залежавшийся товар, пытались не только избежать убытков, но и извлечь большой доход. Описывая состояние московской торговли в начале XVI века и обычаи русских купцов, посол из Австрии Сигизмунд Герберштейн отмечал, что «торгуют они с великими обманами и коварством. Мало того, желая купить какую-нибудь вещь, они оценивают ее, с целью обмана продавца, менее чем в половину стоимости и держат купцов в колебании и нерешительности не только по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния» [3]. Посол Священной Римской империи Августин фон Мейерберг, присланный ко двору Алексея Михайловича, разделял общее негативное мнение иностранцев о русских торговых людях, отмечая, что «купцы подкрепляют свои обманы ложной божбой и клятвой при торговых сделках; эти люди такой шаткой честности, что если торг не тотчас же окончен отдачею вещи и уплатой цены за нее, то они легкомысленно разрывают его, если представится откуда-нибудь барыш позначительнее» [Цит. по: 5, с. 582]. В своих записках шведский дипломат Петрей де Ерлезунда, приехавший в Россию в 1617 году, обвиняет московских торговцев в мошенничестве и нежелании выполнять взятые на себя обязательства [7], а секретарь посольства императора Леопольда I Корб, описывая результаты своей поездки в Москву в 1698–1699 гг., приходит к неутешительному выводу о том, что русские купцы не придерживаются каких-либо правил в торговле и рассматривают обман в качестве доказательства выдающегося ума, а порок и его проявления воспринимают как достоинство [5, с. 582–583].

Очевидно, что подобные негативные оценки принципов ведения русской торговли, которые мы находим в сочинениях иностранцев, нельзя считать полностью соответствующими исторической действительности, поскольку они обусловлены наличием конкурентного противостояния между отечественными и иноземными купцами. Конечно, нет смысла отрицать наличие различных злоупотреблений в сфере торговли рассматриваемого периода. По этому поводу русский историк Н. И. Костомаров писал, что плутовское поведение русского купца есть «необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоями и набегами. На низкой степени цивилизованности она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения приобретают характер честности» [Цит. по: 1, с. 25]. Аргументируя свою оценку нравов русских торговцев, историк приводит в качестве доказательства тот факт, что и в Европе в рассматриваемый исторический период коммерсанты не были образцом честности и порядочности. Подчеркнем, что и сами иностранные авторы находили примеры, демонстрирующие положительные стороны русской торговли, указывая, что торговые обычаи Пскова и Новгорода достойны уважения. Так, Поссевин и Герберштейн отмечают, что псковских купцов можно считать добросовестными людьми, поскольку они торгуют товарами без хитрости и обмана. Новгородские торговые люди, по мнению иностранцев, весьма обходительны с покупателями и отличаются прямоотой характера. Неблагоприятное влияние на местные традиции ведения торговых дел оказывают московские купцы, которым свойственна хитрость и изворотливость.

Отметим, что исторические данные свидетельствуют и о соблюдении рядом представителей купеческой среды ценностных принципов честности и лояльности в отношениях с покупателями. Так, Кузьма Минин, занимавшийся торговлей мясом в Нижнем Новгороде, не прибегал к завышению цен во время голодных лет начала XVII века, пользовался уважением среди горожан и на выборных началах выполнял обязанности земского старосты. Именно Минин наряду с Д. Пожарским стал руководителем военного ополчения 1612 г., благодаря действиям которого Москва была освобождена от войск интервентов. Под-

черкнем, что праведная жизнь некоторых представителей русского купечества была высоко оценена православной церковью, что стало основанием для их канонизации. Так, к лику святых были причислены выходцы из купеческой среды, жившие в XVII веке, Василий Мангазейский и Елеазар Анзерский.

Если анализировать реализацию ценностного принципа лояльного отношения к покупателям в развитии бизнес-деятельности XVIII – первой половины XIX вв., то следует отметить, что в своей профессиональной деятельности российское дореформенное купечество нередко демонстрировало двойственную линию поведения: с одной стороны, могли в полной мере соблюдаться высокие морально-этические принципы в отношениях с покупателями, а с другой – достаточно распространенными были случаи нарушения этого принципа. «Порядочный купец, – писал об этом Г. Балицкий, – вас не обочтет, не обмеряет и не обманет ценою; беспорядочный же – только развесьте уши, так обкарнает и продаст такой сентиментальный товар, что вы и дома не скажетесь». При этом решение о соблюдении указанного принципа принималось купцами в зависимости от ситуации и социального, религиозного статуса покупателя: в отношении единоверцев правонарушения допускались значительно реже, чем во взаимодействии с представителями других сословных групп и конфессий.

О фактах игнорирования принципа лояльного отношения к покупателям в торговой среде писал в своих воспоминаниях О. Еленский, отмечавший наличие в купеческом характере таких черт, как невежество и недостаток честности, отсутствие представлений о цивилизованной торговле [4]. Палитру неблагоприятных поступков купцов, идущих в разрез с принятыми в обществе нормами, дополняли действия, связанные с невыполнением взятых на себя обязательств. В частности, подобные выводы подтверждает письмо Т. Г. Шевченко, отправленное Ф. Лазаревскому, в котором речь идет о купце О. Путолове, обещавшем писателю передать книгу адресату, клятвенно утверждавшем, что поручение было выполнено, что на самом деле не соответствовало действительности, поскольку фолиант доставили через другого человека и в гораздо более поздние сроки [9]. В записках купеческого сына П. А. Бурышкина, посвященных описанию специфики ведения коммерческой деятельности, деловых традиций и нравов московских купцов, прямо указывается на широкое распространение среди представителей торгового сословия таких правонарушений, как мошенничест-

во, плутовство, обман покупателей [1, с. 31]. Примечательно, что купцы, ставшие авторами трудов о развитии русской торговли, были склонны к нелицеприятной оценке характера деятельности тех, кто на профессиональной основе занимался куплей-продажей товаров, аргументируя свою точку зрения цитатами из евангельских текстов: «Едва изыдется купец от погрешения и не оправдается корчемник от греха» [2, с. 197].

В условиях трансформации общественных отношений к 50-м гг. XIX века формируется принцип сохранения купеческой чести, следование которому было связано и с практическим расчетом, поскольку ведение дел в соответствии с принятыми морально-нравственными нормами рассматривалось как возможность для повышения уровня доверия со стороны покупателя. У русских купцов постепенно формируется осознание важности культивирования социально значимых добродетелей, обладание которыми становится не только одобряемым в обществе, но и экономически выгодным. Одной из иллюстраций подобных изменений в профессиональном поведении представителей российского купечества можно считать пример ростовского купца Ефграфа Кайдалова, предупредившего пограничную комиссию о возможности эпидемии холеры из-за прибывшего бухарского каравана и пожертвовавшего солидную сумму на предотвращение возможных негативных последствий. Позднее этот торговый человек удостоился чести носить медаль на Аннинской ленте, что значительно повысило его социальный статус и способствовало формированию положительной деловой репутации. Исторические данные свидетельствуют о том, что соблюдение принципа сохранения чести побуждало купцов быть особенно щепетильными в ведении дел, в отношениях с покупателями. Описывая нравы представителей дореформенного делового сообщества, А. С. Ушаков отмечал: «... тогда ... ведь этих теперешних векселей, да расписок разных и помину не было, а верили, большей частью, просто на честное слово, и слово купеческое свято было, да лучше всяких нынешних векселей» [10]. Сохранение чести становилось для купцов выражением их корпоративной самоидентификации, что мотивировало их к соблюдению морально-нравственных норм и выполнению обязательств, взятых на себя в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Анализ ценностных принципов отечественной бизнес-деятельности показал, что методы ведения дела в дореволюционной России второй половины – конца XIX века отличались

своей спецификой, заключавшейся в том, что получение прибыли напрямую зависело не от установления высоких цен, а от увеличения объемов торговли и интенсификации оборота средств. «...оценка достоинств фирмы была иной, чем, например, во Франции, в настоящее время, – отмечает П. А. Бурышкин. – Здесь торговец старается продать как можно дороже, хотя бы за счет сильного сокращения оборота: хороший купец тот, кто умеет продавать дорого, и всяческие профессиональные группировки всячески этому способствуют. В России было наоборот: хорошей фирмой считалась та, которая могла торговать дешевле, чем ее конкуренты» [1, с. 103]. Иными словами, купцы демонстрировали свою приверженность ценностному принципу лояльного отношения к покупателям, заинтересованным в понижении цен. Другим примером реализации этого принципа следует считать достаточно широкое распространение продаж товаров в кредит, когда владелец торговой лавки, желая привлечь покупателей, выдавал клиентам специальную книжку, в которую заносились записи о совершенных покупках. Кроме того, в магазинах использовалась система премирования добросовестных плательщиков, которым в качестве поощрительного подарка выдавался бесплатный товар.

Материалы глубинных интервью, проведенных автором в мае 2010 г. с 30 волгоградскими бизнесменами, показывают, что большинство бизнесменов строят свои взаимоотношения с клиентами, опираясь на принцип максимально лояльного к ним отношения. В числе основных оказались следующие приоритеты: соблюдение требований потребителей в процессе торговли, стремление к высокому уровню обслуживания клиентов, уважение их человеческого достоинства и нацеленность на компромисс в разрешении конфликтных ситуаций. В основе такой линии поведения – не столько альтруистические мотивы, сколько прагматические соображения, связанные с осознанием значимости позитивного отношения покупателей для процветания бизнеса. «Мы предлагаем нашим покупателям лучшие цены и широкий ассортимент товаров, – подчеркивает владелица супермаркета (38 лет, 11 лет в бизнесе). – Доволен покупатель, значит, продажи растут, и наши дела идут в гору. Хотим, чтобы люди жили лучше, богаче, сохраняя свои деньги. Я сама давно в торговле, и меня всегда обижает сложившийся стереотип: торговля – дело нечестное. Я вместе со своим коллективом хочу доказать обратное». «Мы с клиентами друзья, – рассуждает владелица отдела по продаже тканей и фурнитуры (47 лет, 16

лет в бизнесе). – Каждый из них любим. Всех знаю по имени и отчеству, могу о детях разговор поддержать. К каждому пытаюсь найти свой подход. Нужно уметь привлечь покупателя, от этого мои доходы зависят». «Наша марка – это свежий, безопасный товар и безупречный сервис, – утверждает владелец гипермаркета (43 года, 12 лет в бизнесе). – Не понравился товар, стоимость которого не превышает 2 тысяч рублей, можно вернуть, мы безоговорочно примем обратно и деньги вернем. Мы должны идти навстречу покупателю, ценить его, это в наших интересах. Так репутация нарабатывается, а без нее сейчас никуда». «С покупателем надо вежливо обходиться, – отмечает владелец частного рынка (45 лет, 17 лет стажа в бизнес-деятельности). – Сегодня просроченный товар продашь, а завтра тебе же и хуже будет. Сегодня люди грамотные стали, их на «мякине» не проведешь».

Подводя общий итог, следует отметить, что именно реализация ценностного принципа лояльного отношения к покупателям определяет специфику бизнес-деятельности. Следование императивам этого принципа создает основания для формирования деловой репутации бизнесмена и бизнес-организации. Использование положительного исторического опыта развития отечественного бизнеса современными представителями деловой среды могло бы стать основой для нравственной легитимизации бизнеса в России.

Библиографический список

1. Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М., 1991.
2. Вавилов И. Беседы русского купца о торговле. – СПб., 1846.
3. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 81–82.
4. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. – 1906. – Т. 127. – №9. – С. 680.
5. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. – М., 2004.
6. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985. – С. 169–171.
7. Перхавко В. Б. История русского купечества. – М., 2008. – С. 199.
8. Полоцкий С. Избранные произведения. – М., Л., 1953. – С. 7–8.
9. Путолов И. Ф. – оренбургский купец первой гильдии // Оренбургская шевченковская энциклопедия. URL: <http://www.orenburg.ru/cultur/encycllop/tom1/index-part1.html>
10. Ушаков А. С. Барин и купец. Очерки // Из купеческого быта. – Ч. 1. – М., 1862. – С. 188.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МИГРАЦИОННОГО ОПЫТА

И. С. Метелев

Омский институт (филиал) Российского государственного
торгово-экономического университета,
г. Омск, Россия

Summary. The author examines the major trends of conflict actions within the boundaries of the migration experience, ways of thinking about the phenomenon of migration in collaboration with the social environment, and on this basis, the direction of the localization of the conflict space of citizens in the development of the migration process.

Keywords: conflict, migration experience, tolerance, communicative action, culture.

В конце XX века 1996 год был объявлен ЮНЕСКО «годом толерантности». Но очевидная актуальность этого явления на фоне межнациональной вражды, локальных военных столкновений преследования национальных меньшинств не делает его прозрачным для понимания, автоматически не проясняет внутреннюю природу. Существенный вклад в понимание толерантного поведения вносит В. А. Лекторский. Так, им выделяется, во-первых, толерантность как безразличие, т. е. исключение внерациональных способов действий, связанных с принимаемой человеком традицией, с тем местом, где он родился и живет, с историей его страны, с его собственной биографией. Это порождает необходимость проявлять в определенных пределах терпимость к неразумным взглядам, когда индивиды способны самостоятельно прийти к признанию истинности того, что может быть бесспорно и универсально установлено. Во-вторых, толерантность выступает в качестве невозможности взаимопонимания. Речь идет о небесспорности и неубедительности попыток установить социокультурные нормы общежития «для всех». Самоидентичность разных культур основана на том, что они как бы не касаются друг друга, существуют, по сути дела, в разных мирах. В-третьих, толерантность обнаруживает себя как снисхождение, поскольку одна сторона придерживается системы взглядов, норм, ценностей не просто потому, что «они мои», но по той причине, что предлагаются другой стороне превосходящие системы и ценностные ориентации («с моей точки зрения, лучше других»). Привилегированная система отсчета препятствует взаимопониманию и негативным образом корректи-

рует идею плюрализма. В-четвертых, ассоциативность толерантности и терпимости приводит к расширению собственного опыта, критического диалога и, как следствие, плюрализму (полифонии). В частности, появляются модификации общения «Я для другого», «Другого для меня», создаются основания единства действий, межапарадигмального диалога, соответственно развиваются эффективные способы контроля поведения, умение видеть в чужой культуре не враждебные позиции, но возможности помощи, проблематику человеческого существования в интеллектуальной системе отсчета [14, с. 48, 49].

Сегодня понимание миграции обращено к широкому классу социальных явлений, многофакторности процессов ее развития во времени и пространстве современного социума. При всех различиях объяснение «человека мигрирующего», его социально-жизненное содержание редуцируются прагматическими соображениями, рассматриваются по отношению к институционально-экономическому устройству общества. Вместе с тем миграционные процессы имеют историческую протяженность, включают периодизацию миграционного опыта, воплощают кристаллизацию универсальных общественных связей. В этом случае выявляется незаменимая роль социально-философского анализа в объяснении качественного своеобразия миграции, ее генезиса и многомерности развития, в особом зрении социальной логики, перспективных моделях перемещений граждан, в том числе применительно к внутривнутриполитической обстановке.

Философско-социологически «миграция» означает не только смену места жительства, перемещение, но допускает более расширительное толкование (различные типы движения – от ежедневных поездок-переездов, до далеко-близких путешествий, возвратных и безвозвратных) [18, с. 286, 287]. Речь идет о протяженных, рекомбинирующихся, сменяющих друг друга видах деятельности, в том числе в «своевременности» постановки общественно-политических проблем, «связывании» пространственно-предметных структур обновления жизни. В философском смысле можно говорить о сопряжении социально-метафизического и социально-онтологического планов: в первом случае миграционный процесс открывается со стороны измерения социально-человеческих сил, инструментальности взаимодействий, преодоления видимых и невидимых препятствий; во втором – выявляются сущностные характеристики

мира мигранта, многообразие структурности пути, единство уникальных и действенных моделей перемещений.

Универсальный характер «подлинной» миграции (всеобщей, вневременной, цивилизационной) предполагает проблематичность ориентаций субъекта (группы людей) в пространстве изменяющегося мира. В феноменологическом смысле «человек мигрирующий» осуществляет «предприятие», но не как приложение продуктивных усилий и трудовых навыков, а как «задуманные» действия и шаги в неопределенности результатов самого процесса. Как отмечает И. Т. Касавин, исторически следует принять образ призрачности, нереальности, текучести миграционного опыта. Только первоначальность регионализации местности снимает абстрактность подобных перемещений (путешествий, поисков пути, дорог и т. д.). Последующая пульсирующая структурность мира порождает усиление миграционного процесса в переходе к гетерогенной автономии, что порождает далеко идущие следствия. Так, начинается поиск человеком новых территорий и «самого себя» уже в обладании набором интеллектуальных и витальных качеств выживания.

В результате, подчеркивает И. Т. Касавин, получает развитие «транзитная онтология», и в принципиальном смысле универсальный опыт миграции исключает привязанность к конкретике территорий. Подобное практикующее существование связывает между собой магистрали конкретной местности и миры общечеловеческой культуры (в перемещениях «Великого Бездомного» через социокультурные проселки по новым траекториям»). При этом жизнь на определенной территории представляет не постоянную смену деятельности, но культивирование ее отдельных типов и создание условий их воспроизводства. Сообразно этому устанавливается политико-властная обстановка, появляются законодательство, мораль, общественная психология и идеология. В житейском плане появляется Дом, который сообщает жизни порядок (симметрию), не случайно мышление местных жителей ориентировано на примирение противоположностей, приобщение к социально-значимым духовным и практическим стереотипам [11, с. 78, 81].

Исторически увеличение трудовых ресурсов на основе миграции означало возрастание продуктивной силы, но это должно сочетаться с внутренней интеграцией жизни общества, когда позиции переселенцев соотносятся с жизненными установками других членов общества. Как отмечает В. Е. Кемеров, необходимо «встраивание» людей в объемы деятельности своими ка-

чествами и умениями, но не физическими и элементарными двигательными навыками (в этом случае слагается энергия «человеческого механизма»). В социально-исторических системах для использования на вспомогательных работах при возведении сооружений создавалась «армия мигрантов», которая являлась частью «социальной машины». Ее применение было продиктовано экономическими причинами, например, великие стройки прошлого (как и современности) создавали атмосферу постоянного напряжения в обществе, были призваны поддерживать строгие порядки, что являлось формой воспроизводства государства, подкрепления его власти и влияния. Общество как «социальная машина, – подчеркивает В. Е. Кемеров, – поддерживало нормальный режим работы другой машины – «машины власти» [13, с. 177].

Условием позитивного развития миграционных процессов является система ценностных ориентаций современного российского социума. Как отмечают В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз, ценностные отношения формируются в процессе деятельности и реализуются через деятельность, но, например, общечеловеческие ценности в гражданском обществе являются лишь потенциальными и имеют характер достаточно абстрактных идей. Вместе с тем резкое изменение социальных условий, смена общественных ориентиров приводят к тому, что механизм воспроизводства ценностей может предстать ведущим, хотя возможно «расстройство» индивидуальной ценностной системы (несмотря на противодействие со стороны механизмов традиционной социокультурной сферы). Например, шкала ценностных ориентаций россиян сохраняет такие установки, как «человеку свойственны разные проявления, но все-таки по природе он добр», «жизнь человека – высшая ценность, только закон может посягнуть на нее», «только содержательная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею...» и т. д. [6, с. 98, 99].

На универсально-исторической основе формируются акты и контакты, когда появляется «моя действительность», «мой дом», как реальное столкновение фактических соотношений и сил. В этом плане происходит наделение повседневности «моим» смыслом, моей судьбичностью («рядовой», «обыденной», «элементарной», «рутинной», «будничной»). Понятие «будней» в отношении к опыту миграции более приближенное, чем «нравы», «образцы», «стереотипы» поведения. И еще важный вывод: действительности, т. е. разумеется «истинной действительности», нет, но власть, согласно Х. Ортеге-и-Гассету, есть

«сосуществование устойчивое, организованное, статическое». С другой стороны, равновесное состояние не исключает «ту динамику, которой государство рождено и держится». «Созданное государство, – подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет, – результат усилий, его создавших, исход долгой борьбы». Собственно, государственной власти предшествует «строительство государства, и вот оно-то и есть источник и залог движения». И, наконец, радикальный вывод: «Государство – преодоление всякой природной общности. Это метис и полиглот» [17, с. 136, 137].

Ход мыслей испанского философа не подтверждается исходом миграционных процессов в ряде современных государствах. Так, в октябре 2010 г. канцлер ФРГ А. Меркель сделала громкое и сенсационное заявление (в подтверждение прежним выводам политиков) о том, что политика «мультикультурализма», т. е. стремление обеспечить принцип «жить рядом и ценить друг друга», в отношении коренных жителей и мигрантов потерпела крах. Процесс ассимиляции последних угрожает самоликвидацией традиционной общественной системы, которая не нуждается в притоке населения других стран, и сегодняшние общественные настроения соответствуют правопопулистским воззрениям политиков.

Прежде всего это распространяется на повседневное зрение, когда различие «заученной» моральности и реального поведения проявляется в непонимании этической максимы: все приличное естественно, но не все естественное прилично (как, например, освобождение от ряда одежд в помещениях, на станциях и т. п.). Отсюда – непрекращающиеся призывы к введению «кодекса поведения» гостей в российских городах, на более высоком уровне – требование возведения «Великой антимиграционной стены» [3].

Развитие миграционных процессов означает, что многие этносы «оживают». Но видовая миграция связана с развитием экономико-трудовых потенциалов, т. е. не со стремлением к самореализации, а с поисками элементарной работы, когда среди мигрантов преобладают «нищие граждане» с достаточно низкими экономическими и духовными запросами. Как отмечает О. Ф. Шабров, это не переселенцы, которых раньше называли «солью нации» как подвижных, предприимчивых людей, способных поднять экономику: приезжают те, кто у себя в республике, на родине не смог найти повседневного применения. Соответственно, они не несут заряда культуры, даже собственной, который позволил бы оценить и построить правильное, уважи-

тельное отношение к ценностной системе людей, которые на данной территории проживают [23, с. 18].

В строгом этическом смысле кодексы (моральные кодификации) представляют собой упорядоченный свод правил деятельности и поведения в качестве конкретного регулятивного механизма убеждения в их правильности и необходимости. Всеобщий характер кодификаций сочетается с их ситуативным содержанием в форме условных «заверений», призванных поддержать и укрепить моральный престиж и статус групп и слоев в обществе, а главное, внушить к ним доверие, обеспечить благоприятные нравственно-этические предпосылки собственного развития. Но это не означает, что у мигрантов должна быть собственная мораль.

Прежде всего необходимо изменение общеморальной обстановки в обществе. Нравственные смыслы поведения, шире – социальная этика – предполагают достижение социально-человеческого взаимопонимания и солидарности. Но современный производительный труд включается в экономику посредством денежного механизма. Согласно Н. Луману, на переднем плане новые формы социальности, предполагающие не межличностное взаимопроникновение, а современный рынок и его прагматические организации. Это исключает полное включение «комплексности человека в комплексность другого», что не просто не нужно, но чего следует избегать как фактора [15, с. 317]. Естественно, что это сказывается на большинстве трудовых мигрантов как дешевой рабочей силе. Только при постепенной смене форм общественной дифференциации возможны мотивы взаимоуважения и взаимовнимания как процесса углубления социальной интеракции.

В этом контексте следует вновь обратиться к гамме внутренних чувств, которые могут быть обнаружены «в сердце мигранта». Т. Шибутани следующим образом характеризует социальную психологию человека-мигранта (в том числе, в статусе маргинальной личности как «феномена окраины жизни»): серьезные сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с новым окружением, постоянная боязнь быть отвергнутым, как следствие, болезненная застенчивость в присутствии других, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любой неожиданной ситуации, неспособность утвердиться во мнении, что внешний мир справедливо к нему относится [24, с. 492]. Это диктует необходимость избегать неоправданно причиненных огорчений, исключать вызванные оскорбительными действия-

ми чувства, причинение ущерба в намеренных случаях принижения достоинства и соответственно поиск путей гуманистической основы жизни в прояснении общепредпосылочных оснований деятельности («саморассудительной рациональности»).

Соответствующие социальной интеракции экономические силы обуславливают тенденции «соразмерности» социальных ориентаций, формируют взаимосвязи профессионально-трудовых ресурсов. Но социальная интеракция не заявляет о себе просто «по истечении времени», оптимальное пространство жизненно-практических сил не сохраняется автоматически. В границах текущей социальности его следует «простраивать» и воспроизводить в разделено-связанных действиях, удерживать «ускользающую социальность» взаимодействия в единстве «своевременности современности» как реальности миграционного опыта.

В этом случае возможны, во-первых, социально-миграционная диагностика как выявление сущностной характеристики явлений и процессов для последующего их «распознавания» в методах измерения характеристик; во-вторых, социальная адаптация как процесс приспособления, «освоения» личностью мигранта или группой новых условий социальной среды (мигрант как адаптант), в-третьих, на данной основе формируется социальный порядок как связывание элементов социальной системы во времени и пространстве, появление оптимальных форм общественных отношений (в установленных образцах, постоянстве структурных образований, процессов и явлений социума). Как важный этап формирования образа жизни мигранта социальная адаптация включает: первоначальную стадию совмещения новой и прежней системы ценностей; стадию терпимости как готовность к взаимодействию и взаимоограничению, принятие универсальных образцов поведения; аккомодацию как признание основных элементов системы ценностей новой среды; ассимиляцию как полное совпадение ценностных ориентаций индивида, группы и среды. Настоятельный призыв-пожелание сохранить тенденции нормализации, нормального хода жизни при «насыщении» ее мигрантами требует политической вдумчивости.

Говоря о природе социального порядка, Н. Луман подчеркивает особую природу нормативных факторов, кодификационных зависимостей или регламентаций. Так, социально-феноменологическая программа выявления изначальной субъективности действий того или иного лица обнаруживает тен-

денцию «постоянного перехода от первичной наивности к рациональности». Но ни развитие как таковое, ни просвещение не следует считать «замещением плохого хорошим». Если распространить эти заключения на вхождение мигрантов в новую среду, речь идет именно о жизненном мире неактуализированных возможностей. В этом случае эффективность социального порядка возможна не на основе прямых целеуказаний, а «в виде умножения формулируемых и не формулируемых, проблематизированных и не проблематизированных смысловых предпосылок социального общения» [15, с. 111]. Здесь нельзя ограничиваться применением различных техник, в том числе исключительно этически-регламентационного порядка.

Если маргинал – «социальный атом» как обособившийся индивид вследствие распада социального взаимодействия, то мигрант – «социальный дискрет» как особая личностная процессность, в которой обрывается социальная связь. Но акцент на факторе социализации оставляет без внимания потребность человека выходить за пределы самого себя, окружающего мира, когда необходимо не только «встраиваться», но и создавать свои новые миры. Этому соответствует видовое качественное разнообразие современного миграционного процесса [15, с. 309–311, 319]. Иначе произойдет возвращение к практике лимитирования, ограничения социальной формы и самораскрытия жизненных сил (достаточно вспомнить советских трудовых мигрантов на стройках столицы как «лимитчиков», еще хуже «лимиты»).

На восприятие пребывающих мигрантов влияет представление россиян о собственной стране. З. В. Сикевич иллюстрирует следующие закономерности. Разрушение символического единства страны, ее представимого социального пространства вызывает у людей чувство «хаоса», «неустойчивости», «беспорядка». К этому присоединяются интегральные характеристики переживания социального бытия, в том числе такие, как индивидуально-личностное самочувствие, стабильность или, напротив, чувство тревоги за сохранение константных качеств национального характера, будущего страны. С одной стороны, выделяется державная атрибутика («мощь», «непобедимость», «мы выстоим»), с другой – распространяется крайне критическое восприятие («вечные проблемы», бросаемся из «крайности и крайность», «гремучая смесь Европы и Азии»). Вместе с тем достаточно спокойно воспринимаются понятия-образы «природных богатств», «больших территорий» и достаточно определенное признание «богатой культуры», и таких главных черт

психологического строя русского населения, как «душевная широта», «терпеливость», «добродота», «радушные», «бескорыстие» [19, с. 92, 93].

Универсальность социально-человеческой судьбы мигранта характеризуют признания, подобные нижеследующему: «предложили работать в Москве, я сразу согласилась, но руководство предприятия стало понижать зарплату, потому что «я иностранка», уволиться было «делом принципа», на другой работе отказались заниматься моей регистрацией, решила вернуться в Киев, заработок здесь не ниже, но проблем точно меньше». Более международный вариант: «из Киева в США меня увезли еще школьницей, хотелось вернуться, пожить, поработать, решила, что надо ехать, нашла работу просто, хотя зарботки низкие, но больше всего пугает засилье бюрократии, необходима какая-нибудь справка, просто опускаются руки, совершенно не знаешь, как себя вести, и года не протянула – решила вернуться в Америку» [9]. Характеристические особенности данных судеб свидетельствуют, что Украина является привлекательной прежде всего для собственных граждан, которые вынуждены покинуть страну.

Сегодня многие страны, в том числе Украина и Россия, не придерживаются жесткой миграционной политики. По этой причине география миграций жителей крайне разнообразна (хотя речь преимущественно идет о сезонной миграции на вспомогательных работах, подручного плана). К тому же высокий уровень трудовой миграции сосуществует с высокими показателями смертности и старения населения, что вынуждает переходить к репатриации соотечественников из стран СНГ. В отношении Украины имеется прогноз Института народнохозяйственного прогнозирования РАН о том, что нормализация жизни в Украине приведет к следующему: миграция просто «потечет в эту страну». Существенный вывод сделан в отношении статуса мигрантов: это те, кто считают, что достойны лучшей жизни, чем та, которую им предлагала родная страны. По мнению руководителя центра демографии и экологии РАН А. Вишневого, следует не устраняться от приезжих, а активно вовлекать их в жизнь принимающей страны, т. е. дать максимально адаптироваться, «не дать сбиться в кучу» [9].

В данном отношении приток мигрантов в Россию встречает неоднозначное и противоречивое отношение, что одновременно выражается в призывах к возведению «Великой антимиграционной стены» и риторических вопросах: «Спасет ли нас

миграция?», «Будут ли в России бунты миграции?» Только в единичных случаях говорится о «цивилизованном обмене трудовыми мигрантами в СНГ», например на основе заключения конвенции [4].

Фактически положение личности мигрантов отвечает «первой индивидуальной революции», которая, согласно представлениям В. Е. Кемерова, закрепляет положение человеческих индивидов в институционально-организационных структурах в качестве объектов манипулирования с их стороны как проводников решений. В этом случае формы самоопределения индивидуального человека как бы «отделялись» от него, превращались в схемы внешней мифологизированной или обезличенной социальности (индивид не узнавал в них «себя», был крайне стеснен в «развертывании своей энергии, стремлений, интересов»). Исправление положения людей соответствует «второй индивидуальной революции» как начала появления личных зависимостей в процессах реализации жизнедеятельности, когда социальная форма закрепляет законную роль и место индивидуальных человеческих качеств в структурах социальности. По аналогии занятость мигрантов оказывается свободной от произвольной инициативности и подпадает под «закрепляющее» воздействие на человека.

Видимо, в перспективе происходит усреднение миграционного статуса и положения гражданина, когда экстенсивная социальность испытывает кризис и помещает «развернутую индивидуальность» в узловые точки социальной организации, ставит под контроль личности механизмы и автоматизмы социальности [13, с. 212, 213]. Отсюда вновь понятные намеренные попытки этизировать поведение групп мигрантов – прежде всего в формах кодификации поведения, которые обнаруживают существенные препятствия. Менее всего показательно заявление Президента Чеченской республики Р. Кадырова (хотя почему нет!) о том, что жители его региона не подпадают под дисциплинирующие санкции кодекса «поведения гостей» столицы как «иноэтнических мигрантов», гастарбайтеров и т. п.

В понимании морали как вынесения решений в отношении полноты сущего обратимся к философскому авторитету М. Хайдеггера, который подчеркивает необходимость развивать этику: она «тем настойчивее понуждает к своему удовлетворению, что потерянности человека, будь то очевидная, будь то утаиваемая, разрастается до неизмеримости». Действующий индивид может быть «приведен к надежному постоянству

только через соразмерное... сосредоточение и упорядочение всего его планирования и поведения в целом» [22, с. 214]. Вместе с тем М. Хайдеггер акцентирует вопрос о таком характере планомерности, который не дает повода требовать «новых жизненных пространств» в порождении необходимости «обустройства соответственно более многочисленных человеческих масс» [22, с. 190]. Экстраполируя это на современную ситуацию, можно утверждать о том, что запретительные барьеры обнаруживают актуальное социально-этическое измерение.

Рассматривая «моральное истолкование метафизики» со стороны Фридриха Ницше, М. Хайдеггер приводит следующую историко-этическую коллизию. Так, в отношении неудачников, тяготящихся собой, делается попытка от имени сильных «провести им благоприятные ценностные суждения». М. Хайдеггер воспроизводит рассуждение Ф. Ницше в отношении императивов видеть людей «смирненными, прилежными, благожелательными, умеренными». «Таким вы хотите человека? Хорошего человека? – спрашивает Ф. Ницше. «Но, чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего». Очевидно, немецкий философ негодует, поскольку речь идет о людях, которые не могут «от себя вводить цели», отдают «честь морали лишения самости». Относиться к людям без их различия есть форма безразличия, но принципиально «связыванию человека этическими нормами должна быть вроде посвящена вся забота», – подводит итог морально-философским рассуждениям М. Хайдеггер [22, с. 214].

Но сегодня работоспособность и энтузиазм не связаны с уважением к конкретному лицу, индивидуальные заслуги не означают вынесения моральных оценок, методичность занятий не ассоциируется с миссией. Этос народно-хозяйственного служения, как показывает социально-трудовая деятельность, реализуется только в абстрактно-этическом, в том числе в нравственно-религиозном смысле. В целом координация, организация и регулирование функциональных действий не может осуществляться на основе морали, нормы которой вызывают опасение в необходимости не переходить границы. Но поведение мигрантов порождает напряженное общественное внимание, их моральность воспринимается в ракурсе «должного» как дисциплинарно-нормативных правил, хотя в нравственном смысле должна заключать освободительный потенциал.

Как подчеркивает Р. Г. Апресян, общественную нравственность, или социальную этику, следует соотносить с правами че-

ловека, положениями о регистрации будущих поколений. В ряде случаев трудовой мигрант становится специалистом в тех областях, в которых можно использовать необычность редких качеств своего положения (врач особой ориентации, узкий специалист по ряду прикладных предметов, эксперт нетрадиционных проектов и т. д.). Но это не отменяет того обстоятельства, что обладающие маргинальным статусом лица сталкиваются с трудностями при формировании моральных суждений. Речь идет о динамичности позиции, когда поступки предстают неудовлетворительными с различных сторон (он – житель российского города во вновь заявленных ориентациях, но не забывает о приверженности взрастившей его среды в прошлом). В лучшем случае человек уходит в «свои дела» и оставляет свое беспокойство в перспективных начинаниях (одновременно пытается освободить себя от ответственности за то, что он неправильно сделал) [1, с. 5].

Существующая этико-нормативная картина мира, критически-ценностные подходы и одновременно мораль определяют момент массового сознания, в котором пересекаются социально-человеческие представления и общественно-исторические идеи, происходит редукция нравственно-нормативных представлений. Например, позиция «все приличное естественно, но не все естественное прилично» как поведенческий императив отражает конкретное понимание жизненно-практических смыслов (исторических, этнических, социальных, этических, временных).

Сегодня новый миграционный опыт, взаимоузнавание людей и конфликты культурно-производственных стилей определяют если не «революцию», то несовпадение (рассогласование) межкультурных отношений. Но существенным является различие позиций восприятия труда, выражением позитивности которого может быть: «я знаю, что вы делаете правильно; мне нравится, как вы работаете». Наряду с фактором контагиозности как степени взаимовлияния, вовлеченности, динамичности обмена информацией, переживаниями, эмоциональными состояниями, следует учитывать и разделять этику трудовой деятельности (внутренняя регуляция на основе активности, норм, интегративности), эстетическую сторону внешних моментов (подтянутость, порядок, привычки, этикетные формы), а также эстетику внутренних моментов (творческая наполненность, мажорный тон, коммуникативный стиль отношений). В итоге развивается тенденция объективации как ре-

зультат нарастающего разделения труда и специализации различных сфер жизнедеятельности, вплоть до культуры окружающей среды. В свое время Г. Зиммель предполагал грандиозную картину «затвердения», «кристаллизации» того, что возникает в общей культуре труда и объективного духа по отношению к потребностям человека, в конечном счете, к производителям культуры в саморазвитии и самореализации жизни [10, с. 39].

С точки зрения современной этики, как отмечает Г. Кеглер, существенными являются позиции распределения «универсальной нормативности другого» как позитивный ответ на «вызов нормативности», что предполагает конкретное признание других и заботы о них при необходимости встречи «лицом к лицу». В частности, общественный опыт мигрантов должен быть значим для людей, принадлежащих к другим традициям или к «инакомыслящим» представителям данной среды. На этой основе развивается универсально-нормативная установка, способная избежать репрессивных «недочетов» прежних концепций морали. Диалогическое признание другого в ориентациях на его жизненный мир обуславливает признание «самопонимания другого», т. е. восприятие с позиций его самого, в целях адекватного понимания и объяснения его поступков [12, с. 114–146].

Абстрактно-эгоистический смысл формулы «каждый имеет по своим заслугам» в нравственно-человеческом смысле, особенно по отношению к тем, кто оказывается в бедственном положении, означает «несчастье несчастного», «счастье счастливого», что в конечном счете предстает выражением неравенства. Моральный фактор должен выступать определителем связи объекта с тем, что нужно человеку, в чем он субъективно заинтересован. Речь может идти о вненаучных приемах ориентации в социуме на уровне житейского обыденного опыта, которые включены в повседневную деятельность и являются наиболее желательными ее направлениями (объективный мир постигается, по выражению Гегеля, «в-себе-и-для-себя-бытии»). Но это должна быть рационально осознанная основа предписаний этикета как культура повседневного поведения тех же мигрантов в единстве нравственных и эстетических начал в духовном и внешнем облике личности (как степень культурного усвоения правил, приличий, манер, очерчивающих типичные для общества моральные ситуации и формы общения). Как отмечают Ю. А. Бабинов и А. А. Чемшит, возможность распоряжаться собст-

венной жизнью, потребность в свободе следует понимать «как легализованные способности лица, участника правовых отношений: обладать правами и обязанностями, самостоятельно осуществлять их и нести юридическую ответственность. Причем, понятие «лицо» охватывает как индивидов, так и оформленные их объединения [2, с. 133]. На этой универсально-человеческой основе следует перспективно развивать миграционный опыт.

Вместе с тем в настоящий период отсутствуют основания говорить о гражданском обществе как реальной работающей структуре. Каким образом это может отражаться на положении мигрирующих групп? Прежде всего, проблематично говорить о реальном демократическом преобразовании общества, что позволяет, по мысли В. М. Межуева, «духовно – санкционировать происходящие в стране преобразования». Вместе с тем трудно согласиться с тем, что непосредственно гражданское общество предстает как сложившаяся независимо от властной вертикали, существующая помимо нее система горизонтальных связей и отношений [16, с. 5, 6]. На наш взгляд, дисциплинирующее влияние на поведение гражданина в открытых межличностных коммуникациях оказывают не исключительно гражданские ассоциации, но и институциональные структуры правового общества (государства).

Последние оказывают управляющее воздействие особым образом, внутри тех или иных социальных структур, побуждают граждан «исправно» и сознательно «соблюдать долг» и обязанности в границах общественного целого. В этом случае речь может идти о неразрывной совместности или «одновременности», как считает Т. Б. Длугач. Данное обстоятельство создает специфический срез общественных отношений, который включает правовое, общественно-договорное измерение в придании социально-коммуникативным действиям цивилизационного характера [8, с. 101]. Как следствие, могут создаваться регулятивно-координационные формы взаимодействия, реальные сферы взаимообогащения духовно-культурным опытом. На этой основе может быть развита социально-конкретная акцентировка противоречий в статусе, уровне и качестве жизни граждан, выявлены узлы конфликтных напряжений. Согласно гегелевской концепции гражданского общества значительные по количественному показателю группы образуют сферу сословий гражданского общества, что позволяет и отдельным гражданам выполнять свои обязанности и реализовать права, долг и т. д.

«Нравственной настроенностью в этой системе является поэтому добропорядочность и сословная честь, требующие, чтобы данный индивид, причем по собственному определению, – подчеркивает Г. Гегель, – сделался посредством этой деятельности, своего прилежания и умения членом одного из моментов гражданского общества и оставался таковым, чтобы он заботился о себе только через опосредование со всеобщим, а также обретал этим признание в своем представлении и в признании других» [7, с. 245]. Проблематика положения мигрантов включает аспекты межкультурных отношений, направленных на признание необходимости взаимопонимания, совместной выработки решений в качестве нормы межнациональных и межгосударственных отношений. Как подчеркивает М. Е. Соболева, речь идет о социально-политических и этических коннотациях как особой стратегии действий и даже особой форме рациональности: каким предстает новый статус понятия «диалог», «что есть диалог», «какова цель диалога», «возможен ли диалог», «имеет ли диалог границы» [20, с. 147].

В интересующем нас аспекте диалог является средством языковой коммуникации, когда практически – это разговор (ознакомительный, примирительный) в повседневной жизни, регламентированных отношениях, в контексте регулятивных действий. Диалогические отношения могут быть развернуты в познавательных усилиях граждан как средство достижения различного рода «истин» (оно предполагает наставительный тон, средства педагогического воздействия, включение аргументов разума). Но на этом пути нас встречают конфликтные действия.

Современная теория конфликта устремлена к объяснению социальных явлений (фактов) с позиций конфликтных связей, предполагая наряду с устоявшимися, апробированными способами их предупреждения обоснование и понимание новых свойственных им черт и качеств. При этом предметная область конфликтологического знания обращена к специальному классу теорий, которые позволяют анализировать миграционные процессы в широком социально-историческом спектре конфликтного взаимодействия.

В отношении феномена миграции устойчивые конфликтные связи взаимосочетаются с универсальным феноменом перемещения (передвижения) на различных пространственно-временных уровнях в устоявшихся (константных) и новых, пе-

ременных статических и динамических формах освоения миграционного опыта.

В конфликтологическом смысле мигранты ограничены в свободе выбора контактов, на основе которой развивается взаимное приспособление (их повторение включает формирующийся миграционный опыт). В современном анализе причин неубедительного и проблематичного формирования толерантности, неукорененности противодействия настроениям ксенофобии по отношению к трудовым мигрантам А. И. Стребков сосредоточивает внимание на «принимающих» миграцию городах, становящихся многонациональными поселенческими образованиями. Так, возрастание доли национальных меньшинств порождает борьбу между ними и местными жителями за долю богатства данного города (соответственно, усиливаются синдромы интолерантности у коренных жителей и прибывающих групп мигрантов, что усиливает социальную напряженность, угрожает обширным межнациональным конфликтом). К этому добавляется разрыв темпов экономического развития регионов, давление миграции на большие города, отсутствие интеграции национальных меньшинств в общие созидательные дела, наличие этнических стереотипов, пресловутая диаспорность, общая обездоленность граждан и др. [21, с. 122, 133].

«Поля взаимодействия» в понимании жизненных различий сторон приводят к появлению трансакций как особого вида интеракции в переносе ценностных различий в границах обмена и конфликта, принятии или отклонении смыслов. В границах подобных интеракционных систем консолидируются относительно устойчивые структуры, когда, например, обмениваются вполслова, взглядом, и постепенно можно «отдифференцировать» внутреннюю конфликтность. Соответственно это позволяет укреплять внешние границы соприкосновения с окружающим миром. Одновременно могут возникать «конфликты соотнесения», которые в значительной степени не поддаются коммуникативной обработке. Наблюдение за поведением человека в прошлом автоматически переносится на оценку его действий в настоящем в условиях межличностного контакта. В оптимальном случае следует исходить из межчеловеческого взаимопроникновения, которое вступает в диалектическое сочетание с социальным взаимопроникновением.

В этом проявляется нетерпеливое желание на место общеобязательной морали вновь поставить своеобразные кодексы общественного поведения (хотя существуют другие системы ко-

дификаций – трудовых, этикетных, в межличной сфере, которые углубляются не в прямой связи с моральной общеобязательностью и целеуказаниями. Функциональность моральной системы заключается в том, что она способна соединить социальное и межчеловеческое взаимопроникновение, и это не ограничено единственной задачей социальной интеграции («общество не есть факт морали»). С этой точки зрения допустимость кодексов оправдана в качестве призыва к лояльности, т. е. высокоэффективным приемам связывания в отношении взаимопроникновения. При этом чрезмерное упование на значимость правовых норм может способствовать усилению первоначального предконфликтного состояния.

Требование введения кодексов поведения менее эффективно или, точнее, не объективно в сравнении с таким аспектом социального поведения, как «представление о существовании легитимного порядка». Согласно М. Веберу, под «значимостью порядка следует понимать нечто большее, чем простое единообразие социального поведения». Действительно, работа мигранта в качестве разнорабочего в определенные часы дня продиктована привычностью этого занятия, денежной заинтересованностью. В то же время служебная деятельность в организации есть установка, выработанная не только на основе собственных интересов, но, прежде всего, заданная системой внутриорганизационного порядка, исключающего нерациональные моменты. М. Вебер поясняет: «социальное отношение как «порядок» означает поведение в его ориентации на отчетливо определяемые максимы». Говорить о «значимости порядка» можно в тех случаях, когда поведенческие установки определяются «практической ролью» как обязательной для действующего индивида, служащей основанием жизненных интересов [5, с. 477].

«Ожидание ожиданий» есть источник конфликта в том смысле, что инцидентные действия заключают подготовку к блокировке или вытеснению ожиданий, которые представляются неуместными, постоянно воспроизводятся или, наоборот, редуцируются, что требует соответствующего управления (в частности, разрешающих установок по отношению к личности участников взаимодействия). Оптимальным является нормативный стиль ожидания или готовность к санкциям для понижения градуса конфликтности [15, с. 261, 304]. При этом приток денежно состоятельных мигрантов не чреват многочисленными проблемами. Не случайно в анализе конфликтов Н. Луман подчеркивает, какое различие для экономики и политики имеет

язык денег: «на этом языке различие системы и окружающего мира понимается как различие в распоряжении денежными ресурсами... процессы структурного приспособления не затрагивают иных схем различий» [15, с. 461].

Можно утверждать, что нестабильность положения мигрантов попадает в зависимость от «ненадежности присоединения событий» как достаточно фиксированной неопределенности перспектив происходящего, новых программ действий. На данной основе может происходить структурное развитие конфликта при устранении концентрированной нестабильности. Например, необходимы социально-иммунные приспособления, среди которых первостепенная роль принадлежит праву, обеспечивающему надежность поведенческих ожиданий, хотя и не устраняющему рискованных типов поведения, не обеспечивающему фактический характер действий, но служащему функциональной основой рациональных техник.

Н. Луман подчеркивает, что «конфликты – это продукты повседневности, возникающие везде и чаще всего представляющие собой легко разрешимые мелочи». При этом «теория конфликтов», ориентированная на классы макросоциальных столкновений, упускает из виду феномен массовости в незначительности происходящего. Прежде всего необходимо поставить вопрос: какие условия препятствуют абсорбированию конфликтов уже на уровне краткосрочных интеракций или создают и агрегируют конфликты в «единый фронт» [15, с. 512]. В целом общественная система должна соответствовать идентификации связей и ожиданий, которые реализуются в отдельных интеракциях. Но этот процесс длительный и противоречивый, что подтверждается современной миграционной практикой.

Библиографический список

1. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – № 5.
2. Бабинов Ю. А., Чемшит А. А., Шрейдер В. Ф. Гражданское общество и демократия участия. – Севастополь.: изд-во СевНТУ, 2006.
3. БГ – Знание. Ру. Великая антимиграционная стена. URL: <http://bg-znanie.ru/print.php?nid=347947>.
4. Будут ли в России бунты мигрантов? URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?p=9&theme_id=5&pname=news&news_id=4298; Цивилизованному обмену трудовыми мигрантами в СНГ поможет заключение конвенции. URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?theme=5&p=1&pname=news&news_id=920

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОСПЭН, 1988.
6. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. – 2002. – № 1.
7. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
8. Длугач Т. Б. Правовое государство без гражданского общества // Вестник российского философского общества. – 2007. – № 4.
9. Журавель П. Трудовая миграция на Украине, 17.08.2008. URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?theme=5&rname=news&news_id=896; Великая антимиграционная стена // Спасет ли нас миграция? URL: <http://www.regnum.ru/news/799660.html?forprint>.
10. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – Петроград: Начатки знаний, 1923.
11. Касавин И. Т. «Человек мигрирующий»: Онтология пути и местности // Вопросы философии. – 1997. – № 7.
12. Кеглер Г. Этика после постмодернизма // Вопросы философии. – 2006. – № 3.
13. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. – М., 2001.
14. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11.
15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.
16. Межуев В. М. Гражданское общество и современная Россия // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. – М.: ИФРАН, 2008.
17. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир. – 2000.
18. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998.
19. Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. – 1999. – № 1.
20. Соболева М. Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. – 2009. – № 3.
21. Стребков А. И. Интолерантность и ксенофобия в большом городе // Государство-власть-безопасность: сб. научных работ. – Омск: Изд-во Омского гуманитарного института, 2007.
22. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1995.
23. Шабров О. Ф. Выступление // Материалы международной конференции «Оптимизация межнациональных отношений как фактор местного самоуправления». – Омск: Изд-во Омской гуманитарной академии. – 2008.
24. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

II. КУЛЬТУРА: ЭНЕРГИЙНОЕ, МАТЕРИАЛЬНОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ

КУЛЬТУРА КАК ТВОРЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ В ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ПАТРИСТИКЕ

А. Г. Шустров

Ярославский госуниверситет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия

Summary. The article pays attention to the fact that the questions of the theory of culture for the first time were deeply and systematically developed with respect to every sphere of human life in the bosom of Christian religious doctrine. Traditionally the term «culture» is translated from Latin as «the cultivation of land» but for the Christian commonweal the Byzantine school was more primary. In the East the models of Christian experience and thought were created which were not used in full in the West having the same faith at that time because of a lower level of education. Instead of the term «culture» the Greek Fathers of the Church used the notion meaning the energy of creativity. Getting acquainted with the Eastern Church heritage will make it possible to look at the theoretical problems of culture more widely.

Keywords: culture, the person, energy, creativity.

Понятие культуры занимает одно из важных мест в системе научно-философских знаний о человеке. Насчитывается множество определений этого понятия. Во многом они зависят от используемых познавательных философских концепций. Поэтому небезынтересно узнать, какое значение, имеет данный термин в святоотеческой антропологии, какое место отведено христианское вероучение, вырабатывая свой философский язык, понятию культуры.

Известно, что буквальное значение слова и дальнейшие его смыслы, т. е. этимология и семантика, могут расходиться. В переводе с латинского языка «культура» означает «обработка, возделывания земли». Восточные отцы Церкви писали на греческом. Следовательно, у них имелся аналог этого термина, целые пучки смыслов, связанных с понятием «земли» и «воздействия» на нее.

В христианском языке слово «земля» означает вещество или материю, лишенную формы, не организованную, самораспадающуюся [1, 5, 9 и др.]. Писание говорит, что человек имеет сложную природу. Он состоит из тела и души. Тело же взято из

земли [2]. Христианское Предание в трудах отцов Церкви детализировало и истолковало это положение. Апостол Павел пишет, что человек мало чем умален перед ангелами [10]. В отличие от последних он имеет не только духовную, но и телесную природу. Духовная природа в святоотеческой литературе называется еще умом. Тело человека включает в себя весь состав вселенной и становится главным ее богатством, как драгоценность в доме, по определению Григория Нисского [3]. Ум является образом и подобием Бога, способным отражать Божественные энергии и уподобляться им, т. е. приобретать их свойства. Находясь в веществе, он ограничивается. Человек как единство души и тела занимает центральное положение в тварном мире. Задача его жизни заключается в том, чтобы привести к Богу, к вечности, все, что было создано в материи и во времени.

Из творений отцов Церкви мы видим, что культура не есть что-то идеальное или материальное, а особая энергия человеческой личности, ее свойство, определяемое вхождением в состав человека тела и ума как сконцентрированного вещества. По христианскому вероучению ангелы и животные культурой не обладают. У одних нет тела, у других – ума. Культура – это сила действия личности, а не тела. Иначе она не была бы универсальной, каковой является в основе своей. Разделенность культуры служит следствием грехопадения.

Культура – выражение творческой энергии человека, способность соучастия его в Божественном плане творения [11]. Изначальными проявлениями ее были Богопослушание и представление о границах или, что то же самое, о законах. Одно – для ума, другое – для тела. Таким чудесным явлением предстал первобытный человек как венец творения. Тело находилось в послушании ума не само по себе и не по волевому принуждению, а по причине прямого воздействия творящих Божественных энергий, не встречающих сопротивления человека. Эта тонкая материя, способная проводить Божественные токи света, после грехопадения изменится и станет плотной, непроницаемой для Них. Апостол Павел пишет: «Всяк человек плоть» [Цит. по 7]. Максим Исповедник отмечает, что «плоть – земля падшего Адама» [8].

Культура есть способ соединения души и тела. В этом заключается свойство человеческого ума. Оно положительно в том случае, когда человек, по учению православной Церкви, не отворачивается от Бога, не препятствует и не противится Ему. Игнатий Брянчанинов говорит, что человек никогда не был са-

мобытным, а является сотворенным [6]. У Григория Паламы мы находим, что Бог создал человека способным вместить Божественный ум [4]. Первобытный Адам был умным, потому что общался с Богом от своего создания. Поэтому человек здоров только тогда, когда общается с Богом. Ум без Бога теряет энергию, т. е. культурную способность соединяться с веществом.

Библиографический список

1. Быт. 1:1–2; 3:19
2. Быт. 3:19.
3. Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб., 2000. – С. 23–24.
4. Григорий Палама. Гомилии: в 3 кн. – М., 1993. – Кн. 3. – С. 88.
5. Дионисий Ареопагит. Сочинения.
6. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: в 2 кн. – Минск, 2001. – Кн. 2. – С. 327.
7. Киприан (Керн) Антропология св. Григория Паламы. – М., 1996. – С. 74–77.
8. Максим Исповедник. Творения: в 2 кн. – М., 1993. – Кн. 2. – С. 35.
9. Максим Исповедник. Толкования. – СПб., 2002. – С. 343, 435.
10. Послание апостола Павла к Евреям. 2:5–8.
11. Шустров А. Г. Творчество и культура в свете традиции византийской мысли. – Ярославль, 2005. – Гл. Творчество и творение.

ТАНАТОФОБИЯ КАК ФАКТОР БЕЗДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М. А. Антипов

**Пензенская государственная технологическая
академия, г. Пенза, Россия**

Summary. The article raises the problem of spiritual degradation of modern society on a background of unprecedented material progress. In particular, states thanatophobia as the painful symptom of modern civilization. Argues that the rejection of death leads to devaluation and the spiritual emptiness of life.

Keywords: death, thanatophobia, spirituality, modern society.

Нынешний век свидетельствует о величайшем материально-техническом прогрессе человечества. Наглядные тому свидетельства: развитие информационных технологий, электронных коммуникаций, развитие нанотехнологий, биомолекулярной и геной инженерии и так далее. Человек XXI века окружен множеством материальных благ, вкуне составляющих

комфортную среду повседневного существования. Средний представитель современного постинформационного общества не мыслит свою жизнь без транспорта, электронных средств связи, комфортного жилья и иных «благ современного мира». По меткому выражению Ортеги-и-Гассета, современный человек – это «баловень цивилизации» [2, с. 92].

Но за внешним благополучием современного общества скрывается и целый ряд негативных моментов. Вследствие материально-технологического прогресса резко снижаются адаптивные возможности организма человека, и прежде всего его физические возможности: сила, ловкость, выносливость. В аспекте телесности, материальный комфорт ведет к деградации человека, что проявляется прежде всего в распространении в западных высокоразвитых обществах проблемы ожирения. В США эта болезнь стала бичом нынешнего века.

Говоря о развитии медицины, стоит обратить внимание на то, что, несмотря на все положительное, связанное с постоянным расширением возможностей врачей в сфере профилактики, диагностики и лечения все большего количества заболеваний, этот процесс вызвал и негативный эффект: человек, попадая с самого рождения под заботливую опеку врачей, тем самым становится зависимым от медицины и ее возможностей.

Люди современности реже умирают от тех болезней, которые ранее считались неизлечимыми, реже гибнут в войнах и конфликтах, реже умирают от голода. Но цивилизация «подарила» человеку те заболевания, о которых он раньше и не знал и которыми не болел. Причина этого заключается в том, что развитие цивилизации, сопровождается необратимыми изменениями в природной среде, изменениями продуктов, потребляемых человеком, изменением повседневной жизни, заключающемся в повышении психологической нагрузки на человека, развитием технических средств, воздействие которых на здоровье человека приводит к тем или иным болезням. Сейчас все больше и больше врачей и ученых начинают придерживаться психосоматической интерпретации большинства болезней, исходящей из того, что нарушение психического равновесия приводит к развитию тех или иных соматических заболеваний. Человек в современном обществе постоянно попадает под воздействие разного рода «стрессогенов». Особенно интенсифицируется это воздействие в нестабильных обществах, для которых характерно наличие большого количества социальных проблем.

В начале XXI века мы можем заключить то, что развитие цивилизации не принесло человечеству избавления от неизлечимых недугов. Всемирная история свидетельствует о том, что одни неизлечимые болезни сменяют другие: так, например, чуме как бич средневекового общества сменил в Новое Время туберкулез, который до начала XX века был практически неизлечим, на смену туберкулезу в XX веке пришла «чума XXI века» – ВИЧ. Прогресс медицины позволил излечивать рак на ранних стадиях его развития, но справиться с раком, вошедшим в четвертую клиническую стадию современному медику столь же сложно, как и античному врачу.

Всё более популярными становятся нетрадиционные парамедицинские концепции, гласящие, что все болезни обусловлены поведением человека и его мыслями, а также поведением и мыслями его родителей. Подобные концепции не претендуют на замещение традиционной медицины, однако их наличие в обществе говорит о том, что объяснение болезней только действием патогенных микроорганизмов и других внешних, независящих от человека факторов, является слишком упрощенным. Ответственность человека за свою судьбу предполагает ответственность за собственное здоровье.

Но телесная деградация человечества, которой современное общество активно пытается противостоять (развитие фитнеса, шейпинга, бодибилдинга, пропаганда здорового питания и мода на различные диеты), малозначима по сравнению с небывалой деградацией духа. За внешним комфортом и материальным благополучием общества XXI века скрывается его духовное обнищание. Вопросы морали, правильной жизни, личной ответственности, жизненного предназначения, вопросы, касающиеся жизни и смерти, а также посмертного существования, большинство людей игнорирует. Такие основания духовности, как вера, сострадание, познание, любовь, в современном обществе являются не актуальными и устаревшими. Вместо них господствуют культ силы, культ денег, культ свободного секса («на одну ночь»). Кажется, что самые темные стороны человеческой сущности, скрываемые в глубинных слоях личности и удерживаемые там нормами людского общежития, самые важные из которых существуют в виде моральных норм, все чаще и сильнее прорываются наружу и проявляются в социальной жизни. Предательства, измены, ложь, подлог, взяточничество, грабежи, убийства, изнасилования, террористические акты – все это суть проявления темного начала в человеке.

Поиски ответа на вопрос о причинах непреодолимого разрыва между материальным и духовным измерениями общественного развития приводят к танатологической проблематике. Смерть, наряду с устрашающим ликом, отраженным в достаточно схожих архетипических образах, имеет и светлый лик: смерть при ее должном осознании личностью одухотворяет жизнь, придает ей осмысленность и подлинность, являясь тем самым «катализатором» бытия.

Помимо этого, смерть в комплексе с верой человека в посмертное существование издавна была и остается важнейшим моральным императивом. Так, согласно большинству религиозных и религиозно-философских представлений, душа человека продолжает свое существование и после смерти, при этом «качество» ее посмертного существования прямо пропорционально «качеству» земной жизни, «делам земным». Мало того, ответственность человека за свою жизнь формируется тем, что «за гробом нет спасения». Какую дорогу человек выбрал в этой жизни, по такому пути ему идти и в жизни иной.

Неприятие человеком факта собственной смертности ведет к обесмысливанию, а порой, и к обесцениванию жизни. Данный факт отразили представители атеистической ветви экзистенциализма М. Хайдеггер, А. Камю и Ж.-П. Сартр на страницах своих произведений, в один голос заявляя о бегстве западного человека от размышлений о смерти и смысле собственного существования в суету повседневной жизни. Люди не задумываются о своей смертности, боятся обсуждать друг с другом темы, связанные со смертью. Такое состояние общественно-го сознания можно обозначит термином «танатофобия».

Таким образом, танатофобия может расцениваться как фактор бездуховности современного общества. Принятие смерти формирует у человека ответственность за жизнь, стимулирует его к осмысленной жизни, поиску ответов на вечные вопросы и моральному поведению. Игнорирование же собственной смертности ведет человека к духовному опустошению, а общество – к иммортизации, духовной аномии.

Такая ситуация характерна как раз для современного общества. На смерть в современном общественном сознании наложено своего рода табу. У человека XX века в распоряжении столько благ и научно-технических достижений, что он чувствует себя абсолютно комфортно и уверен в непоколебимости собственного «Я» и безраздельности своего господства на Земле. Вследствие этого смерть воспринимается современным че-

ловеком как абсурд, как ситуация, которой просто не может быть. Он уверен, что благодаря достижениям цивилизации способен справиться буквально со всем, ничто не может покори́ть его мир и его благополучие. Он уверен, что ничто не может оборвать его существование в этом мире, что его ждет комфортная старость и спокойная смерть, но они еще так далеки, что думать об этом не стоит. Неожиданное столкновение со смертью полностью «ломает» мир благополучия и комфорта, открывает человеку глаза на то, что он и цивилизация не всемогущи, что он смертен, что есть такие явления, которые могут стереть его мир с лица земли.

Людям свойственно «убегать» от смерти и всего, что с ней связано, не думать о смерти и обстоятельствах, могущих ее. Отношение российского общества к смерти можно назвать, говоря языком Ф. Арьеса, «смертью перевернутой» [1]. Смерть искусственно отрезается от жизненного мира современной личности, от нее заслоняются всякими способами, не пускают ее в повседневную жизнь.

Здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Не каждый человек готов «открыться смерти». Не зря ведь люди табуировали ее на протяжении веков, использовали различные эвфемизмы, дабы не называть смерть своим именем. Веками вырабатывались ритуалы встречи смерти и проводов покойного в последний путь. Но все же, на наш взгляд, задумавшись о смерти и признав свою конечность, а также выбрав свой путь иммортализации (вера в загробный мир, вера в слияние с природой, вера в продолжение жизни в потомках и так далее), человек, во-первых, избавит себя от возможной тяжести встречи со смертью, когда последняя приблизится и станет по-настоящему неотвратимой, а во-вторых, сможет сделать жизнь по-настоящему полной, насыщенной, осмысленной и нести ответственность за каждый миг своего существования.

Библиографический список

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Издательства: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992 г. – 528 стр.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ВИТАГЕННАЯ КУЛЬТУРА»

Л. А. Акимова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Summary. Contents of article throw lights on categorical essence of multimeasured qualitative condition of a person, his readiness towards rapid changes in a society, towards safe life ensured activity in a social-cultural space – vital-genesis culture of a person. The article presents spatial-dynamic model of vital-genesis culture. The component set of vital-genesis culture is marked out that appears to be the basis of educational process construction in the distinguished conceptual imperatives.

Keywords: vital-genesis culture, vital-genesis culture of personality, humanism; mankind self-preservation ideology, life ensuring, life ability.

Ретроспективный анализ понятий «витагенность» и «культура» позволяет сделать предположение, что обособление категориальной сущности витагенной культуры не могло состояться ранее 70-х годов прошлого столетия и обретает потенциал становления в результате объективно сложившихся обстоятельств в настоящее время. Обозначим основные предпосылки, приведшие к данному умозаключению.

Понятие витагенности введено в научный лексикон сравнительно недавно (в конце XX в. – А. С. Белкиным), и в настоящее время (кроме, возможно, педагогики) нет изученных явлений, относящихся именно к витагенным. Вместе с тем довольно большой круг относящихся к различным дисциплинам явлений как процессов порождения и развития (генезиса) различных дисциплин описывается категорией «витальность». Проблемно-генетический анализ понятия «витагенность», осуществленный Н. О. Вербицкой, А. С. Белкиным (2002), позволил выявить философскую сущность явлений, которые описываются понятием «витагенность», к ним относятся: «рост биогенной силы, производимой человечеством на земле и упорядочиваемой в процессе эволюционирования биосферы в ноосферу; увеличение разнообразия человеческой жизненности и усложнение ее внутреннего содержания» [1]. Понимая витагенную культуру как категорию педагогической антропологии, считаем вполне оправданным принять витагенную концепцию личности в качестве основополагающей, вместе с тем расставляя акценты и дополняя ее специфическим содержанием в соответст-

вии с сущностью категории «культура». В данном контексте методологическими предпосылками становления категории витагенной культуры являются, с одной стороны – отражение механизмов становления ядра и структур личности (выделение витальных потребностей, видов и форм человеческой деятельности), с другой – существующая научная неопределенность в раскрытии механизмов наполнения витагенных форм, приводящих к возникновению жизненного и витагенного опытов.

Практически одновременно с развитием теории витагенности (70-е годы прошлого столетия) возникло новое направление в гуманитарных науках – теория и история культуры, в котором «на первый план выдвигалось не количество чугуна, стали на душу населения, а состояние самой души – духовные ценности, свобода, справедливость, равенство возможностей, жизненные планы, интересы и потребности человека» [5]. Именно теория культуры (позднее – культурология) рассматривает культуру как целостность в единстве природных, социальных и антропологических факторов, в отличие от догматизма, господствовавшего ранее. В процессе институционализации культурологии происходит становление нового подхода к теоретическому системному исследованию целостности культуры как общественного явления, способа человеческой деятельности, способа родового самосохранения человечества. Объективизация данного подхода обусловлена возникновением и осмыслением общественным сознанием глобальных проблем человечества, стремлением мобилизовать интеллектуальные ресурсы с целью выживания в экстремальных ситуациях, актуализировать технологии по оптимизации жизни человека. Выживание человека (человечества) в современный период глобальных проблем зависит от углубленного понимания механизмов воспроизводства самой жизни. В этой связи весьма ценными являются труды Э. С. Маркаряна (одного из первых культурологов), который предлагает инновационную инверсию – «самосохранение социокультурного типа организации жизни является предпосылкой жизнедеятельности человека, но в свою очередь, выживание, как исходная предпосылка жизнедеятельности, эволюция общества предполагает его воспроизводство. Императив заключается в том, что развитие является условием его выживания» [5, с. 15]. В обозначенном контексте предпосылкой становления категории витагенной культуры (как вида культуры социума и базовой культуры личности) и ее эвристической ценностью может выступать поиск механизма стабили-

зации стремительного деструктивного развития живых систем (человека, общества, цивилизации).

Методолого-мировоззренческие возможности культурологии лежат в русле богатой отечественной традиции развития философской методологии науки. Понятийные ряды философии и культурологии пересекаются в таких важных для нашего исследования категориях, как «человек», «культура», «цивилизация», «ноосфера», «ценность». Вместе с тем становление и развитие культурологи, имеющей широкий диапазон междисциплинарных связей, обуславливает разделение между ними методологических функций: для философии – это главным образом методология познания устройства объективного мира (универсальное познавательное значение), для культурологии – методология практической деятельности (универсальное практическое значение). В связи с данным обстоятельством философско-культурологический синтез научного знания позволяет осуществить категориальный анализ витагенной культуры и образовательной практики.

70–80-е прошлого столетия были ознаменованы разработкой М. С. Каганом системного подхода, а в 90-е гг. – синергетического подхода к изучению культуры и их применением в сфере гуманитарного знания [2, с. 465–487]. Только в наше время, утверждает ученый, на рубеже нового века и нового тысячелетия, он (человек как био-социо-культурное) получает возможность осознать свое истинное место в мире, а значит, устремить свою познавательную деятельность на то, что до сих пор было в ней второстепенным. На этом фоне происходит смена ориентации в мире наук – формирование антропоцентристской ориентации всей познавательной деятельности, объективно требующей выработки такой методологической программы, которая соответствовала бы уровню сложности самого человека, где Человек «не сумма разных сторон его бытия, а система, то есть их органическая взаимосвязь и взаимодействие» [3]. Вместе с тем утверждается принцип междисциплинарно-системно-синергетического понимания научной деятельности в XXI веке, где синергетическое исходит из понимания жизни человека, его деятельности, каждого творческого акта, являющихся процессами самоорганизации, с позиций динамики. Выявление способов синергетического осмысления закономерностей развития систем в сфере гуманитарных наук должно осуществляться на двух уровнях – филогенетическом и онтогенетическом (родовом и индивидуальном). «На первом синергетиче-

ский подход позволит преодолеть ставшую в XX веке столь популярной «теорию локальных цивилизаций», которая отрицает единство путей развития человечества и тем самым не позволяет понять направление движения современного общества ... на уровне индивидуальном синергетическое осмысление биографии личности должно предоставить научную основу для совершенствования практики воспитания» [там же]. В этой связи системное и синергетическое осмысление сущности витагенной культуры позволит познать ее как системное саморазвивающееся образование в интеграции фило- и онтогенетического планов (человек как система, является активным элементом культуры как системного образования), саморазвитие которых взаимообусловлено и подчинено идее самосохранения человека и цивилизации.

В процессе развития научной культурологической мысли имеет место современное понимание гуманизма как идеологии самосохранения человечества. Э. С. Маркарян предлагает расширить понятие гуманизма, включая в него как заботу о свободе и благополучии отдельного человека, оптимизации гуманистических отношений между людьми, так и поиск стратегий развития цивилизаций, обеспечения иммунитета общества. «Категория иммунитета человеческого общества призвана выразить способность социокультурных организмов предотвращать различного рода опасности и угрозы. ...иммунитет общественной жизни людей выражает общую способность самосохранения на любом этапе социокультурной эволюции. Данная способность зависит от ресурсов деятельности, которыми располагают общества (ментальных, организационных, материальных). В любом варианте иммунитет общества обеспечивается присущей ему культурой» [6, с. 52]. В свете разработки методологических принципов системного исследования общественной жизни людей культура была определена ученым как надбиологическая универсальная технология (способ осуществления жизнедеятельности людей) [там же, с. 50]. «Культура – надбиологический универсальный способ (технология) человеческой деятельности, посредством которого эта деятельность стимулируется, мотивируется, программируется, осуществляется, регулируются взаимодействие между ними и природой, воспроизводятся и изменяются различные типы деятельности людей и выполняется огромное множество других функций. Именно благодаря феномену культуры возник тип жизни, присущий человеческому обществу. Поэтому он был назван социо-

культурным типом жизни» [7, с. 51]. С этих позиций витагенную культуру (как социальный феномен) можно представить как способ минимизации опасностей и угроз развитию живого в планетарном масштабе посредством человеческой деятельности, построенной на гуманистической основе.

Резюмируя вышеизложенное, к методологическим предпосылкам становления витагенной культуры в культурологическом аспекте можно отнести:

- процесс институционализации культурологии, становление нового подхода к теоретическому системному исследованию целостности культуры как общественного явления, способа человеческой деятельности, способа родового самосохранения человечества, актуализирующего поиск механизма стабилизации стремительного деструктивного развития живых систем (человека, общества, цивилизации);
- возможность философско-культурологического синтеза научного знания потенциально позволяющего осуществить категориальный анализ витагенной культуры, имеющий познавательно-практическое значение, дополнить его имманентно-специфическое постижение (объяснение, понимание, истолкование) системно-культурологической интерпретацией и объяснением данной специфики;
- разработку системного и синергетического подходов к изучению культуры и их применение в сфере гуманитарного знания; данных подходы позволят познать витагенную культуру как системное саморазвивающееся образование в интеграции фило- и онтогенетического планов, подчиненное идее самосохранения человека и цивилизации;
- современное понимание гуманизма как идеологии самосохранения человечества, детерминирующее понимание культуры как социального феномена, способа минимизации опасностей и угроз развитию живого в планетарном масштабе посредством человеческой деятельности, построенной на гуманистической основе.

С обозначенных позиций витагенная культура отражает современное понимание значения человека в истории его жизни на планете, научное осознание «места человека в космосе», говоря словами М. Шелера, отношение «человек и мир», как определил это С. Рубинштейн. В понятии витагенной культуры человек выступает единым субъектом природного, социального и культурного бытия, что порождает понимание человека как

человечество – осмысление человека ни как биологический род, ни как общество, а как «носителя единых, фундаментальных ценностей, объединяющих землян в одно целенаправленно действующее целое, при всех различиях частных ценностей отдельных народов, слоев общества, религиозных культов, профессиональных групп, поколений и полов».

Конструкт «витагенная культура» утверждает диалектику новых взаимоотношений (человек–природа, человек–общество, человек–культура), поскольку в нем «культура» как «вторая природа», воспроизводимая человеком в процессе жизнедеятельности, наделена свойством жизненности – потенциальными возможностями гармонизации антропо-социо-культурных сфер человеческого бытия, обуславливающими нивелирование конфликта между природой и культурой – опасности самоуничтожения человечества, что в свою очередь является неким гарантом его самосохранения и саморазвития.

Современный этап развития культурологической мысли характеризуется осознанием необходимости выработки общечеловеческих ценностей, как условия выживания людей на Земле, что обуславливает поиск всеобщности ценностей в единых интересах человечества, готового действовать в соответствии с обретаемым общечеловеческим сознанием. В этой связи монистическая установка онтологического подхода указывает на духовное существо явления витагенной культуры в своем основании, поскольку «именно глубинные мировоззренческие предпосылки предваряют и направляют наши жизненные поступки, действия, оценки и суждения в самых разных конкретных сферах бытия» [4, с. 61]. С этих позиций витагенная культура – идеальная по своей природе – представляет систему идей и духовных ценностей жизнеобеспечения, воплощающихся в материальных ценностях, как внешней оболочке, дающей лишь поверхностное представление о познаваемом явлении. В данном контексте вполне оправдано выделение ментального поля витагенной культуры в качестве основного системообразующего элемента, культурного потенциала жизнеобеспечивающей деятельности, ее смыслового содержания.

Благодаря ментальному полю витагенной культуры, знания, ценности, регулятивы жизнеобеспечивающей деятельности интегрируются в целостную систему.

Основу ментального поля витагенной культуры составляют финальные, инструментальные и производные ценности [4, с. 139]. Современный гуманизм как идеологическая катего-

рия утверждает признание ценности человеческого бытия, диалога человека с природой – и внешней, физической, и его собственной, биологической, диалога, который может и должен сделать его отношения с нею не религиозными и не технологическими, а нравственно-эстетическими. При этом ведущими выступают идеи антропоцентризма, позиционирующие человека как самодеятельное и самосознательное существо, природно-сверхприродное, творящее культуру и творимое ею, общественное и индивидуализирующееся в процессе своего культурного бытия. Принцип диалога распространяется не только на отношение человека к природе, но и на его отношения к культуре и к обществу; утверждает признание относительности, а не абсолютности прав современного человека, выражающееся в понимании необходимости социальной организованности совместной жизни людей и культурных традиций как силы, поддерживающей «связь времен», преемственность человеческого опыта, единство саморазвития человечества, обретения нового взгляда на соотношение природного, социального и культурного потенциалов своего бытия.

При этом финальными ценностями можно считать такие категории, как – жизнь, здоровье, безопасность – конечные цели человеческих устремлений, главные жизненные ориентиры.

Инструментальные ценности – здоровый образ жизни, безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт, природоохранная деятельность, творчество – представляют собой средства и условия, необходимые, в конечном счете, для достижения и сохранения финальных ценностей. Производные ценности – самосознание ответственности и самоконтроль при выполнении любой деятельности; оптимизация адаптационных возможностей, функционального и физического развития личности; сохранение и укрепление здоровья; успешная социальная и профессиональная адаптация, способность к аккультурации – следствия или выражения других ценностей, имеющие значимость как признаки и символы последних. В контексте формирования витагенной культуры в образовательной практике финальные ценности можно рассматривать как ценностные ориентации личности, инструментальные – как условия эффективности данного процесса, производные как критерии эффективности.

Следуя логике системного подхода, помимо ментального поля витагенной культуры, в ее системе следует выделить в качестве структурных компонентов предметы витагенной культу-

ры (материальные и духовные ценности, воплощенные в опыте жизнеобеспечения), человеческую деятельность (процессы – витагенного культуротворчества и витагенного образования) и субъекта – человека, являющегося носителем витагенной культуры (личности).

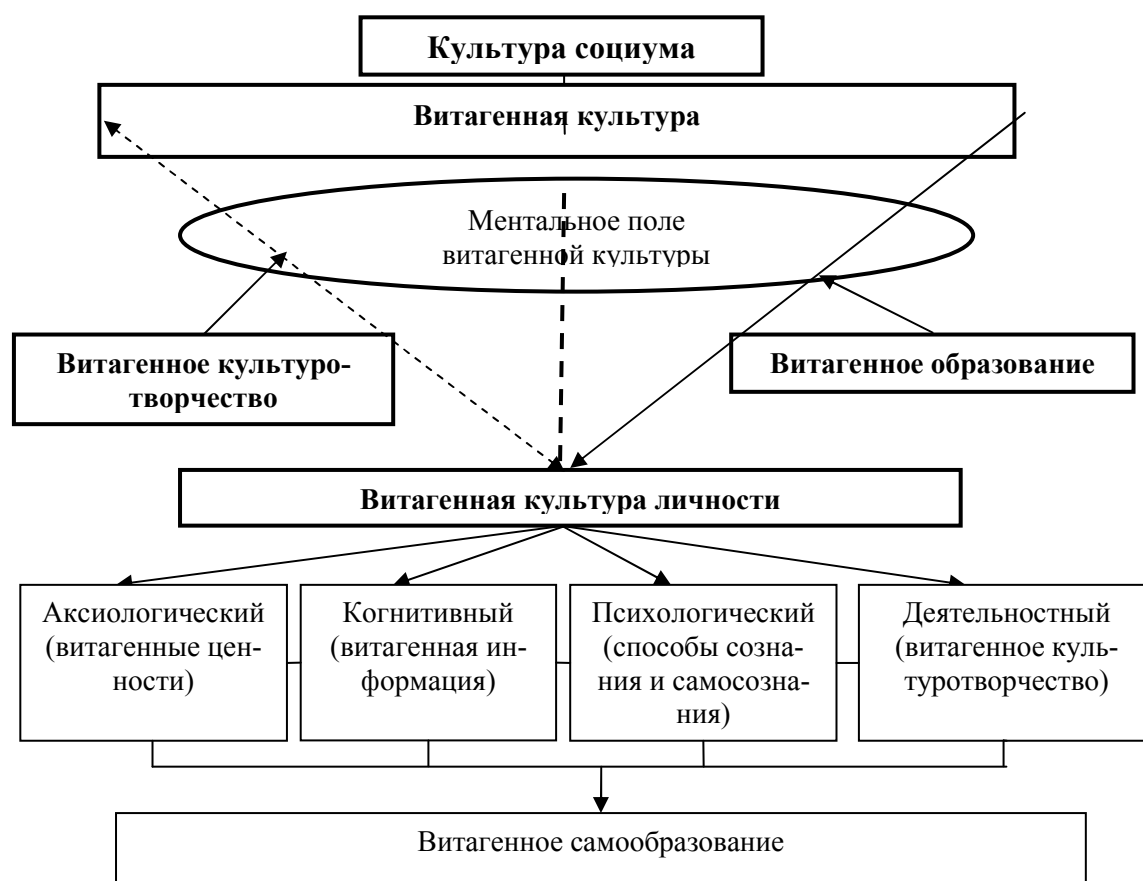
Процессы витагенного образования (распредмечивания) и витагенного культуротворчества (творческого распердмечивания и опредмечивания) придают динамизм системе витагенной культуры и обуславливают ее генезис.

Витагенное образование – процесс, обеспечивающий освоение человеком ценностей витагенной культуры – духовных и материальных, способствует воспитанию витагенной культуры личности и обновлению витагенного опыта – формированию устойчивых индивидуальных и социальных поведенческих паттернов жизнеобеспечения – традиций, стереотипов, норм поведения.

Витагенное культуротворчество – процесс творческого освоения и создания человеком материальных и духовных ценностей витагенной культуры средствами витагенного образования и витагенного самообразования и внедрение их в социум.

Междисциплинарное познание сущности витагенной культуры позволяет представить ее системную организацию в пространственно-динамической модели (рис. 1).

В обозначенном контексте витагенная культура – вид культуры социума и базовой культуры личности, представляющий собой совокупность духовных и материальных ценностей, обуславливающих жизнеспособность человека и общества и витагенезис (в буквальном переводе – развитие жизни) на основе гармонизации антропо-социо-культурных сфер человеческого бытия в гуманистических императивах.

Рис. 1. Пространственно-динамическая модель системы витаген-

Библиографический список

1. Вербицкая Н. О. Теория и технология образования взрослых на основе витагенного (жизненного) опыта: дис. ... док. пед. наук. – Екатеринбург, 2002.
2. Каган М. С. Культура как саморазвивающаяся система // Основы культурологии: Морфология культуры. – СПб., 1997.
3. Каган М. С. Перспективы развития гуманитарных наук в 21 веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М. С. Кагана. Материалы межд. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 9–14.
4. Культурология: учебник / под. ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2009. – 566 с.
5. Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. науч. ст. по результатам проведения Межд. научн. симпозиума «Гуманизм 21 столетия: к идеологии самосохранения человечества». – СПб: Изд-во СПбКО, 2010. – 152 с.
6. Маркарян Э. С. Гуманизм XXI столетия: идеология самосохранения человечества. – Ереван: Изд-во РАУ, 2008. – 512 с.

7. Новые вызовы и глобальные угрозы международной безопасности в начале XXI века (переход к направленному развитию цивилизации как условие самосохранения человечества): программный доклад Э. С. Маркаряна – Ереван: Ноян Тапан, 2004. – 152 с.

ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ С ДЕТСКИМИ КУКЛАМИ: МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА ПЬЕРО В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ

С. Ю. Ваструкова, О. Г. Огнева
Норильский колледж искусств, г. Норильск, Россия

Summary. This article deals with the question of metamorphoses of images of children's dolls using the example of Piero, the character of *comedia dell'arte* in native musical culture of XX–XXI centuries. Authors of the article apply to the creative work of A. Vertinsky, rock band «Agatha Cristie», and gothic band «Otto Dix».

Keywords: dolls, Piero, A. Vertinsky, decadence, rock group «Agatha Cristie», gothic style, «Otto Dix».

Для каждого из нас детство связано с самыми яркими, теплыми воспоминаниями. В минуты душевных невзгод мы зачастую мысленно возвращаемся к светлым, счастливым дням, полным искрометного веселья и беззаботных игр с любимыми игрушками. В воображении мелькает калейдоскоп цветных картинок, где яркими красками обрисованы контуры заводных машинок, разноцветных пирамид, неваляшек, кукол... И конечно же, мы все с восторгом вспоминаем походы в кукольный театр, радость от общения с детскими любимцами – Буратино, Мальвиной, Арлекином, Артемоном и Пьеро!

Как нам известно, в сказке итальянского писателя Карло Коллоди «Пиноккио», являющейся первоисточником «Буратино», Пьеро среди героев нет. Пьеро понадобился Алексею Толстому уже в XX веке. Из всей братии марионеток кукольного театра именно Пьеро стал тем персонажем, который и поныне в равной степени привлекает внимание и детей, и взрослых...

Пьеро – герой французского ярмарочного театра середины XVII века, крестьянин-мукомол, отсюда – набеленное лицо персонажа. Его прототип – маска Педролино из итальянской *comedia dell'arte*, изначально ловкий, изворотливый, как все дзанни, но часто попадающий впросак персонаж. Актер играл его без маски, в широкой крестьянской рубахе из мешковины, а

лицо обсыпал мукой. На сцене парижского театра «Комеди Итальянн» в XVIII веке этот персонаж получил имя Пьеро и превратился в печального, несчастного возлюбленного, соперника более удачливого Арлекина.

На рубеже XIX–XX веков маска Пьеро зажила новой жизнью: «Пьеро и Арлекин» П. Сезанна; портрет Мейерхольда в роли Пьеро в «Балаганчике» А. Блока работы Н. Ульянова; режиссерские постановки «Покрывало Пьеретты», «Ящик с игрушками» А. Таирова, «Маскарад», «Шарф Коломбины», В. Мейерхольда.

В 1910 году Всеволод Мейерхольд обратился к комедии масок в постановке спектакля «Шарф Коломбины» по мотивам Артура Шницлера. «Спектакль рождал ощущение, что имя гротескным, дегуманизированным, подчёркнуто уродливым маскам – легион, что ими полнится весь мир [...] и для того, чтобы вырваться из тисков такого мира, выпивал яд несчастный Пьеро, чьи руки в широких крыльях рукавов поднимались и беспомощно падали, как у подстреленной белой птицы...» – пишет современный театровед, театральный критик Видас Силюнас [2, с. 179–180].

В XX веке образ Пьеро утратил многое от трогательного персонажа *comedia dell'arte*, малоудачливого, но не унывающего в жизни. Его мечты об идеале превратились в чистейшую иллюзию, сменяемую часто откровенным отчаянием.

Созвучным безумному времени стал и сценический образ Пьеро в овеванных атмосферой декаданса ариетках Александра Вертинского. Пьеро Вертинского – дитя предреволюционной эпохи – не имел никакого отношения к итальянскому театру и вовсе не нуждался ни в Арлекине, ни в Коломбине. Рождение этого образа имеет совсем другую историю.

Для искусства первых двух десятилетий XX века был характерен поиск маски, неповторимого образа в искусстве: желтая кофта Маяковского, бархатная блуза и кудри Блока, экзотическая поза Северянина... Александр Вертинский тоже любил шокировать московских буржуа своей экстравагантной внешностью. То его видели на Кузнецкой в жёлтой кофте с широкими чёрными полами и деревянной ложкой в петлице, то он прохаживал по Тверскому бульвару в нелепой куртке с помпонами вместо пуговиц, с набеленным по-клоунски лицом и моноклем в глазу... Эпатаж обывателя – вот его формула поведения в 1910-е годы. Его среда обитания – декадентствующая богема, литературные кружки, аристократический полусвет. Снобистское

времяпрепровождение не могло не привести Вертинского к увлечению кокаином, который тогда называли «проклятием нашей эпохи». Артист вспоминал: «Все увлекались им. Актёры носили в жилетном кармане пузырьки и “заряжались” перед каждым выходом на сцену. [...] И каждому казалось, что он сегодня необыкновенно играл, или писал, или говорил. И всё это был самообман!» [12, с. 21].

В определенный момент к Вертинскому пришло осознание ужаса последствий пагубных пристрастий, и он принимает достойное решение, которое коренным образом меняет его дальнейшую судьбу как артиста. Шел 1914 год, Россия несла кровавые потери на фронтах Первой мировой войны. В один из августовских дней, на Арбате, во дворе особняка купеческой дочери Марии Саввичны Морозовой, Вертинский увидел на телегах много покалеченных солдат. Он постоял немного у ворот, наблюдая, как перевязывают раненых, кто-то окликнул его и попросил помочь донести носилки. И вот Александр Вертинский принимает решение: отправиться добровольцем на фронт. В 68-м санитаром поезде Всероссийского союза городов, который курсировал между передовой и Москвой, Вертинский прослужил медбратом до весны 1915 года, когда после небольшого ранения вернулся в Москву.

Сам артист утверждал, что грим Пьеро родился спонтанно, когда он и другие молодые санитары давали небольшие «домашние» концерты для раненых, и был необходим на сцене исключительно из-за сильного чувства неуверенности и растерянности перед переполненным залом. Александр Вертинский нашел простой и гениальный ход: чтобы подавить свое смущение, скрыть румянец от волнения, он посыпал лицо медицинским тальком, подводил глаза и облачался в больничный халат с пришитыми помпонами. Только после этого артист выходит читать Мережковского, Тэффи, Анненского, Блока, Северянина, исполнял свои первые незамысловатые песенки. Эта маска помогала Вертинскому входить в образ. Его Пьеро – страдалец, наивный и восторженный, вечно грезящий о чем-то, печальный шут, в котором сквозь комичную манеру видны истинное страдание и истинное благородство.

Вернувшись с фронта Вертинский для своего выступления заказывает новый наряд Пьеро, – черного цвета.

Юрий Олеша в своих знаменитых «Ни дня без строчки» записал о Вертинском: «Он появился в одежде Пьеро – только не в белой, как полагается, а в черной, выходя из-за створки закрытого занавеса к рампе, освещавшей его лиловым светом. Он пел то, что называл “арияетками Пьеро” – маленькие не то песенки, не то романсы; вернее всего, это были стихотворения, положенные на музыку. Вертинский пел тогда о городе – о том его образе, который интересовал богему: об изломанных отношениях между мужчиной и женщиной, о пороке, о преданности наркотикам... Он отдавал дань моде, отражал те настроения, которые влияли в ту эпоху даже на таких серьезных деятелей искусства, как Александр Блок, Алексей Толстой, Владимир Маяковский» [4]. С пугающей простотой Вертинский обращался к теме сладостной и избавительной смерти, уготованной некой «одиноким деточке», кокаином распятой в осенней слякотной Москве, сострадательно советуя ей не плакать, а без колебаний покончить с собой: «Лучше шейку свою затяните потуже горжеточкой и ступайте туда, где никто вас не спросит, кто Вы». Эти мрачные и горестные романсы перемежались с фаталистическими мотивами непритязательных наслаждений мимолетными радостями, счастливыми минуточками, которые удастся вырвать из удручающей прозы жизни.

Образ печального Пьеро Александра Вертинского рожден в трагическо-кровавом начале XX-го века. Нашел ли Вертинский свое время, или время нашло его, – но образ печального, лукавого и изысканного паяца очень точно выразил дух эпохи, полной тревожных предчувствий в поисках новых форм жизни и искусства.

В театрализованных авторских песнях-миниатюрах и песнях-новеллах Александра Вертинского отразилась сложнейшая

трагическая эпоха пред- и послереволюционных событий во всех ее душевных изломах и надеждах. Спустя многие десятилетия образы и умонастроения, впитавшиеся в творчество Вертинского, странным и непостижимым образом оказываются созвучными нашей эпохе. В конце XX века к вокальным миниатюрам Александра Вертинского обращаются Борис Гребенщиков, Ирина Богусhevская, лидер рок-группы «Ва-Банкъ» Александр Ф. Скляр.

Интерес к декадансу в искусстве всегда возникает в моменты общественных, исторических переломов. Таковым для России стало смутное, «шальное» время 1990-х годов. В этот период о себе громогласно заявляет одиозная рок-группа «Агата Кристи». Свердловским рок-музыкантам Вадиму и Глебу Самойловым в альбомах «Коварство и любовь» (1989), «Декаданс» (1991), «Опиум» (1995) удалось органично «скрестить» довольно доступный современному слушателю звук и традицию поэтического декаданса с его изящными образами, восходящими в своих истоках к творчеству Александра Вертинского.

В заглавной композиции альбома «Декаданс» музыкантами воссоздана не только утонченная ирония декаданса, но и грассирующая манера вокального интонирования, столь характерная для Александра Вертинского.

Образ Пьеро у «Агаты Кристи» представлен в двух композициях: «Viva Kalman!» («Коварство и любовь») и в сингле альбома «Опиум». В первом случае Пьеро представлен в опереточ-

но-цирковом образе Белого клоуна¹ – ранимого, непонятого артиста, готового издеваться над собой ради хохота бездушной толпы. Отчаяние героя словно бы тонет в несущемся вихре, кавалькаде жгучих танцевальных ритмов канкана, танго, хабанеры... Отечественный критик Вадим Штепа в статье «Одинокие воины декаданса» пишет: «“Коварство и любовь”, выпущенный в 1989 году, на фоне “смелых разоблачений” и безбрежно-утомительного пафоса (в том числе и в роке), как-то сразу удивил слушателей своей опереточной атмосферой. Многие только потом поняли, что она-то и была главной в то время, а композиция “Viva Kalman!”, вскрывающая “вечную тему” клоуна и толпы, наилучшим образом передавала суть эпохи, где уже непонятно, “то ли это смех, то ли это крах”» [13].

Безумные, экстравагантные игры в декаданс представлены в композиции «Опиум»:

Я крашу губы гуталином,
Я обожаю черный цвет.
И мой герой, он соткан весь
Из тонких запахов конфет.
Напудрив ноздри кокаином,
Я выхожу на променад,
И звезды светят мне красиво,
И симпатичен ад...

Поэтические метафоры Глеба Самойлова воссоздают образную атмосферу ариеток Александра Вертинского: порочные страсти, эпатажные прогулки, отчуждение, ужас одиночества...

Если в «Viva Kalman!» Пьеро обрисован музыкально-поэтическими средствами, то в «Опиуме» представлена аллюзия образа, раскрывающаяся в визуальном ряде видеоклипа. Сюжетной канвой в клипе «Опиум» являются запутанные интриги любовного треугольника ярмарочной комедии масок. В режиссерском плане одинокий Герой, в исполнении Глеба Самойлова, подан как аллюзия на образ Пьеро: мечтательный, поэтичный облик, бледное, печальное лицо, белая просторная рубаха... И, конечно же, боль безответной любви... Интересным образом музыканты и режиссер клипа Анатолий Берсенеv трак-

---

¹ Во второй половине 19 в. маска Пьеро участвовала в становлении амплуа цирковой клоунады и стала прототипом Белого клоуна. Неразлучная парочка Пьеро и Арлекина трансформировалась в цирковой дуэт Белого и Рыжего клоуна.

туют любовный треугольник в «Опиуме» как своеобразный симбиоз двух традиций: европейской комедии масок и русского балагана. Главный герой клипа, действительно подан в образе Пьеро, а противостоящие ему персонажи, скорее, воспринимаются как Балерина и Арап – герои русских балаганных представлений. В этом плане нельзя не вспомнить трактовку любовного треугольника в «Петрушке» Игоря Стравинского. По словам Александра Бенуа, Петрушка «предстал в балете психологизированным, легко ранимым, утонченно-нервным, страдающим, безнадежно влюбленным» [9, с. 160]. А это уже не Петрушка, а Пьеро! В статье И. Д. Медриш «Петрушка Стравинского и народный театр» мы читаем: «Для Стравинского в балете произошло слияние Петрушки с Пьеро, что повлекло за собой создание «треугольника» (Петрушка – Балерина – Арап), аналогично «треугольнику» арлекинады: Пьеро – Коломбина – Арлекин» [6, с. 11].

***Кадры из клипа «Опиум» рок-группы
«Агата Кристи», режиссер Анатолий Берсенеv***

В начале XX века Пьеро стал воплощением мечтателя, символом поэтического начала, противостоящего прозе жизни. Именно таким представлен у «Агаты Кристи» и одинокий Герой «Опиума», живущий в мире иллюзий, далеко от повседневной реальности.

Выход из мертвенных тисков безжалостного мира люди ищут всегда. В начале XX века, как мы теперь знаем, этот посыл был обусловлен мрачной атмосферой декаданса... В начале XXI века выход этому импульсу современная молодежь нашла в готической музыкальной субкультуре.

Среди отечественных музыкальных коллективов несомненным лидером готической сцены (dark wave) можно с уверенностью

назвать молодую группу Otto Dix. В составе коллектива – вокалист и автор текстов Михаэль Драу (сценический псевдоним), композитор и аранжировщик Мари Слип (сценический псевдоним), автор и исполнитель скрипичных партий Петр Воронов.

Otto Dix – группа, привлекающая к себе внимание. Ведь Otto Dix нужно и только внимательно слушать, их выступления ещё необходимо и видеть! Грим, выразительная мимика, пластика жестов в органичном сочетании с музыкальным воплощением поэтических метафор – все это на сцене превращается в настоящий спектакль одного актера! Своеобразная театрализация вокальных миниатюр – необходимый элемент сценического шоу Otto Dix.

Для каждого музыкального образа Михаэль Драу находит свою сценическую маску, свой устойчивый визуальный ряд. Вот один из фрагментов рецензии на выступление Otto Dix в Минске: «При исполнении песни “Любимый немец” Драу играл с плеткой, на “Жертвах искусства” играл на воображаемой скрипке в маске Чумного Доктора, а на “Гленофобии” изображал сломанную куклу (выделено нами – В. С.). Кстати, во время исполнения этой песни поклонники передали из зала подарок – куклу Арлекина, которую Драу тут же вовлек в волшебное действие. Как выяснилось впоследствии, кукла Драу понравилась и “очень помогла на концерте в Москве”» [7].

Сломанная кукла, а вернее, механическая кукла, является одной из сценических масок Михаэля Драу. Выразительный грим артиста – бледное лицо, подведенные черным глаза, характерные ламентозные интонации вокальной партии рисуют в нашем воображении образ «черного Пьеро».

Но Пьеро и в XXI веке продолжает любить. Два героя, которые любят, страдают и чувствуют боль, представлены в компо-

зиции группы Otto Dix «Гленофобия¹». Однако, в этой композиции любовь представлена как жестокое чувство.

Поэтические тексты Михаэля Драу полны ярких метафор, они наполнены скрытым смыслом. Поэтому тексты многих песен Otto Dix нельзя понимать дословно. Мы предлагаем свою интерпретацию образно-эмоционального содержания композиции «Гленофобия».

На наш взгляд, здесь представлена история несчастной любви и довольно-таки замысловатых отношений Героя и Пьеро, каждый из которых в свое время испытал любовь и был отвергнут.

Как нам известно, сценическое действие для Пьеро в ярмарочных представлениях оборачивается самой нерадостной, сумрачной стороной, а соперничество в любви – неудачей. Но Пьеро спокоен и полон самообладания: глубоко затаенная ирония и дерзость искусно сочетаются в нем с притворной флегматичностью и особенной невозмутимостью.

Тем не менее, бесконечные неудачи в соперничестве, проигрыш в любовном треугольнике постепенно, от века к веку ожесточили этого героя. Именно таким Пьеро представлен в композиции Otto Dix «Гленофобия»:

«Ты соткан весь из шелкового льда,
И кровь твоя – застывшая вода.
Ты пишешь стих отточенным пером,
Мой нежный бог, жестокий мой Пьеро».

В сознании Героя, от чьего лица ведется повествование, Пьеро превращается в идола, сотворенного кумира. Но, несмотря на дистанцию между героями, все же между ними существует тесная духовная связь, ведь они оба – глубоко несчастны в любви.

Почему жестокий Пьеро усиливает страдания Героя? Почему Герой боится заглянуть в глаза Пьеро? Потому что в его глазах он увидит себя измученным, сломленным, истерзанным, опустошенным. В глазах куклы Герой увидит отражение своей боли, во сто крат помноженной на боль, которую когда-то испытал Пьеро. И потому взгляд куклы для Героя подобен суро-

---

¹ По определению в «Медицинском словаре», гленофобия – *glenophobia* (англ. *glenoid* – мешковина + фобия) – навязчивый страх кукол [3].

вому приговору судьбы, разбивающему надежду на ласковые признания взаимности:

«Чудесный принц с фарфоровым лицом
Подарен мне заботливым Творцом.
Но я боюсь в глаза твои смотреть,
И чем так жить, мне лучше умереть.

И волен ты продлить мое страданье,
Разбить мечты о ласковом признании».

Ироничность, характерная для Пьеро XIX века, в «Гленофобии» Otto Dix, на наш взгляд, уступает место гротеску. Надломленный герой, живой человек сливается с обликом сломанной куклы. Его живые, полные страдания чувства, крик души – все это подано с издевкой, подобно кривлянию, конвульсии раненого паяца. В вокальную партию именно на словах «мое страданье», «ласковом признании» включено безжизненное, мертвенное, скачкообразное движение на интервал уменьшенной септимы. Причем именно распевы слога на этот интервал придают ярко выраженный гротескный эффект звучанию вокальной партии.

Помимо этого, в вокальной партии привлекают внимание многократные повторы звуков, а также ритмического рисунка поэтических и музыкальных фраз. Как мы видим, в этой композиции музыканты Otto Dix используют приемы *ostinato* в тесной связи с образно-смысловым содержанием. Так, повторность звуков подчеркивает, обостряет боль страдающего героя, а повторность ритмического рисунка усиливает эффект механистичности, автоматизма, что также обнажает момент гротескной подачи музыкального материала.

Русский культуролог, семиотик, филолог Юрий Лотман в своей статье «Куклы в системе культуры» пишет: «От первой игрушки до театральной сцены человек создает себе «второй мир», в котором он, играя, удваивает свою жизнь, эмоционально, эстетически, познавательно ее осваивает. В этой культурной ориентации стабильные игровые элементы – кукла, маска, ампула – играют огромную социально-психологическую роль» [5, с. 380]. Однако, социум, жестокость современности чаще всего наполняют образы кукол, игрушек противоестественными метаморфозами.

Как мы видим, игры взрослых, творческие эксперименты принесли печальной кукле Пьеро ещё большее страдание и боль... Да, игры взрослых в безумном мире чаще всего безумны... Но во все времена мир взрослых неотступно сопровождает мир детства, а в глазах ребенка Пьеро навсегда останется ранимой, чистой куклой, которая учит любить и жить надеждой.

Пьеро, рожденный на подмостках старинного театра, навсегда останется «вечным образом в искусстве». Он будет жить и привлекать к себе внимание еще не одно поколение режиссеров, художников, музыкантов, ученых. Будем надеяться, что этот образ и для детей, и для взрослых навсегда останется вечно юным, чистым и прекрасным.

Библиографический список

1. Александр Вертинский. URL: http://www.library.ru/2/lik/sections.php?a_uid=78
2. Власова Н. «Лунный Пьеро»: пространство культурных диалогов // Музыкальная академия. – 2004. – № 1. – С. 177–184.
3. Гленофобия // Медицинский словарь. URL: <http://www.lor.inventech.ru/glos/#glos>
4. Ларин И. Магнетизм «черного Пьеро». К 120-летию со дня рождения Александра Вертинского URL: http://www.euxpress.de/archive/artikel_13991.html
5. Лотман Ю. Куклы в системе культуры // Избранные статьи. – В 3-х т. Т. I. – Таллинн, 1992. – С. 377–380.
6. Медриш И. «Петрушка» Стравинского и народного театра // Музыка и время. – 2009. – № 12. – С. 9–13.
7. Otto Dix в Минске. URL: <http://alternative-by.org/reports/otchet-25092008-otto-diks-v-minske.html>
8. Рождение Пьеро. URL: <http://studiastv.narod.ru/stro41.html>
9. Смирнов В. А. Н. Бенуа – либреттист «Петрушки» // И. Ф. Стравинский. Статьи и материалы. – М., 1973.
10. Трасковская М. Пьеро белый и Пьеро черный // Искусство – Первое сентября. – 2003. – № 19. – С. 14.
11. Тучинская А. Смех Пьеро // Экран и сцена. – 2004. – № 6. – С. 8.
12. Уварова Е. Александр Вертинский // Актёры на все времена. – М, 2006.
13. Штепа В. Одинокие воины декаданса. URL: <http://shirshina.narod.ru/i83.htm>

НАРОДНЫЕ ИГРЫ В СЕМЕЙНОЙ ЭТНОПЕДАГОГИКЕ АРМЯН МОРДОВИИ

А. А. Шевцова

Московский институт открытого образования,
г. Москва, Россия

Summary. The article is based on the materials of the complex ethnographic observations in Mordovia in 2008–2011 under the guidance of prof. Ludmila Nikonova (Saransk). The author enters the new field ethnographic material into a scientific turn. The author considers the ancient Armenian childish sports occurring in the environment of the Armenian diaspora of the region.

Keywords: games and toys, the Armenian diaspora, ceremonial competitions.

Детские игры и игрушки являются своеобразным отражением культуры, хозяйственного быта, социального строя, верований народа и в то же время отражают новые формы материальной культуры. Зачастую в игрушки превращаются различные предметы быта, вышедшие из употребления и ставшие своеобразным свидетельством прошлого.

Наши информаторы, обучая детей играм в Мордовии, вспоминали, во что в этом возрасте играли на родине. Отцы нередко играют с сыновьями в футбол, другие спортивные командные игры. У девочек любимыми игрушками, как и во все времена, остаются куклы, которых наряжают, водят гулять, «выдают замуж» и т. п. В комнатах девочек всех возрастов и даже молодых женщин часто можно увидеть мягкие игрушки. В нарды и шахматы играют как мальчики, так и девочки, нередко проводя азартные семейные «чемпионаты» с участием соседей и родственников. Нарды пользуются большой популярностью и у взрослых.

Армянские народные игры по своему характеру и содержанию близки к трудовой деятельности, в них отражены занятия сельских тружеников, они связаны с бытом, военным делом [1, с. 155]. Игры, в том числе подвижные, спортивные, выступают как основное средство воспитания в семейной этнопедагогике, важный способ физической, интеллектуальной и нравственной тренировки детей и молодежи. На Кавказе фигура профессионального воина пользовалась особым, наиболее высоким статусом [2, с. 19], вот почему игры, тренирующие ловкость, выносливость, физическую силу, смекалку, командный дух,

пользовались и пользуются по сей день особой популярностью. В первую очередь эти игры были предназначены для мальчиков, девочки же примерно с 6–7 лет с мальчиками не играли. И в наши дни это различие не стерлось до конца.

Среди любимых детских игр в армянской общине Республики Мордовия (РМ) нам называли следующие: игры детей армянских мигрантов – «Угадай, кто?» («Гушаки овэ?») – игра-подражание на смекалку, «Побеги, подбери и скорее вернись!» («Вази, верцру ев штап верадарци!»), «Красное солнце» («Кармир арев») – командные и парные вариации на тему «салочек» с элементами эстафеты [3]. Данные игры развивают спортивные качества, ловкость, сообразительность, фантазию, воспитывают взаимовыручку и командный дух.

В игре «Гушаки овэ?» из игроков выбирают водящего, который садится или остается стоять в центре площадки. Остальные игроки становятся вокруг него на некотором расстоянии. Водящий начинает всевозможными движениями рук, тела подражать какой-либо птице, животному, механизму, предмету. Остальные игроки стараются угадать, что именно он изображает. Тому, кто угадал, водящий говорит: «Да!» Сразу после этого все убегают за установленные границы площадки, а водящий – догоняет. Водит тот, кого он догонит. Если никого не поймает, продолжает снова водить. Если игрокам не удастся отгадать, кого изображал водящий, то сам водящий громко называет то, что он изображал, и гонится за игроками, которые убегают за пределы площадки.

В древней армянской игре «Вази, верцру ев штап верадарци!» могут участвовать от 8 до 40 (!) детей. Игроки делятся на две равные команды. Нужна большая площадка и разные предметы по числу игроков (мячи, камни, палки, пустые жестяные банки). На площадке чертят линию старта, на расстоянии 50–100 м от нее – два круга или линию. Предметы кладут за линию (вдоль нее) или в круги – поровну. За линией старта тоже чертят по кругу для каждой команды. Обе команды становятся в колонну по одному за стартовой линией. По сигналу «судьи» первые номера команд бегут к предметам, подбирают любой из них в своем круге (за линией), причем круг надо обязательно обежать, после – положить в него предмет. Затем они дотрагиваются рукой до следующего в колонне игрока и становятся в конец колонны. Очередной игрок может бежать только тогда, когда до него дотронется предыдущий («эстафета»). Вторым номер выполняет то же задание. Игра заканчивается, когда

последние в цепочке возвращаются за линию старта. Выигрывает та команда, игроки которой быстрее перенесут предметы в свой круг за линией старта. В другом варианте можно бежать всем игрокам одновременно. Тогда игроки должны стоять в шеренгах.

В игре «Кармир арев» все игроки делятся на пары (водит одна из них). Остальные пары становятся по кругу лицом к центру, один в затылок другому. Водящая пара обходит по кругу сзади стоящие пары и произносит следующий стих: «Барев, барев, Кармир арев, / Де тут ари, / Галт бари. / Кезенк сирум, / Кезенк аргум». («Привет, привет, Солнце красное, приди скорей, приди с добром, тебя любим, тебя воспевает»). Иногда лишь объявляют, что начинают водить, или произносят первую строку. Один из водящих касается плеча стоящего сзади и разбегается со своим напарником в разные стороны. Игрок, к плечу которого прикоснулся водящий, вместе со своим напарником должны поймать водящих (или одного из них) до того, как они выбегут за границу «поля». Осаленные игроки делают «замок» из скрещенных рук, как носилки, и несут по очереди тех, кто их осалил, на исходные места. Если убегающие благополучно миновали пределы «поля», то неудачливые преследователи по очереди несут их назад на скрещенных руках. Игра продолжается. Пойманные водящие возвращаются на исходные места тех, кого они вызывали, а поймавшие становятся водящими.

Родители школьников и дошкольников не раз с сожалением отмечали, что в РМ пока нет воскресной школы, класса или кружка в общеобразовательной школе, в которой бы их дети могли бы изучать армянский язык, историю, основы христианского вероучения, литературу, фольклорное наследие, традиции своего народа. Можно отметить, что этнокультурный запрос родителей сформирован. Вот почему Мордовское региональное отделение Союза армян России считают открытие армянской воскресной школы в Саранске своей первоочередной задачей (открытие намечено на 2011/2012 учебный год). Более того, в городской музыкальной школе № 2 вскоре откроют этнический класс, где желающие смогут учиться игре на дудуке. В местах компактного проживания армян в РМ (гг. Саранск, Рузаевка, пос. Кемля Ичалковского р-на, пос. Атьма и Пушкино Ромодановского р-на, пос. Умет Зубово-Полянского р-на) можно рекомендовать местным отделениям системы образования задуматься об открытии этнокультурных факультета-

тивов в общеобразовательной школе, в т. ч. в системе дополнительного образования.

Библиографический список

1. Особенности воспитания детей дошкольного возраста в условиях многоязычия. – М.: Школьная книга, 2007. – 271 с. – С. 154–155.
2. Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. К вопросу о классификации игр // Народные игры и игрушки. – СПб.: МАЭ РАН, 2000. – С. 10–27.
3. Полевой этнографический материал автора, собранный в ходе экспедиции в Республику Мордовия в 2008–2011 гг.

ВЛИЯНИЕ СТОЛИЧНЫХ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ НА КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ СИБИРИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1945 ГГ.)

С. В. Зяблицева

**Кемеровский государственный сельскохозяйственный
институт, г. Кемерово, Россия**

Summary. In the article is examined the problem of influence on the Siberian culture medium of the evacuated workers of syn. The author traces the basic forms of aid to the local artistic associations, the forms of joint activity, the participation of the leading masters skills in training of personnel.

Keywords: culture, West Siberia, World War II.

При всех тягостях, выпавших на долю Сибири в годы войны, с позиций культурной жизни в это время здесь был если не золотой, то, как минимум, серебряный век. Парадоксальный, на первый взгляд, тезис имеет под собой серьезную основу, поскольку в начальный период войны Сибирь стала одним из основных центров театрального и музыкального искусства. Здесь располагались всемирно известные коллективы Ленинградской филармонии с ее симфоническим оркестром и квартетом им. Глазунова, театры им. Евг. Вахтангова и им. А. С. Пушкина, десятки других эвакуированных художественных коллективов.

Пребывание в Западной Сибири элитарных театров страны позволило местной публике получить наглядное представление о ранее малоизвестных ей драматических жанрах, стилях, художественных направлениях. В исполнении актеров театра им. Евг. Вахтангова сибирский зритель вместо обычной приземленности, присущей постановкам местных трупп, мог наблюдать искрометное зрелище с элементами сиюминутной

импровизации. Спектакли театра им. А. С. Пушкина являли собой классические образцы старого доброго реализма, а представления Камерного театра – высокую трагедию в традициях древнегреческого искусства. Столичные театры, таким образом, «являлись одним из тех источников, откуда происходило перво-степенное по значимости изменение сибирского культурного ландшафта – укрепление городской среды за счет культурных учреждений общесоюзного масштаба и уникальных культурных образцов» [1, с. 136].

В высшей степени благожелательное отношение сибиряков к «театральным беженцам», выразившееся не только в предоставлении своих сценических площадок, но и даже в передаче им собственного жилья, способствовало достаточно быстрой адаптации последних к местному культурному сообществу, хотя в начале «было характерное преобладание «столичного скепсиса» по отношению к местной культурной среде, ее оценок как периферийной, провинциальной с негативным подтекстом». В дальнейшем «наблюдался несомненный факт взаимообогащения как на профессиональном, так и на культурно-личностном уровнях» [1, с. 137]. Этому, как представляется, способствовал и достаточно высокий уровень актерского и режиссерского мастерства сибиряков, многие из которых – Н. Медведев, Л. Самборская, В. Редлих, Е. Агафонова, С. Бирюкова, Г. Богданова, Н. Колесникова, П. Некрасов, М. Потоцких, А. Кэнэль, Е. Аверьянова, Н. Михайлов, М. Кирикова – за театральные работы военных лет были удостоены званий Заслуженного деятеля искусства и Заслуженного артиста РСФСР [2, с. 119].

Очевидно, однако, что в вопросах актерского и режиссерского мастерства, общей театральной культуры, знания истории театра роль первой скрипки играли представители российских столиц. Реально это проявлялось в организации при столичных театрах школ повышения мастерства актеров, студий для молодых актеров – в Омске ими руководил Н. П. Охлопков, в Новосибирске – Н. К. Симонов, а также в консультациях, компетентной и дружественной критике, творческих беседах и лекциях, чаще всего посвященных постановке классических пьес, творчеству Шекспира, Мольера, Гольдони, А. Островского. Наряду с режиссером Г. Козинцевым, народным артистом СССР Ю. Юрьевым и другими корифеями советского театра подобного рода работу с сибирскими коллегами вели известные искусствоведы И. Соллертинский, С. Дрейден, Е. Филькенштейн. Плодотворным было и непосредственное участие мастеров сцены в работе

сибирских коллективов. Режиссер театра им. А. С. Пушкина Н. Рашевская поставила в «Красном факеле» пьесу К. Финна «Петр Крымов». Художественный руководитель пушкинцев Л. Вивьен и режиссер Д. Мечик оказывали помощь Кемеровскому театру. Лидер вахтанговцев Б. Захава возглавил постановку в Омском театре пьесы «Нашествие», а режиссер того же театра А. Дикий – пьесы «Олеко Дундич» в Новосибирске. Несколько пьес в Омском ТЮЗе помог инсценировать Н. Охлопков [3, с. 316]. «Общение с вахтанговскими режиссерами и актерами, – вспоминал впоследствии омич А. Теплов, – повлияло на нашу труппу. Влияние это было очень тонкое. Но несомненно, что бывая на репетициях вахтанговцев, мы постепенно понимали свои недостатки и плюсы театра им. Вахтангова» [4]. Примером системного влияния больших мастеров сцены на театральную глубинку Западной Сибири, ее театральную глухомань явилась продолжавшаяся около двух лет работа в Нарымском окружном театре (г. Колпашево) ведущего актера театра им. А. С. Пушкина В.В. Меркурьева и режиссера того же театра И. В. Мейерхольд, дочери Вс. Мейерхольда, которым удалось превратить пеструю, с миру по нитке собранную труппу в профессиональный коллектив, вышедший на уровень высококачественной постановки таких сложных пьес, как «Мещане» М. Горького и «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Островского, получивших высокую оценку на региональном конкурсе постановок классического репертуара [5].

Совместное плодотворное творчество местных и приезжих артистов проявилось и в жанре малых форм (театров миниатюр), организованных в начале войны. В Омске подобный коллектив – Сибирский театр миниатюр – был создан на базе областного драматического театра с привлечением актеров и режиссеров театра им. Евг. Вахтангова. В Новосибирске начиная с 20 ноября 1941 г. активно функционировал «малый» театр, сформированный местными драматургами Ю. Свириным и Н. Бруштейн при участии актрисы и режиссера театра им. А. С. Пушкина Н. Рашевской. В том же жанре выступала агитгруппа «Огонь по врагу» в составе ленинградцев К. А. Адашевского и А. Борисова и новосибирца И. Маланина под руководством режиссера Ленинградской филармонии В. Лебедева [3, с. 306; 6, с. 202].

Вне пределов непосредственных функций части наиболее квалифицированных актеров и режиссеров находилась также деятельность по подготовке артистической молодежи, в Западной Сибири в государственном формате прекратившаяся в ав-

густе 1941 г., когда «на военный период» были закрыты Новосибирское и другие театральные училища [7]. В этих обстоятельствах помощь мастеров театра и театральных педагогов была по сути единственной возможностью стабильного функционирования основательно «прореженных» войной сибирских театральных коллективов, а в дальнейшем – важным фактором восстановления театральной сети региона. Приложение своим силам на педагогическом поприще многие представители театральной элиты Западной Сибири находили в расквартированном сначала в Томске, а затем в Новосибирске Ленинградском театральном институте им. А. Н. Островского. Работая, как и все творческие вузы, по системе студий-мастерских, обычно насчитывающих 12–15 студентов, и выпустив 8 «сибирских» студий, театр, тем самым, даже с учетом неизбежного отсева, обычно составлявшего 25 %, за время эвакуации подготовил от 70 до 100 актеров, часть которых пополнила драматические труппы Западной Сибири. В том же, 1942 г. были организованы учебные студии при театре им. Евг. Вахтангова в Омске и при Камерном – в Барнауле, а годом позже – при театре им. А. С. Пушкина в Новосибирске, имевшие статус высшего учебного заведения. Пушкинцы только в 1944 г. подготовили для профессиональной сцены 18 своих выпускников [3, с. 316; 8].

Библиографический список

1. Рыженко В. Г., Назимова, В. Ш. Трансформации культурного потенциала сибирских городов в экстремальных условиях советской эпохи // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 128–137.
2. Назимова В. Ш. Театральная жизнь Сибири в период Великой Отечественной войны // Художественная культура и интеллигенция Сибири 1917–1945 гг. – Новосибирск, 1984. – С. 119–135.
3. Горюшкина И. А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 251–300.
4. «Сибирские огни». – 1979 г. – № 8. – С. 153.
5. ГАНО. Ф. П–4. Оп. 7. Д. 320. Л. 74.
6. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893–1993. – Новосибирск, 1993. – 472 с.
7. ГАНО. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 42. Л. 109.
8. «Советская Сибирь». – 1945. – 30 июня.

РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНО- СМЫСЛОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Р. И. Гайнутдинова

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань, Россия

Summary. In the article written by R. Gainutdinova the main ideas of informal influence of music on development of axiological and conceptual sphere of the person of the junior schoolchildren. Definition to the term - axiological and conceptual orientations is made. Features of development of the junior schoolchildren. Besides it, in article features of formation of valuable orientations of junior schoolchildren, to be told about necessity of formation of is musical-esthetic culture.

Keywords: person, highly cultured person, axiological and conceptual orientations, musical art.

Каждый человек, появившись на свет, обладает уникальными, присущими только ему индивидуальными чертами. Каждая личность по-своему слышит, видит, чувствует, думает, понимает, и каждый индивид обладает возможностью выиграть в жизни, реализоваться. Сегодня одной из главных задач школьного образования является сохранение и совершенствование индивидуальных личностных качеств подрастающего члена общества, а так же формирование адекватного, разумного взгляда на жизнь, иерархии ценностей и смыслов.

В последние годы наше общество стремительно меняется, меняется и модель поведения, и ценностно-смысловые ориентиры. О том, насколько нежелательные изменения затрагивают современное общество, можно судить по детям. В течении последних 10 лет наше общество оказалось перед рядом проблем, связанных с развитием детей и молодёжи. Особенно поражает резкий рост количества преступления, насилия в школах, проявлений девиантного поведения – это проблема всего общества.

В связи с этим ориентация детей школьного возраста на ценностно-смысловое развитие, воспитание высококультурной личности, обладающей активной гражданской позицией, стремлением к самореализации, носят не просто актуальный, но и социально значимый характер.

Ценностно-смысловая сфера личности складывается в процессе социализации в результате соотнесения собственных

потребностей, интересов, убеждений человека с общественными требованиями, нормами, идеалами. По мнению И. Э. Ярмеева [2], ценностно-смысловой потенциал, определяющий социокультурную направленность мировосприятия и миропонимания, действий и поступков, является ядром нравственно-эстетической культуры личности. Под ценностно-смысловым потенциалом личности автор понимает систему личностно-значимых, духовно-ориентированных ресурсов личности, определяющих её актуальные возможности в области ценностно-смыслового, личностно-значимого самоопределения, саморегуляции, саморазвития, а также влияния на окружающих.

Формирование ценностно-смысловой сферы личности продолжается на протяжении всей жизни. Ее содержание может меняться под влиянием многих факторов, так как социализация может происходить как в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни в обществе, имеющих иногда характер разнонаправленных факторов, так и в условиях воспитания, т. е. целенаправленного формирования личности.

На сегодняшний день, когда поток информации велик, и для того чтобы оставаться квалифицированным специалистом, быть в курсе новшеств, необходимо научиться самостоятельно усваивать новые знания. Поэтому одна из основных задач современной школы – это подбор таких методов обучения, которые позволили бы школьникам научиться самостоятельно получать новые знания и применять накопленные. Особенно актуальна эта проблема в условиях начального образования, когда у ребенка формируется интерес к процессу учебной деятельности, тесно связанный с последующим осознанием значимости содержания приобретенных знаний.

Наиболее характерная черта периода с семи до десяти лет (младшего школьного возраста) состоит в том, что в этом возрасте дошкольник становится школьником. Это переходный период, когда ребенок соединяет в себе черты дошкольного детства с особенностями школьника. Эти качества уживаются в его поведении и сознании в виде сложных и порой противоречивых сочетаний. Как и любое переходное состояние, данный возраст богат скрытыми возможностями развития, основы многих психических качеств личности закладываются и культивируются именно в младшем школьном возрасте. Выявление и использование резервов развития младших школьников позволит более успешно готовить детей к дальнейшей учебной, тру-

довой и общественной деятельности, к жизни в современном обществе.

Таким образом, данный период характеризуется ускоренными процессами психического развития и формированием целенаправленного поведения на фоне продолжающихся морфофункциональных перестроек организма. Только к этому возрасту морфофункциональное развитие ребенка достигает такого уровня, который способствует длительному поддержанию работоспособности. Младший школьный возраст, таким образом, сенситивен для формирования способности к целенаправленной длительной деятельности – как умственной, так и физической [1, с. 368–369].

Большинство психологов и педагогов сходятся на том, что именно в младшем школьном возрасте начинается процесс самозаформирования личности, это происходит за счет развития структур сознания ребенка. Очень важно суметь сохранить положительное отношение ребенка к учебной деятельности. Для этого необходимо включать учащихся в решение познавательных задач, в процессе которого, они будут узнавать новое об окружающем их мире. При этом специально следует подчеркнуть, что учащиеся должны не получать готовые знания и просто запоминать их, а именно как бы открывать их для себя.

Конструирование личностно утверждающей ситуации на уроке предполагает использование технологий задачного подхода, внутреннего диалога и имитационных игр, затрагивающих личностные структуры сознания младших школьников, а так же использование средств искусства и культуры.

В последние годы наблюдается недооценка и принижение роли ценностей культуры и искусства как в жизнедеятельности человека, так и в воспитании подрастающего поколения. В значительном количестве современных российских школ отсутствует дух высокой музыкальной культуры, атмосфера художественного творчества, воспитывающая и развивающая искусствоведческая среда.

Данные социологических опросов показывают, что музыка занимает одно из первых мест в сфере интересов современной молодежи. Однако проблема заключается в том, что предпочтение отдается низкопробному музыкальному репертуару. В музыкальном окружении молодежи не находится места шедеврам классического музыкального искусства, высокохудожественным образцам народной музыки, обладающим огромным духовным потенциалом.

Возможность формирования и развития всеобщей музыкально-эстетической культуры подрастающего поколения предоставляет в основном массовое музыкальное образование, которое осуществляется на уроках музыки в общеобразовательной школе, проведение внеурочных музыкальных мероприятий, создание в школах вокально-хоровых коллективов, посещение оперных, концертных залов. Музыкальное образование способствует формированию кругозора, эстетических вкусов и потребностей, ощущению и осознанию красоты и гармонии.

Из исторического опыта мы знаем, что музыка привлекалась для воспитания подрастающего поколения с древних времен. Каждая эпоха выдвигала свои задачи, связанные с воспитанием ребенка. Во все времена обращали внимание на то, что музыкальные занятия формируют у ребенка те положительные чувства, ту этическую сторону, без которой человеку обойтись невозможно. Без музыки невозможно развитие полноценной личности.

Освоение музыкального языка в младшем школьном возрасте строится в таких формах общения, с помощью которых закладываются стиль жизни ребенка, манера его поведения, внешний облик, несущий в себе отпечаток определенной культурной традиции. Примером такой традиции может служить воспитание русского дворянства, конечно, речь идет не о подражании внешним особенностям поведения, что всегда выглядит фальшиво, а в формировании органичного единства этических и эстетических норм. Сегодня школа должна так обучать и воспитывать молодых людей, чтобы элитой стало не меньшинство, а большинство нации.

Таким образом, роль музыкального искусства в деятельности младшего школьника нельзя переоценить, ведь творчество – это наиболее знакомая ему деятельность на данном этапе развития, так как в дошкольном возрасте ребёнок большую часть своего времени занят игрой, где проявляются его творческие навыки: рисование, пение, движение под музыку, всё это естественно для ребёнка. И поэтому формирование ценностно-смысловой сферы личности с помощью искусства, в частности музыкального именно в младшем школьном возрасте необходимо для развития полноценной, гармоничной, высококультурной личности.

Библиографический список

1. Безруких М. М., Сонкин В. Д., Фарьер Д. А. Возрастная физиология: физиология развития ребенка. – М.: Академия, 2002. – 416 с.
2. Ярмакеев И. Э., Габдуллин Г. Г. Воспитательный потенциал педагогических дисциплин в формировании личности будущего учителя. – Казань: Изд-во Казан. пед. ун-та, 2003. – 464 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Д. К. Курманаева
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Summary. The article defines the content of teaching regional component at foreign language classes. The aspects of teaching regional component and its role in teaching improvement are highlighted.

Keywords: regional component, ethno-cultural approach, the formation of value orientation, national education system.

На современном этапе в процессе реформирования высшей школы заслуживают пристального внимания проблемы обновления системы образования будущих специалистов, связанные с утверждением в обществе высоких духовных ценностей, с воспитанием у молодежи уважения к богатому наследию и историческим традициям своего народа.

В связи с кардинальными изменениями, происходящими в политической, экономической и духовной жизни наша Республика нуждается в специалистах, способных к нестандартному, самостоятельному решению возникающих проблем, умеющих разбираться в человеческих отношениях, владеющих несколькими иностранными языками.

Сегодня социально-экономические преобразования требуют от человека высокого профессионализма, который неразрывно связан с созданием каждому человеку условий для самореализации и самоутверждения как личности.

В проекте «Концепции этнокультурного образования РК» (1996) выработана стратегия и тактика развития и формирования поликультурной личности в системе образования, ибо оно является средством формирования национального самосознания, реализации культурно-языковых интересов; только образованный человек может быть причастен к исторической и

культурной традиции, поскольку он острее ощущает принадлежность к определенной общности и народу, у него сформированы культурные потребности: стремление к нравственности, осмысленной деятельности, красоте, высшим духовным ценностям [4].

Воспитание на этнопедагогической основе – это целенаправленное восхождение ребенка к культуре своего народа, развитие способности жить в современном обществе, зная и помня при этом свои исторические корни, язык, обычаи и традиции и сознательно строить свою жизнь достойного человека как субъекта этноса [1]. Сущность и значение этнопедагогического подхода заключается «в раскрытии воспитательного значения, умении преподнести этнопедагогические знания так, чтобы это значение нашло свою нужную нишу в сознании субъекта – объекта, ибо только тогда оно будет иметь свое развитие в действиях, адекватных цели» [2]. Перспективы развития суверенного демократического государства Казахстан выдвигают ряд важных требований к содержанию воспитания на этнопедагогической основе. И потому отбор содержания воспитания на этнопедагогической основе, реализуемого в процессе изучения учебной дисциплины, соответственно обуславливает и содержание школьных учебных планов, программ, предметов, учебников.

Этнокультурный подход к образованию связан с реализацией как педагогического принципа природосообразности, так и принципа культуросообразности и реализуется в следующих идеях и действиях: приобщение детей к глубокому познанию своего родного языка, истории, литературы как наиболее способствующих ускорению развития народа, возрождению его национального самосознания; использование национальной культуры как источника формирования национально-ориентированного содержания образования; воспитание в детях чувства патриотизма, преданности и любви к своему народу и Родине, воспитание дружеских отношений ко всем народам, расширение знаний о них, их культуре [2].

В высшей школе будущие специалисты изучают много различных предметов, которые, однако, имеют далеко не одинаковое отношение к будущей специальности. Одни предметы служат первичной ступенькой к будущей специальности, другие относятся к циклу общеобразовательных дисциплин, в результате изучения которых формируется интеллигент вообще, третьи посвящают студента в различные аспекты своей специаль-

ности и т. д. Среди такого множества «профилирующих», «общеобразовательных» и «специальных» учебных дисциплин предмет «иностранный язык» занимает особое место. И его своеобразие заключается в том, что в ходе его изучения учащиеся приобретают не знания основ науки, а формируют умение и навыки пользоваться чужим языком как средством общения, средством получения новой и полезной информации [6].

Становление национальной системы образования в Казахстане предполагает создание этнокультурного образовательного пространства. Основной задачей этнокультурного образования является воспитание поликультурной личности, знающей родной, государственный и иностранный языки, которые, по мнению С. С. Кунанбаевой, являются:

- средством межкультурного общения;
- средством познания чужой и своей национальной культуры, своего и других языков;
- инструментом свободной ориентации и жизнедеятельности в современном поликультурном и мультилингвальном мире;
- ценностной базой для ориентации и выбора коммуникативного поведения и невербальных норм взаимодействия с учетом специфики развития и состояния стран, регионов, мировой цивилизации [5].

Одной из наиболее важных задач гуманизации образования и воспитания подрастающего поколения является освоение культурного наследия прошлого Отечества, раскрытие его ценности. Решение задач по гуманизации образования и воспитания возможно через формирование ценностной ориентации на знания о культурном наследии прошлого.

Итак, воспитательная сущность обучения состоит в том, чтобы, развивая умственные силы и способности студентов, сформировать двуязычную и поликультурную личность с точки зрения обучения иностранным языкам. Под этнокультурным компонентом обучения понимается воспитание этнокультурной личности средствами иностранного языка.

Реформа образования требует приращения фундаментальных и универсальных знаний и их реализацию через систему образования. По этому поводу в «Концепции гуманитарного образования в Республике Казахстан» (1994 г.) сказано: «Поскольку прежняя система образования в Республике была ориентирована в основном на образцы, научные знания прошлого, без должного учета природы человека, его жизненных

интересов и потребностей, истинных ценностей культуры, что привело к унификации образования и, следовательно, к единым постулатам и канонам, ... необходимо критически пересмотреть данную ориентацию педагогики и методики и, сохранив все ценное, реформировать ее в соответствии с этническими потребностями обучаемой аудитории» [3].

Принять эту идею – значит создать национальную систему обучения и воспитания, в которой бы сочетались мировой уровень технической и информационной оснащенности обучения и традиционные культурные ценности, значит признать и обеспечить безусловный приоритет для личности родного языка и культуры. Отсюда следует и непрерывность учебной и воспитательной деятельности, направленной на реализацию этнокультурного образования личности учителя, особенно учителя-словесника. В документе совершенно справедливо подчеркивается, что крупномасштабная реформа системы образования не может быть эффективной без серьезных и качественных научных исследований и конкретных рекомендаций относительно форм и методов обучения языку в высшей и средней школах [3].

Язык является наиболее полным показателем культуры. Общеизвестно, что центральной фигурой коммуникативного процесса является человек, а орудием, средством общения – язык. И чем сильнее различие между языками и культурами, тем сложнее овладеть иностранным языком как средством общения. Межэтническая коммуникация реализуется во взаимосвязанной системе «человек – язык – культура» и носит комплексный характер. Носитель двух языков и культур, т. е. билингв является центральной фигурой межэтнической коммуникации. Таким образом, язык отражает все существенные особенности культуры данного этноса и сам является ее неотъемлемой частью. Необходимо отметить, что в демократизации образования особую роль играют новые образовательные технологии, в частности технологии этнокультурного воспитания.

Сейчас идет активное возрождение культурно-исторического наследия прошлого, его важнейшим компонентом является этническая культура, в богатом содержании которой преподаватель-словесник всегда найдет интересный материал, который можно умело и эффективно использовать на занятиях иностранного языка. Это позволит соединить традиции и опыт этнопедагогики, методики обучения иностранному языку в решении образовательных и воспитательных задач, поставленных обществом с позиции культурологического подхода.

Традиционно преподавание иностранного языка содержало большие возможности. Этнокультурный подход предполагает рассмотрение личности как носителя самобытной культуры этноса, передаваемого посредством языка. Процесс становления личности, формирования нравственной культуры возможен в речевом общении, поэтому велика роль культурных знаний, усвоенных в вербальной форме. Этническая культура, понимаемая как система определенных духовных ценностей, форм деятельности, присущих конкретному этносу, способствует формированию личностных качеств человека.

Региональный компонент в содержании языковой подготовки будущих специалистов – это часть содержания обучения иностранному языку, направленная на формирование профессионально-педагогической функции организатора межкультурного общения, основанной на иноязычной коммуникативной компетенции студентов, их готовности к осуществлению диалога культур в различных ситуациях общения с учетом специфики региона.

Региональный материал рассматривается нами как фактор повышения уровня иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей, а также как необходимое условие формирования у них ценностного отношения к региональной культуре и готовности к межкультурному взаимодействию.

В программах преподавания иностранного языка в школе, а также в вузе отведено достаточно места лингвострановедческому аспекту. Таким образом, студенты неязыкового вуза в состоянии рассказывать о культуре, географии, политическом положении страны изучаемого языка. Часто ученики и студенты поражают иностранцев глубиной своих знаний об их стране. Но вместе с тем, когда их просят поподробнее рассказать о реалиях собственной страны, то этот факт вызывает у них значительное затруднение. Связано это с тем, что слишком мало внимания в течение всего курса изучения иностранного языка уделяется постижению культуры родного края. В результате студенты не всегда могут средствами иностранного языка описывать факты и явления, связанные с родной региональной культурой, и, следовательно, в процессе реальной коммуникации не способны транслировать ее своеобразие и сделать ее достоянием мировой культуры. В связи с этим одной из задач культуроведческого образования средствами иностранного языка является развитие основ культуры описания родной культуры в терминах, понят-

ных для членов международного сообщества. Необходимо сформировать у студентов коммуникативные умения, обеспечивающие использование иностранного языка в ситуациях иноязычного общения, связанных с региональной культурой. При этом предусматривается не только усвоение информации о регионе проживания, но и осознание проблем, с которыми сталкиваются жители региона, размышление над ними, их анализ, поиск путей решения, сравнение с аналогичными проблемами, волнующими страны изучаемого языка, а также рассмотрение их сквозь призму мировой культуры.

Определение содержания обучения региональному компоненту на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе основывается на следующих положениях:

- 1) учет сформулированных целей обучения иностранным языкам в неязыковом вузе с позиции диалога культур;
- 2) учет приведенных в данном параграфе точек зрения ученых-методистов на определение содержания обучения;
- 3) необходимость формирования умений, составляющих выделенную нами новую профессионально-педагогическую функцию будущего специалиста-организатора межкультурного общения.

Региональный компонент в обучении иностранным языкам – это и сложная методическая категория.

Лингвистический аспект обучения региональному компоненту включает в себя:

1. Знания о регионе.
2. Языковые явления, отображающие специфику региона.
3. Специальные тексты по региональной проблематике (краеведческие статьи, газетные публикации, художественные тексты).

Темы как отражение проблем, обсуждаемых на 1–2 курсах неязыковых факультетов в определенном регионе.

1. Регионально ориентированные речевые ситуации.
2. Визуально-текстовые материалы (кинофильмы, видеоролики, прагматические материалы).

Представляется важным выделить также методологический аспект обучения региональному компоненту и формирования на этой основе умений организовывать межкультурное общение. Данный аспект направлен на обучение студентов приемам учебной деятельности, ведущим к формированию умений успешного использования регионального материала в

целях общения. Овладение этими приемами обучения связано с развитием следующих умений:

- 1) самостоятельного усвоения необходимой региональной информации;
- 2) работы со справочной литературой;
- 3) ведения словарной тетради с лексическими единицами, отражающими культурное своеобразие региона;
- 4) отбора аутентичных прагматических материалов;
- 5) составления ассоциограмм, схем, диаграмм;
- 6) изучения иноязычного общества с целью выявления сходств и различий культур.

Основываясь на современных условиях развития общественных связей, определяющих необходимость формирования функции организатора межкультурного общения у будущих специалистов, и исходя из теоретических положений, обосновывающих отдельные составляющие данной функции, мы считаем, что выход на региональные проблемы в обучении иностранным языкам имеет следующие последствия:

- 1) позволит обучающимся глубже понять и усвоить отдельные языковые явления и лингвострановедческие реалии в их компарации, сравнивая и сопоставляя реалии культурной и обыденной жизни страны изучаемого языка и Казахстана;
- 2) за счет введения регионального компонента в изучение иностранного языка значительно расширятся содержательные основы обучения иностранному языку;
- 3) региональный компонент будет способствовать развитию и совершенствованию межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся;
- 4) знания о родном крае и умение высказываться на региональные темы усилят прагматический компонент ИКК (иноязычной коммуникативной компетенции) и подготовят студентов к практической деятельности в своем регионе;
- 5) изучение регионального компонента будет способствовать лучшему пониманию иноязычной культуры и формированию повышенной толерантности к участникам коммуникации.

Региональная подготовка будущего специалиста при этом не означает узкой специализации, которая на всю жизнь связывает человека с определенным местом работы, в случае перехода специалиста в новый географический или административ-

ный регион региональная подготовка будет иметь для него большое методическое значение в плане повышения возможностей производственной социальной адаптации.

Реализация принципа регионализации предполагает не только обязательное непосредственное восприятие студентами объектов и процессов реальной действительности – конкретных социокультурных и природно-производственных проблем своего региона, установление их взаимообусловленности, но и сильное учебное или научное исследование этих объектов и явлений. С этих позиций регионализация образовательных систем предполагает определение национально-региональной специфики гуманитарного образования и ее активное использование в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Жетписбаева Б. А. Этнопедагогические основы содержания воспитания в школах Казахстана и Германии (сравнительный аспект) дисс. ...канд. пед. наук. – Караганда, 2001.
2. Кожахметова К. Ж. Казахская этнопедагогика: методология, теория, практика. – Алматы: Ғылым 1998. – 317 с.
3. Концепция гуманитарного образования. – Алматы, 1994.
4. Концепция этнокультурного образования. – Алматы, 1996.
5. Кунанбаева С. С. Современное иноязычное образование: методология и теории. – Алматы, 2005. – С. 112–114.
6. Пустовалова Н. В. Формирование профессиональной направленности студентов в процессе обучения иностранному языку: дисс. ... канд. пед. наук. – Л., 1991.

ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕНЕТИКИ

С. Г. Новиков
Волгоградский институт искусств
им. П. А. Серебрякова,
г. Волгоград, Россия

Summary. The article is devoted to the problem of the detection of the influence of the developed cultural genotype on the Russian pedagogical culture. The author believes that understanding of the history of the Russian pedagogy is possible through the analysis of the basic values and ideals of the society.

Keywords: upbringing, ideals, values, anthropocentrism, sociocentrism, cultural genotype.

И теоретическое, и массовое педагогическое сознание являются продуктом культуры – искусственной программы регуляции человеческой жизнедеятельности. Следовательно, ценности и идеалы воспитания неизменно оказываются концентрированным выражением сложившихся в обществе представлений о должном и одобряемом поведении, кристаллизацией общепринятого мнения о том, какие личностные качества являются образцовыми и нравственно оправданными. А значит, далеко не всякое педагогическое проектирование имеет шанс успешно реализоваться в образовательной практике. На это могут рассчитывать лишь те воспитательные проекты, которые являются ретрансляторами культурного ядра данного общества – базовых ценностей и нравственных норм, единых для всех его членов независимо от их социальной принадлежности.

Это ядро можно уподобить биологическому генотипу. Как невозможно посредством медикаментозного лечения изменить наследственные задатки живого организма, так и с культурной наследственностью нельзя справиться с помощью простого применения педагогических технологий. Важнейшим свойством данного ядра является то, что «всё извне заимствованное оно уподобляет себе, всё чуждое перемалывает, перетирает, сохраняя только внешние признаки заимствованных образцов и их наименования (курсив наш – С. Н.)» [1]. Понятно, что особенности культурного ядра всякого социоисторического организма и его педагогической культуры должны складываться под влиянием объективных факторов. Если говорить о таковых применительно к России, то среди них следует выделить, прежде всего, природно-климатические, геополитические и геокультурные условия генезиса и становления цивилизации. Именно они предопределили долгое господство в массовом сознании идеалов и ценностей социоцентристского характера приоритета интересов социальной целостности.

Впрочем, социоцентризм не имел безраздельного господства в отечественном педагогическом сознании. Начиная с конца XVII века, с осуществлением политики модернизации России, происходит сегментация её педагогической культуры. В ней выделяется субкультура антропоцентристского типа (возводящая на вершину пирамиды ценностей интересы индивида), которая приобрела своих приверженцев преимущественно

в элитарных слоях общества. Данный факт – сосуществование в «теле» российской педагогической культуры двух субкультур – породил многочисленные попытки сформулировать гибридный, по выражению А. С. Ахиезера, воспитательный идеал. Таким образом, дуалистичный культурный генотип России обусловил сосуществование трёх различных по природе воспитательных проектов [2].

Библиографический список

1. Кантор К. М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. – Т. 1. Общие проблемы. – М., 2002. – С. 75.
2. Новиков С. Г. Воспитание рабочей молодежи в условиях форсированной модернизации России (1917-й – 1930-е годы). – Волгоград, 2005. – С. 104–172, 299–363.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБКУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Н. А. Мамедова

**Университет культуры и искусства
Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан**

Summary. The proposed article researches the mechanisms of activity of subculture of the youth. The author determines the characteristic features of subculture of the youth. At the same time, the article investigates the major causes of formation of subculture of the youth. The author draws such a conclusion that communication, entertainment and development of studies appear to be the main form of spending free time for the youth. According to the outcomes of the research, consumption of cultural values by the youth, occupies the second place following free time.

Keywords: the youth, culture of the youth, subculture of the youth, free time, self-realization, and communication.

Молодость – это возрастной период, отличающийся особым динамизмом, при котором ценностные ориентации и психика подвергаются явным изменениям. Согласно принятой психологами мира возрастной периодизации, к молодежи относятся лица в возрасте от 16 до 30–35 лет. В целом молодость охватывает подростковый, юный возрастные периоды и первую половину среднего возрастного периода. За последние годы в результате высокого физического и умственного развития, раннего вступления молодёжи на путь общественной и трудовой

деятельности, увеличения степени правовой ответственности за своё поведение и поступки, признания обществом их независимости и оказания доверия, возрастной предел снизился.

Акселерация (лат. *Acceleratio* – ускорение) у людей молодого возраста, то есть, процесс ускоренного физического развития создает для них различные проблемы в сфере образования, труда, спорта и права. В молодые годы увеличение веса, размеров, силы и гибкости человеческого тела органически сталкивается с социальной и нравственной сферами. Термин акселерация в антропологии показывает ускорение соматического и физиологического развития детей и подростков за 100–150 лет. В широком смысле акселерация – это изменение периодов соматического развития и размеров тела человека на протяжении всей жизни. В научной литературе особое внимание уделяется проблемам психологической акселерации. Психологическая акселерация – это ускорение умственного развития.

В науке существует множество различных теорий, учений и взглядов на акселерацию. Так, согласно теории, выдвинутой западными учеными, акселерация – это дегенеративный процесс, который препятствует психическому и социальному развитию человека. Безответственность молодёжи перед обществом и их беспомощность перед жизненными проблемами приводят к социальной инфантильности. Конечно же, эти взгляды не безосновательны. Однако в то же время необходимо отметить, что эти ученые не приняли во внимание формирующиеся социальную и социально-культурную сферу молодёжи.

В других теориях особенности молодого возраста оцениваются с точки зрения научно-технического прогресса. Отмечается, что научный и технический прогресс является причиной ускоренного развития молодёжи с интеллектуальной точки зрения. По их мнению, именно по данной причине у людей молодого возраста формируется способность свободного и непринужденного использования логической памяти, логического мышления, понятий и категорий. Однако и в этих теориях в определенном смысле имеются противоречивые стороны. По мнению других специалистов обладание определёнными знаниями ещё не означает обладание способностью мыслить и осознавать. Подобные случаи, создавая дилетантизм, иллюзии образованности и практицизма, могут привести к интеллектуальной ограниченности.

Таким образом, в научной литературе выдвигается множество предположений относительно причин акселерации. Значение акселерации для человечества еще изучается.

Интересно, могут ли ускоренное физическое и интеллектуальное развитие привести к социальной гражданской и нравственной зрелости? Обладает ли молодёжь способностью самоуправления в обществе на современном этапе? То есть, умеют ли они сопротивляться негативным явлениям и обладают ли выдержкой? Способны ли они нести полную ответственность за собственные действия и поведение? Способна ли молодёжь осознавать мысли и переживания других людей и понимать их положение?

В поиске ответов на эти вопросы становится ясно, что знания, особенно гуманитарные знания, связаны с нравственностью и моралью. Однако получение образования вовсе не обеспечивает духовную зрелость. Признании правил хорошего поведения и общения в обществе, этических норм возможно их несоблюдение. Духовная зрелость непосредственно зависит от психических тонкостей, уровней воспитания и культуры человека. Воспитание показывает, что раннее физическое и интеллектуальное развитие не является главным фактором раннего социального и гражданского развития.

Возрастные особенности определяют самореализацию и отношение молодёжи к культуре. В данном процессе в качестве характерной черты выступает общее эмоционально-чувственное отношение молодёжи к культуре [4, с. 10]. Данный процесс возникает во время осознания молодым человеком культурной информации на личном уровне. В противном случае подражание молодёжи не принятым обществом, однако любимым молодёжью образам произведений и вымышленным кумирам, совместно переживание их проблем, являются этому явным примером. Это обстоятельство является характерной особенностью молодёжи каждого поколения.

Возрастная психология отмечает предпочтение молодёжи динамизма сюжетов происшествий и действий. В большинстве случаев молодёжи непонятны глубоко интеллектуальные произведения. Именно поэтому они отдают предпочтение героическим и приключенческим фильмам. Кроме этого, молодёжь отдает предпочтение широкомасштабным формам культурной деятельности зрелищного характера, развитым с эмоциональной точки зрения и оказывающим влияние на чувственную сферу. По заключению психологов именно вышеуказанная

причина обуславливает пылкость поведения и действий молодёжи на концертных и спортивных площадках. Мировоззрение молодёжи строится на эмоционально-чувственном осознании, взаимном сравнении добра и зла. Именно по данной причине во время анализа художественных произведений молодёжь предпочитает оценку с моральной и нравственной точек зрения художественно-эстетическому подходу.

Осознание мира молодёжью с нравственной точки зрения в широком социальном контексте выступает основным качеством ее самореализации. Это обстоятельство проявляется в максимализме молодёжи, то есть, нетерпимостью по отношению к другим, с одной стороны, и безответственным отношением к себе, своим действиям и поведению – инфантильностью – с другой стороны.

По мнению российского специалиста в области социологии культуры М. И. Михайловой, молодёжь наряду с эмоционально-нравственным подходом в культуре стремится к достижению развлекательного содержания. Рок-культура и иные проявления массовой культуры препятствуют развитию критериев, оказывающих влияние на формирование интеллектуального уровня личности. По ее мнению, в процессе самореализации молодёжи поиск в культуре эмоционально-нравственного и развлекательного содержания сопровождается стереотипами и поведением группового характера. На основе этого в отношении со сверстниками молодые люди стараются осуществлять идентификацию со своей группой и, противопоставляя себя старшему поколению (чужим), сюда в основном относятся преподаватели и родители), сравнивать себя с его представителями [3, с. 123].

Наблюдения показывают, что в то время, как молодые люди категорически не желают походить на других, особенно на взрослых, сами того не замечая, они, теряя свою индивидуальность и неповторимость, становятся похожими друг на друга в группе или компании. В качестве примера группового стереотипа можно привести предпочтение модной одежды, не обращающая внимания на индивидуальность, приобретение различных престижных предметов (книги, музыкальные инструменты и так далее), не удовлетворяющих духовные потребности в формировании личности.

Более ярко групповые стереотипы проявляются в неформальных знаниях молодёжи. По мнению специалистов, их объединяют искаженные представления о дружбе и страхе перед

одиноким и возможностью изоляции от сверстников. Пребывание вместе со «своими» посредством различных символов и моды, освобождение от чувства второстепенности, ненужности и отверженности характерны для неформальных знаний молодёжи. Это объясняется низким уровнем формирования личности, не прививанием молодому человеку знаний, представлений, ценностей, норм, образцов действий и поведения.

Таким образом, самореализация молодёжи наряду с эмоционально-нравственным самоутверждением характеризуется поиском развлекательного содержания под влиянием стереотипов отношений, интересов, норм и ценностей. Эти качества, проявляющиеся с различной интенсивностью в различных исторических условиях, определяются в процессе самореализации молодёжи в сфере культурной деятельности.

Для того, чтобы вернуться к основному постулату нашей темы, обобщая все вышесказанное, приходим к заключению, что те или иные характерные черты создают возможность для оценки культуры молодёжи как субкультуры. Культура молодёжи отличается от официальной культуры и прочих различных субкультур по знаниям, целям и ценностям, мышлению и способу оценивания, моде, обычаям, вкусам, жаргону и способу поведения.

В качестве социальной группы молодёжь достаточно однородна. Здесь традиционно предпочтения отдаются не связанным с трудовыми и семейными отношениями и проявляющимся в сфере свободного времени схожим позициям и настроениям, общим символам, вкусам и ценностям. Культура молодёжи – это своеобразная культурная автономия, которая формирует внутренний мир личности.

Субкультура молодёжи непосредственно формируется под влиянием культуры взрослых. Не исключение, что именно культура взрослых обуславливает проявление субкультуры молодёжи в качестве контркультуры. По определению культурологических исследований, формальная молодёжная культура основывается на ценностях массовой культуры и социально-политической и официальной идеологии государства. Определение современного состояния этих компонентов и их роли в мировоззрении молодёжи возможно во время анализа субкультуры молодёжи, что определено в качестве одной из целей представленного материала.

Так, характерной особенностью субкультуры молодёжи является ее развлекательно-реактивная склонность. По общему

заключению исследователей, свободное время все более становится основной сферой деятельности молодежи. Проводя свободное время вдали от места образования и проживания, молодежь приобретает определенную свободу. К основным элементам свободного времени молодежи относятся отдых, активная физическая деятельность, просвещение, самообразование, творчество, наблюдение, обдумывание, праздники. Более характерным для молодого возраста считаются общение, развлечение и самообразование.

Полная реализация коммуникативной, эстетической, эмоциональной, сознательной и развлекательной функций культуры и свободного времени характерна для субкультуры молодежи. Ученый-культуролог, кандидат педагогических наук, доцент Марал Манафова неоднократно отмечала в своих научных статьях, что в непрерывном просвещении людей, использовании атрибутов, входящих в понятие культуры, поощрении всестороннего и гармоничного развития творческих способностей и активности молодежи и организации полезного отдыха значительное место занимает педагогика свободного времени. По ее мнению в современной системе воспитания молодежи свободное время определяется как умственная, социальная и эстетическая деятельность, направленная на отдых, развлечение, творческое и физическое развитие молодежи. Наряду с коммуникативной функцией свободное время выполняет в основном реактивную функцию. По мнению М. Манафовой, пренебрежительное отношение к культуре свободного времени может привести в обществе к культурной дикости, развитию преступности, наркомании, алкоголизму и так далее. По ее мнению, под понятием свободного времени наряду с педагогическими проблемами стоят проблемы социологии, психологии, этики и эстетики свободного времени [1, с. 16–18].

По мнению специалистов, реактивная функция свободного времени осуществляется в основном посредством телевидения и радио, прививающими ценности массовой культуры. Мы считаем, что в современное время проблемы свободного времени должны оцениваться не только как составная часть социальной культурологии, но и как компонент широкого понятия науки о человеке.

Формы эстетического воспитания различны и разнообразны. Эстетическая функция культуры должна служить единой цели – воспитание высокоморальной, всесторонне развитой молодежи, не ограничивающейся лишь осознанием красоты, а

умеющей строить свою личную жизнь на основе «законов красоты». Процесс формирования духовного облика молодежи в большой мере тесно связан с тем, как и на каком уровне человек использует свободное время.

Здесь было бы уместным привести формулу формирования личности ученого-культуролога, профессора Фуада Мамедова. По его мнению, воспитание, образование, социальная среда, генетический код и характер являются пятью основными универсальными факторами личности. По мнению Ф. Мамедова, в формировании личности большое значение имеют система культурных ценностей и национальных традиций. Разнообразие личности определяется неопределенным логическим законом Лутви Заде [2, с. 76].

Еще одной чертой, характеризующей культуру молодежи, является отказ от культурных ценностей, идей и образцов старшего поколения. Это обстоятельство продолжает развиваться на протяжении веков. Именно по данной причине на различных исторических этапах формировались субкультуры молодежи, которые по своим идеям, моде, стилям разговора и поведения, искусством проявлялись как контркультура существующей культуре. Культура молодежи принимается как массовое событие, несущее в сознании негативный характер, состоящий, например, из металлистов, экстремистов и т. д., несмотря на то, что основная часть современной молодежи направлена на здоровую и позитивную деятельность.

«Вестернизация» (американизация) культурных потребностей и интересов – это один из критериев, характеризующих культуру молодежи. За последние годы, как и ценности классической и народной культуры, ценности национальной культуры стесняются стереотипами массовой культуры и внедряется «американоподобный» образ жизни. Явным доказательством этому служит превращение героев телесериалов в кумиров молодежи. Однако процессы «вестернизации» этим не ограничиваются и охватывают более широкие сферы жизни. Так, художественные образы превозносятся молодыми на групповой и индивидуальный уровень и выражаются в таких тенденциях поведения, как прагматизм, жестокость, стремление к материальным благам.

Эти тенденции отражаются и культурной самореализации молодежи. Уважение, вежливость, скромность и прочие ценности, считающиеся в последнее время «устаревшими», признаются основной частью молодежи в качестве оскорбления.

Одной из основных особенностей культуры молодежи на современном этапе является факт превосходства потребления над творческим производством (креативная деятельность). В развитии культуры личности велика роль потребления. Однако усвоение культурных ценностей происходит во время активной и независимой деятельности. Заключение исследователей показывают, что потребление культурных ценностей молодежью в проведении свободного времени занимает второе место даже для потребностей, а творческая деятельность – десятое место. По мнению российской ученой Л. И. Михайловой, причина превосходства потребления над творческой деятельностью скрывается в самой личности и самом обществе. Склонность к потреблению проявляется не только в безразличном отношении к художественному, научному и техническому творчеству, это обстоятельство отражается и в жизненной позиции. Подобное отношение к жизни отражают инфантильность, порождающуюся в неправильной системе воспитания молодежи семьей и обществом [3, с. 124].

Исследования показывают, что культурное потребление проявляется в социокультурных и эвристических аспектах. По мнению ученых, потребительские тенденции в сфере художественной культуры превосходят креативную деятельность в сфере социально-культурной деятельности. Даная тенденция более всего проявляется в процессе самореализации в сфере культуры обучающейся молодежи. По мнению исследователей, основная причина этого заключается в потоке культурной информации, являющейся ценностью массовой культуры и в целом воспринимаемой сознанием и закрепляющейся поверхностным образом. Творческая самореализация в основном проявляется в маргинальной форме.

Правда, за последние годы в процессе множества изменений в обществе, прививаемые идеалы также подверглись трансформации. Сегодня перед обществом стоит задача проявления по отношению к детям, подросткам и молодежи настоящей любви, воспитания здорового человека, способного осуществлять в условиях развития рыночных отношений и военных конфликтов независимую и активную деятельность. Сегодня молодежь ведет активный образ жизни. Однако эта активность опять таки более всего направлена на потребление.

Культура молодежи обладает низким уровнем индивидуализма, а способность выбора является одной из актуальных проблем современности. Предпочтение в обществе тех или

иных ценностей в большинстве случаев связано с групповыми стереотипами. Люди, в особенности молодежь, постоянно живут под страхом быть «ненужными», «неинтересными», «отверженными» в рамках группы. Быть похожим на «идеал», избранный определенной группой, является требованием, постоянно диктуемым массой. Групповые стереотипы и ценностная иерархия являются факторами, определяемыми уровнем образования, местом проживания и национальной принадлежностью. Их значение обнаруживается в неприемлемости культурного конформизма и прочих ценностей и стереотипов в общении членов неформальных групп. В качестве форм проявления этих тенденций субкультуры молодежи можно привести группировки, создаваемые учениками средних школ и, наконец, «группы», роли и статусы членов которых регламентируются жесткими правилами.

Проведенные наблюдения во время исследований показывают, что в основном реализация свободного времени молодежи происходит вдали от культурных учреждений посредством институционального образования – телевидения, обладающего сильнейшим влиятельным критерием с социальной и эстетической точки зрения. Другими словами, на современном этапе субкультуре молодежи свойственна не институциональная самореализация.

Другим явно проявляющимся качеством являются случаи не обладания этнокультурной самоидентификацией в субкультуре молодежи. Так, народная культура (обычаи и традиции, фольклор) определенной частью молодежи принимается как анахронизм. Сегодня во время попытки привития этнокультурного содержания при социализации молодого поколения предпочтение отдается пропаганде древних народных обычаев и традиций и исламских ценностей. Нельзя забывать, что этнокультурная самоидентификация несмотря на массовость, заключается не только в привитии молодому поколению одной конвенции, но в первую очередь – в прививании любви к историческому прошлому, народным традициям, одним словом, любви к Родине.

Конечно же, существует основная причина формирования характерных особенностей рассматриваемой нами субкультуры молодежи на современном этапе. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве. Именно по данной причине кризис общества и его основных институтов не оставило без влияния содержание субкультуры молодежи. Мы считаем,

что основная цель социальных культурологов сегодня связана с особой молодежью, и должны быть подготовлены социально-адаптационные программы. Каждое вмешательство в процесс социализации, хочешь не хочешь, непосредственно столкнется с состоянием социальных институтов общества, в первую очередь, системы образования, культурных учреждений и средств массовой информации. Общество – это зеркало молодежи.

Кризис семьи и института семейного воспитания, препятствие родителей, учителей и представителей мира «взрослых» индивидуализму и инициативности детей, подростков и молодежи может стать причиной инфантилизма с одной стороны и прагматизма, социальной не адаптации, а также обстоятельств экстремистского характера. Воспитание в агрессивной форме может создать агрессивную молодежь.

Коммерциализация в определенном смысле художественной культуры средств массовой информации наряду с семейной и образовательной системой формирует скорость развития субкультуры молодежи. Как мы знаем, именно просмотр телепередач наряду с общением является одной из самых развитых форм организации досуга. Мы считаем, что субкультура молодежи по многим своим признакам является простым повторением телевизионной субкультуры, формирующей своеобразного зрителя. Нельзя забывать, что субкультура молодежи является искаженным отражением происшествий, отношений и ценностей мира «взрослых». Эффективная культурная самореализация молодежи возможна лишь в здоровом обществе. Если принять во внимание, что сегодня наблюдается ежедневное повышение культурного состояния возрастных и прочих социально-демографических групп, неопровержимым является факт существования для молодежи больших перспектив и спектра широких возможностей.

По мнению исследователей, в начале 90-х годов XX века субкультура молодежи пережила период подъема, а в середине 90-х гг. была предана забвению. Сегодня активность молодежных субкультур переживает новый этап. При сложившейся ситуации исследование проблем, стоящих перед юными людьми, на опыте прошлых лет, а также при возможности их решения, является актуальным. Самореализация, самоактуализация, непонимание старшего поколения, вступление в совершеннолетие, выбор правильного пути и прочие вопросы входят в ряд проблем, являющихся объектом изучения. По мнению специалистов, в решении указанных проблем гуманитаризация воспи-

тательно-образовательных институтов, являющихся основным компонентом всех сфер общественной жизни, особенно социализации личности, является существенно важным. Считаем, что вопрос превращения института гуманитарного образования в мощную ветвь социализации, направление приоритетного развития является актуальной проблемой современности.

Библиографический список

1. Манафова М. Семья и досуг // Журнал культуры и просвещения. – № 3–4. – 1993. – С.16–18.
2. Мамедов Ф. Т. Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности. – Баку: Хабилов, Зейналов и сыновья, 2006. – 576 с.
3. Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. – М.: FAir-Press, 1999. – 232 с.
4. Сикевич З. В. Молодежная культура. За и против: Заметки социолога. – Л: Лениздат, 1990. – 204 с.

МОЛОДЁЖНЫЙ ЯЗЫК ГЕРМАНИИ

А. Ю. Шихалеева

**Вятский государственный гуманитарный университет,
г. Киров, Россия**

Summary. The following article could be of some interest and could be useful for students and teachers of faculties of foreign languages and for those who are interested in linguistics.

Keywords: youth, German, language.

Молодежный язык отличается от многочисленных профессиональных «языков» (жаргонов) тем, что он не является шифрованным (наподобие воровского жаргона), и тем, что ему не нужны обозначения новых понятий (как это наблюдается в компьютерном жаргоне). Молодежный язык, как правило, более экспрессивно и метафорично обозначает уже известные предметы и явления.

Употребление молодёжного языка способствует сепаратизации, самоотделению представителей этой группы общества от прочих и одновременно объединяет их в некоторую «свою» группу [1]. Иными словами, молодые люди стремятся к нестандартному словесному выражению – к межгрупповому конформизму.

Герман Эманн выделяет следующие причины возникновения молодёжного языка.

1. Аспект протеста.
2. Аспект отчуждения.
3. Аспект убедительности.
4. Игровой и инновационный аспект.
5. Эмоционально-аффективный аспект.
6. Коммуникативно-экономичный аспект.

Признаками молодежного языка, на которые мы прежде всего обращаем внимание, являются: упрощенное построение фраз, яркая образность и выразительность.

Новые слова создаются различными способами:

- соединением слов (Schrumpfelrose, Fossilscheibe);
- введением новых суффиксов (Randalo, Gitarrero);
- онемечиванием иноязычных слов (jobben, supporten).

Для современного молодёжного языка Германии характерно:

- частое употребление таких слов и их производных как: super, toll;
- использование большого количества неологизмов;
- распространенность англицизмов: Look, Party, Star, cool usw;
- наличие богатой системы синонимов: tierisch, teuflisch, höllisch.

В основном молодёжный язык характеризуется устной формой выражения, но и в письменной речи он встречается довольно часто. Тенденцией последних лет стало употребление молодёжного языка в интернете, а конкретно в чатах и на форумах. Сюда также можно добавить и «смс». В процессе письменного общения практически каждый участник дополняет свое высказывание определенными символами. Большинство из них представляют собой так называемые смайлы, передающие эмоциональное состояние участников общения [2]. Широкое распространение в сети получило использование акронимов — своеобразных символьных сокращений целых фраз и предложений.

Библиографический список

1. Розен Е. В. Подростково-молодежный словесный репертуар // ИЯШ. – 1975. – № 2. – С. 16.
2. Образование. Коммуникация. Ценности. (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании» / под ред. С. И. Дудника. – СПб., 2004. – С. 65.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

О. В. Милаева, А. Е. Сиушкин
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. This article is devoted such type of applied research, as linguistic expertise. Submitted by categorical apparatus and the basic directions of linguistic expertise. Described the analytic procedure and the standard registration records for the linguistic expertise.

Keywords: advertising copy, linguistic expertise, speech offence, legal linguistics.

Лингвистическая экспертиза представляет собой один из типов прикладных исследований, осуществляемых в рамках судебной лингвоэкспертной деятельности по оценке соответствия конкретного текста законодательным, этическим и языковым нормам. Теоретическое обоснование этой деятельности в отечественной науке предложено в ряде направлений, новейшие из которых – юрислингвистика [8, 9] и судебное речеведение [5, 6]. Возникновение такого направления исследований связано с активизацией в России правоприменительной практики по так называемым речевым преступлениям, включая информационные споры, иначе – конфликты и правонарушения в массовой коммуникации: в журналистике, предвыборной агитации, рекламе. По определению Е. И. Галяшиной [4], все типы этой аналитической процедуры, лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в языкознании и судебном речеведении. Объектами экспертиз данного вида являются единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе [11].

В рамках лингвистической экспертизы рекламного текста происходит оценка с филологической точки зрения позитивных или негативных эффектов взаимодействия разноприродных знаковых систем, в совокупности создающих рекламное произведение. Лингвистическая экспертиза может проводиться в случае оценки конфликтогенных текстов (предметом лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов являются лингвистические признаки определенных речевых деликтов [8, 9]) и для оптимизации конкретных рекламных текстов.

Можно выделить ряд направлений лингвистической экспертизы. Во-первых, анализ рекламных текстов на предмет их соответствия нормам, предписанным в федеральном «Законе о рекламе» и «Законе о защите прав потребителей», а также в Российском рекламном кодексе и ряде других законодательных и корпоративных документов, регулирующих сферу массовой коммуникации. Во-вторых, это анализ рекламы с точки зрения этических норм. В-третьих, экспертизы, связанные с конкурентной борьбой, в частности, выражающейся в прямом плагиате или эксплуатации отдельных элементов известного торгового знака или имени. В-пятых, это ортологические экспертизы (на соответствие текстов грамматическим и стилистическим нормам).

Помимо собственно лингвистических характеристик при лингвистической экспертизе употребляются так называемые фоновые знания (особенно, когда речь идет об инвективной, табуированной лексике) [3]. Зачастую то или иное слово не имеет запретительной пометки в толковых словарях, равно как вся эта фраза отсутствует в словарях жаргонных, бранных и матерных выражений. Но даже в отсутствие словарных показаний о неприличности составляющих данную фразу слов ее смысл может быть оценен как неприличный (матерный) на основании непристойных подтекстовых значений (ассоциаций), однозначно идентифицируемых русским языковым сознанием и/или выявляемых с помощью экспертного лингвистического анализа. Современный филологический инструментарий позволяет выявлять истинное значение таких фраз, исходя из коммуникативного намерения (интенции) автора построить заведомо эффектную фразу (например, рекламный слоган) на нарочитом созвучии (так называемой паронимазии) с непристойным выражением, придающим тексту двусмысленность [17]. В одном из законопроектов о русском языке как государственном, подготовленном в Госдуме, также предлагаются различные санкции за неприличные выражения в СМИ – и в этом предложении есть свои резоны.

Оптимизирующая лингвистическая экспертиза с целью повысить конкурентоспособность товара/фирмы за счет удачного выбора коммерческого имени. Может проводиться при выборе названия, слогана для рекламируемого объекта, ударных текстовых фраз. В этом случае может быть оценена информационная емкость, эмоциональная насыщенность, оптималь-

ное соотношение частей, соответствие речевым нормам русского языка конкретного текста.

При рассмотрении рекламного текста в качестве коммуникативного сообщения, имеющего прагматическую установку передать адекватную замыслу автора информацию о предмете рекламы с конечной целью побуждения реципиента к активному действию, можно выделить прагматическую значимость такого объекта, как правовые аспекты при анализе рекламного текста [14, 15].

Лингвистическую экспертизу можно отнести к герменевтике, так как она занимается решением вопросов смыслового толкования текста. Основные герменевтические процедуры в лингвистической экспертизе выполняются экспертами «вручную», интроспективными методами, хотя успешно применяются также количественные и инструментальные методы, особенно компьютерные [2]. Однако стоит отметить отсутствие общепризнанных методик подобных исследований. Поэтому в числе первоочередных задач российских экспертных центров была разработка теоретического фундамента лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов [13, 16], понятийного аппарата и стандартных вопросников по конкретным типам речевых преступлений [10]. При лингвистической экспертизе происходит истолкование со стороны лингвистов: посредством специальных методик они определяют текстовые параметры, коррелирующие с признаками разных речевых преступлений. Для каждого из них существуют достаточно определенные лингвоправовые показатели, сформулированные или в самой статье закона, или в комментариях юристов. Чтобы стать объектом судебного рассмотрения в диффамационном процессе, а потом быть признанным в качестве деликта, инкриминируемый текст должен отвечать ряду содержательных и формальных требований. Терминология лингвистической экспертизы заимствуется из разных языковедческих областей, из общеупотребительной лексики (негативная/позитивная информация, факт, истинность, мнения, оценки, предположения слухи). Многие лингвоправовые характеристики также представляют собой юридизированные слова «наивного речеведения» (клевета, оскорбление, утверждение, порочащие сведения, унижение чести и достоинства, недостоверные сведения).

Лингвистическая экспертиза воплощается в тексте, главная часть которого строится как ответы на запрос суда или стороны информационного спора (истца, ответчика, адвоката или пред-

ставителя одной из сторон), содержащий вопросы по инкриминируемым фразам конфликтного текста или по тексту в целом [13]. Этот текст в целом имеет стандартное оформление и композицию (вступительная часть, алгоритм анализа и терминология, собственно исследование, заключение экспертов).

Экспертиза выполняется на бланке учреждения, куда послан запрос. Ее вступительная часть содержит стандартизованные сведения об экспертах (степень и звание, специальность, стаж экспертной работы), указывает на основания производства экспертизы (по определению суда или по запросу стороны) и на обстоятельства дела, раскрывает научно-методические основы анализа и библиографию.

Следующая часть лингвистической экспертизы – теоретическая: в ней суду предъявляются алгоритмы анализа и термины лингвистической экспертизы данного типа речевых преступлений и характеризуется в речедеятельностном контексте и с жанрово-дискурсивной точки зрения текст, содержащий инкриминируемые высказывания [7]. Исследовательская часть лингвистической экспертизы выполняется как ответы на вопросы суда или стороны конфликта с подробным анализом инкриминируемых фраз в соответствии с инструментарием лингвистической экспертизы по данному речевому деликту. Заключение оформляется как резюме вопросно-ответной части экспертизы: именно ее формулировки используют судьи, когда переводят наблюдения лингвистов-экспертов над лингвистическими признаками речевого преступления в правовую плоскость и делают вывод о наличии или отсутствии состава преступления, а следовательно, о виновности или невиновности ответчика.

Различение фактов (знаний) и мнений на основании их лингвистических примет – это и есть основная задача лингвистической экспертизы в диффамационных делах. Два эти лингвистически релевантных способа передачи информации – знания и мнения – изучаются со второй половины 1980-х в работах М. В. Дмитриховской, А. Зализняк и других участников рабочей группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН под руководством Н. Д. Арутюновой [12].

Ключевое понятие лингвистической экспертизы «факт» подробно анализировалось в книге «Понятие чести и достоинства...» [1996/2004] с опорой на логико-синтаксическую концепцию Арутюновой [1] и работу Степанова [18].

Фактологический характер высказывания обнаруживается как особые свойства его пропозитивной семантики. Фактологичны конкретнореферентные предложения с акциональными, статальными, количественными, некоторыми релятивными предикатами. Мнения как не-верифицируемые высказывания будут формироваться с «обобщенной» референцией (все чиновники берут взятки) и иными типами предикатов. Помимо оценочных, это предикаты эмоционального состояния, умственной или перцептивной деятельности; они изображают внутренний мир персонажа в традициях беллетристики, а не журналистики. В контекстах знания факта специальные лексические показатели не обязательны: вербализация автором своего знания нужна только в риторических или эстетических целях, для особой убедительности.

Информация, поданная в форме знания, может быть подвергнута сомнению, охарактеризована как клеветническая или порочащая и подлежит проверке на истинность верификации. Задача же лингвистов – 1) указать суду на фрагменты текста, которые оформлены как знание=факт, могут быть доказательствами по соответствующим делам и потому подлежат верификации (эксплицитные) и 2) те, которые оформлены как мнение и потому верификации не поддаются, а следовательно, не могут быть вменены как состав клеветы и диффамации (имплицитные).

С точки зрения эксплицитности учитываются оба основных компонента семантики высказывания – пропозитивный и иллюкутивный. Верификации подлежит только явная пропозитивная информация, а не инференции, не выводы обиженного истца и не намеки как особая когнитивнориторическая стратегия (намеки как объект лингвоэкспертного анализа подробно рассмотрены в работах Баранова [2]. Что касается формы утверждения, то, вероятно, в рамках лингвистической экспертизы ее стоит понимать как локализацию инкриминируемого слова/выражения в сказуемом, выполнение этим словом предикативной функции. Другими словами, это явная словесная форма, в сопоставлении со скрытой словесной формой – локализацией информации в группе подлежащего или во второстепенных членах предложения. По правилу, информация в неутверждаемой форме не верифицируема, а значит, и не инкриминируема. Что касается иллюкутивной семантики, то здесь, прежде всего, противопоставляются утверждения и вопросы; остается спорным статус риторических вопросов как скрытых утверждений.

Итак, рассмотрению в диффамационном процессе подлежат фразы с прямой иллокуцией утверждения, когда инкриминируемое выражение находится в предикативном центре как в информационном фокусе предложения. Согласно распространенному лингвоэкспертному мнению, не подлежат рассмотрению образно-метафорические и стилистически окрашенные номинации как проявления мнения, субъективного восприятия автора, потому что они неverifiedируемы [7]. Отдельного рассмотрения и по другой статье – об оскорблении – заслуживает особая стилистическая краска, которая в законе характеризуется как неприличная, циничная форма выражения обобщенной оценки личности и которая соотносится с инвективной лексикой.

В настоящее время в практике лингвистической экспертизы текст интерпретируется комплексно, через несколько современных дискурсивно-когнитивных дисциплин: это основные коммуникативные понятия «по-якобсоновски» и теория речевых актов, традиционные подходы стилистики жанров и функциональной стилистики и современная российская генристика, теория массовой коммуникации и лингвосемиотика.

Критерии оценки текстов заимствуются из теории культуры речи и рекламного законодательства и корпоративных регулирующих документов.

Подытоживая, можно перечислить ряд ключевых понятий, которыми оперирует лингвистическая экспертиза текстов.

1. Ключевым понятием в нем является понятие языковой нормы. При этом нарушение нормы (любого уровня) может рассматриваться, с одной стороны, как ошибка и свидетельство недостаточной компетенции авторов текста, а с другой – как экспрессема, языковая игра. В рамках языковой нормы можно рассматривать при анализе ряд уровней: стилистические нормы, социолингвистические нормы, логические нормы, жанровые (текстлингвистические) нормы, семиотические нормы, этические нормы. В русском литературном языке уже оформился новый функциональный стиль, ведущей стилиевой чертой которого является, как отмечают специалисты [14, 15], утилитарная оценочность и который определяется как рекламный. Нарушением нормы этого стиля – гиперхарактерной ошибкой – следует считать гиперболичность оценки, а также неуместные канцеляризмы, газетизмы, жаргонизмы, преизбыток терминов в рекламе потребительских товаров и услуг для массовой аудитории.

2. Требования к содержанию и форме рекламных текстов на уровне законодательства (обобщающее понятие ненадлежа-

щей рекламы и конкретизирующие его термины: недостоверная, недобросовестная, неэтичная и заведомо ложная реклама).

3. Требования рекламных кодексов (пристойность, этичность, корректность и т. п.)

Фактически лингвистическая экспертиза наглядно демонстрирует в действии новые, высшие уровни дискурсивной регуляции, которые введены в рассмотрение лингвистов вышеуказанными дисциплинами: юрислингвистикой, судебным речеведением – и это несомненный вклад этих дисциплин в теорию языкознания в целом.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.
3. Бринев К. И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий сведение и мнение, оценка, факт) // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008.
4. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.
5. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. – М., 2003.
6. Галяшина Е. И., Горбаневский М. В., Стернин И. А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. – № 1 (6).
7. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2002.
8. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика VIII: Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007.
9. Голев Н. Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права // Юрислингвистика 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999.
10. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика VII: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул, 2006.
11. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие. – М.: Логос, 2004.
12. Зализняк А. А. Компоненты семантической структуры предикатов внутреннего состояния // Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006.
13. Кара-Мурза Е. С. Изучение речевых преступлений методами лингвистической экспертизы (к основаниям лингвистической конфликтологии) / Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию доктора

- филологических наук, профессора А. П. Сковородникова / Сибирский федеральный университет; под ред. Г. А. Копниной. – Красноярск, 2009.
14. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2009. – № 1.
  15. Кара-Мурза Е. С. Лингвосомиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008.
  16. Кара-Мурза Е. С. Речевое преступление как проявление конфликтности политического дискурса // Современная политическая коммуникация. Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009.
  17. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Масс-медиа в России. Законы. Конфликты. Правонарушения. 1996–1997. – М., 1998.
  18. Степанов Ю. С. Дискурс, Факт и Принцип причинности... Язык и наука XX столетия. – М., 1995.

«ВЛАСТЬ ЭФИРА» И КОЛЛИЗИИ МАСС-МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

Н. К. Поздняков
Омский институт (филиал)
Российского государственного
торгово-экономического университета, г. Омск, Россия

Summary. The article gives the analyses of the peculiarities of the political processes in the area of modern mass media. The author focuses his attention on telecommunication as a multidimensional environment of circulation of types of interaction between ascendancy and citizens, special transitive capability of informational ether.

Keywords: ascendancy, ether area, communication, interactive environment, civil initiatives.

Историческими проявлениями власти – по мере вторжения человека в околоземное пространство, Вселенную – предстают виды господства природы. К этой области относятся концепции геополитики, прежде всего воззрения Р. Челлена на рубеже XIX–XX вв.: власть моря (талассократия), власть воздуха (аэрократия), власть эфира (эфирократия) [12, с. 125, 126.]. Сегодня актуальный смысл приобретают факторы эфирного пространства с последующими превращениями его системных взаимосвязей.

В философском смысле эфир является мирозозидающей вещественностью, в особых смыслах доносящейся пластичностью мира и отдаленнейшими видимостями. Для Платона «стихия, объединяющая все прочее, – эфир» [11, с. 456]. Современный эфир есть несомненная техно-электронная субстанция, реализующая (ускоряющая) средства и способы передачи сообщений, образующая особую сферу коммуникативной объединенности и связности. Так, система телевидения развивает эфирную конгломерацию мировидения и локальных (региональных) микротелестанций. Вместе с тем социально-человеческая реализация этих возможностей обнаруживает этапные противоречия.

В 70-е годы XX в. упреки масс-медиа со стороны теоретиков Франкфуртской школы (Т. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) заключались в том, что структурная социализация телеэфира не устраняет «прозаизирование», т. е. буднично-повседневное, «без развертывания» общение, ограниченное непространственной коммуникацией. Например, возмущение Т. Адорно вызвано тем, что субъекты-зрители разобщены и рассредоточены «по бесчисленному ряду», т. е. в линейной плотности программированных воздействий, «приземленной» адресуемости следующих друг за другом ситуаций [1, с. 55, 56]. В результате происходит «рассублимирование» далеко-близкой общительности, тогда как необходимо возведение «моста» между эфирной всеобщностью и межгрупповыми интересами смотрящих.

Следует сказать о том, что телеэфир советского периода первоначально развивался иначе, во всяком случае, не испытывал отсутствия связи с общественно-политическим пространством. «Воля власти может при современных средствах сообщения охватить самые отдаленные области и в любую минуту заявить о себе в каждом доме», – отмечает К. Ясперс [13, с. 139]. Обобщенное заключение основателя открытой социально-человеческой коммуникации реализуется в организации «близкого круга» телеаудитории на дистанции «доверия», когда появляется «ответный» горизонт общественных впечатлений, например в передачах прямого эфира («Аудитория – 150 млн зрителей» – симптоматичное издание теоретиков советского ТВ). Вместе с тем социальная функция телевидения признавала один срез отношений: между телеисточником и зрителем. «Зритель – единица, – подчеркивал болгарский исследователь Е. Николов, – совокупность зрителей равнозначна сово-

купности общественных связей». Телеаудитория является адресатом единого социально организованного общения, которое создает «равноправие» при односторонней направленности обращений. Телевидение существует в качестве представителя государства, отношения между ним и зрителями определяются «внешними для обеих сторон факторами» [1, с. 66, 67].

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века позитивным следствием многоканального ТВ является ослабление прямого идеологического воздействия. Постепенно политические субкультуры оказываются относительно независимыми, поскольку поглощаются потоками информации, и, соответственно, люди стремятся найти ненавязчивые источники сообщений. Роль органов массовой коммуникации в производстве властных отношений неотделима от их «распыления» в блоках и сетях разветвленной декомпозированной телеканальности. Таким образом, телевизионные вариации публики становятся творческой, причастной силой и образуют новые формы политики, когда они активно предвидят ее последствия (результаты появляются незамедлительно, что приучает постоянно следить за событиями)¹.

Демократический характер информационной политики превращает телеаудиторию в группы дискурсивного участия, которые являются носителями открытой человеческой коммуникации. Именно в них кристаллизуются ценностные предпосылки общественной жизни и развиваются гражданские притязания. «Без гласности, – подчеркивал И. Кант, – не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только в качестве публично объявляемой)» [5, с. 461]. В этих условиях развивается особый взгляд телевидения (не случайно известная в период советской перестройки телепередача называлась именно «Взгляд»). Телеаудитория постепенно переходит в естественное состояние участия в делах государства, положив начало отличительной активности людей. Однако коммуникативная власть как широта совместного понимания замещается «четвертой властью» СМИ, уверенных в том, что они могут не считаться ни с кем, кроме себя. Телеаудитории от-

---

¹ Это является родовым качеством телесообщений: «немедленная информация» как важнейшее качество телевидения создает «массу», подобно тому, как «печатная техника вызвала к жизни публику». Хуже всего, если телевидение дает «пачки пассивных развлечений» и, например, политическое время новостей предлагает «вчерашние ответы на сегодняшние вопросы» (именно этого следует избегать телевидению). См. об этом: Mc Luan M., Fiore Q. The Medium is the messaj. 1., 1967.

водится роль стороны, воспринимающей демонстрацию представлений, подчиненных ритмике мира политики и ее мероприятий. Вместо этого необходим поиск новых форм и возможностей групповой интеграции, разнохарактерной дифференциации внимания к социально-политическим событиям.

Этому соответствуют этапы появления самих зрителей на телевидении (в его студиях и павильонах), таким образом, теле (*tele* – греч. близь, даль) видение (*vider* – лат. видеть) исчезает в качестве всеобщности эфирного пространства. Оно стало объектом заполнения «достигающими» сигналами с мест, местом разнородных и многочисленных приходов людей, что означает усиление телевизации общественно-политической жизни. «Человек политический» не просто смотрит, а ведет свою жизнь у телеэфира в качестве *interagens* – человека «контактного», «проникающего». В дальнейшем пространство разговорных представлений (ток-шоу) углубляется интерактивной техникой, которая образует новое пространство межперсонального и межгруппового взаимодействия. На этой основе телевидение активно ведет поиск форм и возможностей групповой интеграции, способствует разнохарактерной дифференциации внимания в политике. В границах подвижного единства меньшинства и массы им активно устраняется разрыв между элитой и массовой аудиторией, когда получает выход актуализация политики, формируется полисубъектность политического процесса. Политизированные разговорные телепередачи вызывают в памяти высказывание Г. Гегеля: «Правда, такие собрания обременительны для министров, которые должны обладать остроумием и красноречием, чтобы парировать удары, направляемые против них; однако тем не менее публичность – величайшее формирующее средство для государственных интересов» [4, с. 461].

Таким образом, демократизация политической жизни подрывает устойчивость публики как промежуточной структуры между избранной аудиторией и массой, приводя к подвижности собирательных групп телезрителей. В условиях демократии, подчеркивал К. Манхейм, нельзя рассчитывать на публичность как «гарантированное единство» [7, с. 321]. По этой причине развитие телевидения соответствует стадиям ее реинтеграции и если одноканальный телеэфир обращен к неуловимой «Мы-йности» участия, то многоканальный заключает более зримые зрительские очертания. Можно утверждать поэтому, что телевизионная публика развивается от промежуточной структуры между массовыми увлечениями и узконаправлен-

ными интересами до полного своего «расшатывания». Она используется как открытое пространство внимания, достигая уровня принужденно организованной публичности, когда телеканал создает передачи для конкретной аудитории.

В перспективе развития социально-исторического космоса К. Манхейм прогнозировал возрастающее обращение политиков к законам массовой психологии в результате такого достаточно открытого механизма регуляции отношения между элитой и массами, как публика. «Эта беда», как именует подобный феномен К. Манхейм, предотвращается решением по насильственному созданию «феномена организованной публики». В будущем возникает, вероятно, стремление заменить «органическую публику и публику атомизированную искусственно организованной публикой в качестве третьей ступени развития» [7, с. 321]. Иными словами, на основе типологии К. Манхейма можно предположить, что «органические» и «атомизированные» структуры заменяются «искусственно организованной публикой» в качестве последующей ступени развития. Таким образом, периоду «флюидности масс» (всеобщей эфирности сообщений) соответствует первичная одноканальность телевидения, спонтанно атомизированному состоянию – конкретная телеканальность, нацеленно сфабрикованному (искусственному) – плюралистический телеэфир, органически естественному – развитие путей зрительской совместности.

В этом контексте актуальными предстают рассуждения Х. Ортеги-и-Гассета о развитии техники, характере взаимосвязей людей в социально-пространственной системе, например, о новых возможностях радио- и телесвязи как «ресурсосберегающих усилиях и свойствах мира» [9, с. 181, 182]. Для Х. Ортеги-и-Гассета проблема вещей и их бытия заключается в «союзе человека с далью» как основа современной техники, универсального приема «action in distans», в результате чего появляется «бесконечная (не имеющая предела во времени и пространстве) периферия», и именно она составляет совокупность потенциальных восприимчивиков [9, с. 213]. Одновременно человек должен быть обеспокоен своей «технической безграничностью» и преодолевать «опустошение человеческой жизни», бессодержательность происходящих событий [9, с. 220]. Можно сказать: рассмотрение техники происходит в направлении средств знаний и деятельности, достижения результатов как умелых действий и контактов, социально-человеческих значений, конструирования их смыслов до уровня гуманитарных технологий.

В современной российской философии мотивы соотношения человека и окружающего мира, в том числе в нарастающей обстановке массовых коммуникаций, рассматривает Г. С. Батищев. Преобладание массово-тиражируемых средств коммуникации, «засилье» репродуктивных функций превращает средства общения в подобие «фабричного производства», одержимого «внешним потоком событий». Отсутствие истинно взаимных диалогических отношений порождает привязанность к псевдозрелищности, когда вместо стремления «вглубь» преобладают внешние пространственно-временные перемещения. В результате, подчеркивает Г. С. Батищев, преобладают общественные связи «социально атомического типа», в которых человеческие интересы превращаются в нечто пестрое, бессвязное [2, с. 115, 116]. Различается «циркуляция» (прием и передача) информации, контакты-соприкосновения как преобладающее качество лингво-психокоммуникации, которая находится в резком контрасте с онто-коммуникацией, предполагающей глубинную культурную межчеловеческую связь [3, с. 121, 122].

Сегодня прежде всего следует изменить роль, в которой зритель предстает перед телевидением. В условиях демократии каждый человек имеет «ход» собственной жизни и необходимо достигать «плюральности действующих лиц» (Ю. Хабермас). Но недостаточно, когда осуществляется «своя» пропаганда. Нужны телепередачи «народного суверенитета», признаком которых является не только репрезентация большинства (поскольку права личности неотделимы от институциональных мнений)¹. Сверхзадача – добиваться развитых суждений во взаимопонимании, совместности публично образованных оценок. Современные разговорные представления преподносятся как вид солидаризации, возможность граждан влиять на власть. Но они должны воздействовать и сами на себя, на смысл межличностной жизни. На этой основе появляется «большая ассоциация», самоопределяющаяся посредством своих прав и демократической власти. В противном случае государство и масс-медиа осуществляют – каждый свою – циркуляцию власт-

---

¹ Это находит отражение в конкретных трактовках демократии. Как отмечает А. И. Соловьев, понимание ее процедурных основ не может игнорировать техническое развитие общества. В частности, нарастание роли электронных систем в структуре массовых коммуникаций неизбежно вызвало к жизни идеи теледемократии («киберократии»), которые связываются с технической оснащенностью власти и гражданских структур. См.: Соловьев А. И. Политология. – М.: Аспект Пресс, 2003, с. 273.

ных и гражданских отношений. Нужны самоорганизованные (самопрограммируемые) творческие проекты, когда развитие общества и интеракции трансформирует, по мнению Н. Лумана, «связывание в свободу». Любой участник выбирает дистанцию, уходит от давления ситуации, от «назойливого» взгляда, но не в ущерб интеракции и двойной контингентности, т. е., в конце концов, добровольности, и осуществляет самоотбор интеракции. Тематическая избирательность производится конкретно, но и добровольно, когда презентруется общественный характер, отчасти в качестве ссылки на окружающий мир, интересы и другие возможности участников, но как возможность самой интеракции (все может быть иным) [6, с. 545].

Пренебрежение личностью во имя общества приводит к потере, но не сохранению самого общества. Спасение общественной системы в том, чтобы исключить исчезновение совокупности разрозненных индивидов, но, как следствие, их превращение во враждующие элементы социальной формы [8, с. 27, 28]. Х. Ортега-и-Гассет иронически замечает: «Только ангелам, вероятно, не нужно друг с другом здороваться – они бестелесны, то есть прозрачны и абсолютно ясны друг другу». Что же остается людям? У них – особый привкус «сопереживания», когда следует употребить «новую эфирную жизнь, лишенную постоянных столкновений с ближним» [9, с. 652]. Сегодня эта реальность получает воплощение, прежде всего, виртуальное, в сетях Internet, в перспективных коммуникативных взаимосвязях, когда пространство публичного взаимодействия проходит новые стадии развертывания в on-line эфире как системе Internet.

На этом пути возникают не только новая типичность, но и рекомбинации публичной сферы, принципиально иное сочетание видимости и слышимости, изменения в метафорических обозначениях (пространства «появления, увиденности, встречаемости») одновременно с утратой прежних настроений, традиционных свобод и впечатлений. Так, коллизии соотношения «публичное – приватное» черпают цели из различных публик (публика публик, приватное приватного, приватное-публичное-приватное и т. д.) в ориентациях на неизвестные ранее ресурсы влияния, раскрытия внешнего изнутри, и наоборот. Новоявленная история создания сайта «Wikileaks» во главе с Д. Ассанжем демонстрирует развертывание перспективы «покорения» масс-медиа, которую аналитические авторы еще должны понять и объяснить.

Появляется развернутый модус-интеракция в притяжениях и отталкиваниях, когда происходит обмен позициями в универсалиях космоса, времени и пространства (вся Вселенная, по мысли Я.-Л. Морено, находится в «телевзаимодействии») на основе когнитивных и коммуникативных способностей.

Речь идет о качественно новой форме социальности, о формах когнитивных и коммуникативных стилей, связанных со своеобразием взаимодействия с миром «других» индивидуально-личностных способов общности, в конечном счете снимающих замкнутость сфер не прямой бытийственности (... «Я-Ты-Мы» (коммунитос, по М. Буберу, в возможной «встречаемости», «увиденности» внутренних горизонтов, избирательной направленности сообщаемости. Соответственно, понятие эфира выступает способом конструирования социально-человеческой, межперсональной интернациональности, опирающейся на глубокую философскую традицию (эфир как «вышесущностное», обтекающий пространство «поток»). Так, современная интеракция – «эфирно» охваченные помыслы, побуждения в качестве особой сферы коммуникации по варианту «всемирной паутины», в которой кристаллизуются ценностные предпосылки человеческого существования. Здесь многое определяет не скоростной Internet, а «сверхпроводимый» – в своем глобализме и всеохватности.

Библиографический список

1. Адорно Т. Может ли публика хотеть? // Сорок мнений о телевидении. – М.: Искусство, 1978.
2. Батищев Г. С. Найти и обрести себя // Вопросы философии. – 1995. – № 3.
3. Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. – 1995. – № 3.
4. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – с. 351.
5. Кант И. Трактаты и статьи (1784–1796): соч. в 4 т. – М.: 1994. – Т. 1.
6. Луман Н. Социальные системы / пер. с нем. – СПб., 2007.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
8. Никитина А. Г. Структура «Я» и «фундаментальная политическая альтернатива» // Вопросы философии. – 1999. – № 12.
9. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000.
10. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000.
11. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986.
12. Халипов В. Ф. Кратология – наука о власти. Концепция. – М.: Экономика. – 2002.

ПОИСКИ ГУМАНИЗМА В ЭПОХУ НТП

В. А. Летова

**Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия**

Summary. Problems of person's cultural evolution in the time of industrialization. Crisis of humanism and the search for cultural identity. Freedom in the conditions uncertainty.

Keywords: pragmatism, humanism, cultural identity, culture of mode of life.

Современность вплотную подошла к некоторой границе, которая заново открыла проблематичность человека, его подлинного и неподлинного существования, духовного предназначения и места в мире. Задачи инновационного развития техники, поставленные во главу угла, по-иному поставили проблему человека и социальной структуры. Происходит возрастающее подчинение ценностей жизни ценностям полезного, усугубившееся с победой индустриального и коммерческого духа.

Ценности механизма, пользы начинают преобладать над духовным развитием человека. Механизм как часть начинает преобладать над целым миром человека. «На самом деле механический универсум – малая часть «у» универсума «у», кореллята совокупного живого мира... который, в свою очередь, есть малая часть универсума «У», кореллята духовной вселенской личности... Это «у» – всего лишь мир человеческого труда» [1].

Человек утрачивает целостность, трудовая активность, ставшая основным в жизни человека, устанавливает правила, техническую регламентацию, которым человек должен соответствовать, при этом становясь типичным усреднённым элементом общества, т. е., по сути, утрачивается его гуманистическое предназначение.

«Индивид распадается на функции. Быть – означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живёт как сознание социального бытия... он мыслит своё бытие только как «мы» [2].

Ценности прагматизма приводят к отождествлению культуры с повседневной жизнью человека. Стремление окружить

себя комфортом, достичь совершенства в быте, удовлетворить гедонистические потребности переводит человека на инстинктивный уровень, превращает его существование в биологическое. Культура повседневности избегает вопросов о смыслах, об индивидуальном бытии человека, делает ненужными экзистенциальные вопросы.

Не находя ответа на смысловые вопросы в повседневной культуре, человек всё глубже погружается в себя, пытаясь в комфорте и уюте найти защиту от тревоги, неуверенности и окружающего его хаоса. Возникает замкнутый круг.

Современная техника предоставляет человеку безграничную свободу передвижения, общения, познания, но в условиях равенства ценностей, их диффузии, исчезает грань между добром и злом, прекрасным и безобразным. Свобода приобретает характер неопределенности (И. Пригожин), случайности, хаотичности. Человек и стремится к свободе, ощутив её безграничность, и в то же время тяготится ею, ощущая её безграничность как бремя. Свобода становится чисто внешней, утрачивая связь с духовными основами бытия, она ведёт человека в никуда.

Наконец, всё больше и больше критерием развития человека становится успех. Если раньше книги о врачах назывались «Дело, которому ты служишь», «Я отвечаю за всё» (Ю. Герман), то сейчас это становится анахронизмом. Главное – успех в работе. Но успех, тесно связанный с пользой, не требует личного развития, не ставит глубинных вопросов, не приводит к мучениям совести. Для него важны коммуникабельность, карьера, всё та же деловитость, личные приоритеты.

С одной стороны, происходит слияние с массой, а с другой – происходит атомизация личности, сосредоточенность на своих собственных удачах и неудачах, жизненных препятствиях и достижениях. Для человека не важны ни общее дело, ни судьбы своей страны, национальная идентификация, традиции и т. д.

«Такой человек не устремляет свою волю на то, чтобы хранить самобытность и прожить жизнь по-своему... Скорее, напротив; он принимает и предметы обихода и формы жизни такими, какими их навязывает ему рациональное планирование и нормированная машинная продукция, и делает это, как правило, с чувством, что это правильно и разумно» [3].

В принципе, остаётся единственная сфера, где человек может сохранить себя, свою самобытность, – это сфера переживаний, его внутреннего мира, но они, видимо, могут не соответствовать его рациональности, мешать достижению успеха и

карьерному росту. Утрачивая ощущение собственной неповторимости, человек перестаёт ценить свой уникальный внутренний мир, позволяя выплеснуть его наружу и сделать, как это ни парадоксально, достоянием общности.

Антропологический кризис требует своего осознания, глубинного осмысления и переживания; ощущение опасности требует безусловной реабилитации духовности человека, абсолютности нравственных требований, ощущения не механичности мира, а воссоздания целостности человека и мира, «отрешённости» от вещей (М. Хайдеггер), нового осмысления гуманизма.

Библиографический список

1. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С. 189.
2. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл назначения истории. – М.: Республика, 1994. – С. 309.
3. Гвардини Р. Конец нового времени // Феномен человека. Антология. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 268.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЭТИКИ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. В. Платонова

**Томский государственный архитектурно-
строительный университет, г. Томск, Россия**

Summary. The question about the mechanisms of preventing the negative consequences of technogenic existence is the most uneasy and, simultaneously, this question is very important for our life. The cumulative potential of modern technology has achieved the apocalyptical capacity, and the fuel and energy crises as well as the ecological crisis are the result of technogenic mentality. In this article we analyze relations between technology and ethics; we try to understand difficulties which appear when we connect to different realms such as technology and ethics.

Keywords: technology, ethics, responsibility.

Специфика философского исследования техники базируется на анализе многогранного отношения «человек и техника», которое в данной работе представлено в этическом измерении. Техника выступает как основа человеческого существования, важное средство в разрешении жизненных проблем, но она же одновременно является силой, угрожающей природной

среде, духовной сущности человека. В своем существенном влиянии на все сферы жизни человека техника породила множество новых ситуаций в макро- и микросферах современной жизни, сместила акценты во многих наших традиционных представлениях о нравственных ценностях.

Поэтому философия техники обратилась к морально-нравственной оценке техники сквозь призму таких понятий, как «благо», «зло», «ответственность». К тому же в современном мире этические проблемы – это проблемы, связанные с техникой и ее развитием. Однако, на первый взгляд взаимосвязь техники и этики не очевидна. Техника – это сфера сущего, фактически обнаруживаемый феномен, для которого характерны целесообразность, прагматичность. Область этики – это нравственно-ценностное восприятие мира, сфера должного, идеалов.

Тем не менее, неверно было бы полагать, что этика, оперируя понятиями и представлениями о мире должного, не дает нам объемного знания о мире сущего. Человек своими действиями и поступками изменяет мир вокруг себя и делает он это, руководствуясь своими представлениями о должном. Этика как философская дисциплина, обращающаяся к изучению явлений морали и нравственности, описывает и объясняет не столько сами явления, сколько то или иное отношение к ним, их оценку. Она позволяет понять динамику взаимодействия человека с миром сущего и, стало быть, изменения этого мира. Вследствие этого человеческая деятельность не ограничивается тем, что происходит в мире сущего. Моральные проблемы, связанные с техникой, становятся темой специального исследования, и техническая деятельность с полным основанием рассматривается как предмет суждений о моральных законностях, которые могут ее ограничивать. «Этической интерпретации технической деятельности, – подчеркивает В. А. Канке, – не видно альтернативы» [1, с. 242]. В то время как сфера нравственности – это сфера идеалов и стабильных принципов, то интенсивное развитие техники, по мнению В. Хесле, приводит к дезорганизации внутреннего мира человека, к разрушению баланса между различными формами человеческой рациональности, например, целевой (технической) и ценностной [2]. Философ отмечает, что «...некоторые формы рациональности, в особенности техническая рациональность, развиваются достаточно быстро; более того, они нарастают по экспоненте, тогда как другие, традиционно называемые мудростью, иными словами, связанные с ус-

мотрением ценностей, ныне не развиваются совершенно и даже претерпевают регресс» [2, с. 53].

Вследствие этого нравственные ориентиры постоянно оказываются устаревшими, натянутыми или даже вовсе искаженными, где на одной чаше весов прогрессивное развитие техники, а на другой – отсутствие такого же прогресса в сфере нравственности. Человек подчиняет и ставит себе на службу силы природы, создает средства материального комфорта, но при этом он оказывается не способен направить свое техническое могущество к благим целям. Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, новые возможности техники порождают усиленную потребность в новой этике. С другой стороны, этика вытесняется в область «маргинального», новые возможности лишают ее права вмешиваться, если это может помешать их бесконечному росту.

Кроме того, прежние морально-этические системы в своей основе ориентированы на статичный и неизменный мир. Быстрое развитие техники вносит определенного рода динамизм в жизненное пространство. У человека попросту нет возможности выработать то или иное нравственное отношение к технике. Согласно А. В. Миронову, «традиционный путь выработки этических норм, характерный для предыдущей истории человечества, занимает слишком много времени. Современная ситуация не позволяет обществу успешно адаптироваться к воздействию научно-технического прогресса традиционными способами вековых проб и ошибок» [3, с. 5].

Поэтому философы Н. Бердяев, М. Хайдеггер, Ж. Эллюль, Ф. Юнгер и другие в свое время почувствовали данное несоответствие: в противостоянии цивилизации и культуры, в отчужденности человека, его бытия в *Мон*. Обозначенная проблема находит свое отражение в дилемме, где, с одной стороны, внешняя созидательная способность человека (техническая деятельность и ее продукты), с другой, сам человек, его личностное бытие, саморазвитие. Согласно Ю. Юнгеру, техника вызывает насилие как модус жизни, распространяясь на все общество, она подчиняет человека себе, своей рациональности и организации [4]. Негативное воздействие техники на сферу нравственного, по мнению Н. Бердяева, выражается в стремлении техники уподобить все себе. Поскольку она является воплощением сил человека, техника антропологически ослабляет его, уменьшает его «органическую изощренность» [5]. По Н. Бердяеву, болезни современной цивилизации порождаются несо-

ответствием между душевной организацией человека, которую он получил от предков, и новой, технической действительностью, которая становится тотальной. По своей сущности техническая цивилизация не желает знать личности, но при этом требует от нее активности. Техногенный мир формирует тип нового человека, который ему соответствует [5]. Следовательно, моральное падение современного человека состоит в том, что техника лишает его «подлинного» бытия, отчуждает его от себя самого.

Если придерживаться позиции, что техника крайне негативно влияет на моральное сознание, то выход видится только в отказе от техники. К примеру, Ж. Эллюль предлагает «этику отказа от власти техники» [6]. Данная этика отрицает технологический императив, согласно которому люди могут, а значит, должны делать все то, что технически им доступно и в принципе выполнимо. «Этика отказа» предполагает исходным принципом идею самоограничения человека, которая ведет к замене технологического императива на другой. Люди должны договариваться между собой, не делать все то, что они вообще в состоянии технически осуществить. Ж. Эллюль призывает не только к самоограничению, но и к отказу от техники, точнее от так называемой «идеологии техники», уничтожающей подлинный смысл человеческого бытия. Г. Маркузе, критически оценивая складывающуюся ситуацию в обществе господствующей технологии, предсказывая негативные перспективы его развития, призывает к бунту, к изменению социальной и экономической структуры общественной жизни [7].

Между тем ни бунт, ни «этика отказа от власти техники» не могут быть решением проблемы, и было бы заблуждением полагать, что существует дорога «назад к природе». Данную точку зрения высказывает Х. Ленк. На вопрос о том, можно ли отказаться от техники, он дает отрицательный ответ. «...Техника, – подчеркивает исследователь, – это часть нашей судьбы, как позитивной, так и негативной» [8, с. 85]. Согласно Х. Ленку, выход видится в соблюдении правила «ничего сверх меры», где современный человек должен научиться мудрому обращению с технической мощью. Сформироваться данная установка, по мысли исследователя, может в том случае, если само общество будет упорно распространять и культивировать в сознании индивида данную идею.

Следовательно, разрешение конфликта между «прогрессом в технике» и «отставанием нравственности» лежит во взаи-

модействии этих двух сфер человеческого бытия. Необходимо признать не только негативное воздействие техники на сферу нравственного, но и выявить положительные моменты этого воздействия. Прежде всего, моральное сознание испытывает влияние техники. Поскольку нравственность есть аспект всякой деятельности, в том числе технической, она вынуждена реагировать на постоянно изменяющиеся условия, интенсифицировать собственную деятельность, включать в контекст моральной рефлексии совершенно новые объекты, тем самым расширять границы своего самосознания. Так, Н. Бердяев, в отличие от Ж. Эллюля, предлагает не «этику отказа от техники», а «этику техники». Задача новой этики в том, чтобы признать не только успехи техники, но и то, что она есть величайшая опасность нового порабощения и унижения человеческого духа. Вследствие этого требуется напряженная нравственная работа в отношении техники, где должно быть преодолено понимание ее как нейтрального в моральном смысле феномена [2].

Тем не менее, попытка осмыслить моральные аспекты техники связана с двумя значительными трудностями. Во-первых, существование многочисленных оценочных суждений о технике. Во-вторых, многообразие этических теорий и концепций, наличествующих в самой этике. Решение данных трудностей может осуществляться как в разработке «этики отказа от власти техники» (Ж. Эллюль) или, наоборот, в использовании всего концептуального багажа этики. К примеру, Э. Агацци предлагает в моральных суждениях о технике использовать различные этические теории как взаимодополнительные, где моральным критерием является оптимизация ценностей [9]. Однако здесь возникает проблема как без противоречий их объединить в единый контекст.

Преимущественно решение моральных проблем, связанных с техникой, для многих философов виделось в разработке такой этической теории, которая соответствует новым масштабам человеческой деятельности, учитывает возможности изменяющихся воздействий. Сторонники данного подхода (Х. Ленк, Г. Йонас, А. Хунинг, Г. Рополь) считают, что прежние этические концепции не способны решить проблемы, связанные с техникой и ее развитием. Традиции, в которых ранее во многом виделось основание исходных моральных принципов, зачастую оказались разрушенными, поскольку они потеряли свое значение в связи с глобальными процессами, развивающимися в обществе, и быстрым темпом изменения производства, переори-

ентацией его на массовое потребление. Данная проблема была обозначена Х. Ленком в вопросе о релевантности прежней индивидуалистической этики в оценках последствий технической деятельности [10].

Между тем техника до XX века не играла столь существенной роли в жизни человека, и морально-нравственные теории прошлого описывают поле фактов, исключаящее воздействие, оказываемое техникой на общество. Этики прошлого, по большому счету, были ориентированы на ситуации «здесь» и «теперь». Согласно Г. Йонасу, ни одна из унаследованных от прошлого систем этики не наставляет нас относительно норм «добра» и «зла», с которыми приходится связывать совершенно новые модальности человеческого могущества [11]. В то время как развитие современной техники разрушило рамки непосредственного окружения, возникла необходимость в разработке новой этики, поскольку технические мероприятия и их побочные эффекты затрагивают огромное количество людей. Сторонники данной идеи (Г. Йонас, Г. Пихт, Х. Ленк, Х. Закссе) выделили следующие фундаментальные изменения в бытии человека под воздействием техники.

Во-первых, глобальный масштаб человеческого существования, где последствия технической деятельности приобретают отдаленный и непредвиденный характер, как в пространстве, так и во времени. Изменилось само качество деятельности: масштабность действий и небывалость последствий. Злоупотребления техникой, ее использование для эксплуатации и подавления, по мнению Х. Закссе, актуализируют не специальные технические проблемы, а общечеловеческие, поскольку речь идет «не о проблеме способа технического действия, а о цели технического действия» [12, с. 420]. Во-вторых, хищническое отношение к природе, уничтожение естественной среды обитания. Техническое воздействие и вмешательство в процессы природы открыли современному человеку ее конечность и невосполнимость. Антропоцентрическая направленность прежних этик исключала природу из контекста морально-нравственной рефлексии. Если человечество лишится богатства и разнообразия органической жизни – это будет безликий, немой, лишенный цели, онтологически обедневший мир. Следовательно, уничтожение природы актуализирует перед человечеством вопрос о его дальнейшем выживании. В-третьих, развитие биотехнологий, которые поставили под сомнение фундаментальное представление человека о неизменности собствен-

ной физической природы. Вследствие этого изменившаяся природа человеческой деятельности требует изменений в этике, которая не может оставаться статистической, отказываться от ориентации на последствия. «В эпоху глобального переплетения различных форм и путей воздействий на большие расстояния этики любви к ближнему уже недостаточно. Если даже не основные импульсы, – подчеркивает Х. Ленк, – то все же условия применения этики изменились столь ощутимо, что возникают совершенно новые этические проблемы делаемости» [10, с. 386].

Поэтому философы сходятся во мнении, что новая этика должна учитывать отдаленные последствия коллективной технической деятельности, быть ориентированной на сохранение человечества, его будущего, и в основание новой этической концепции должна быть положена ответственность. «...Мы фактически стали «со-участниками» эволюции, – пишет А. Хунинг, – и что нам собственно еще предстоит стать ее «помощниками». С этим осознанием мы могли бы больше не перекладывать ответственность за будущий мир на трансцендентного Бога или на внутреннюю эволюционную закономерность природы. Как соучастники мы несем ответственность, и наша ответственность неизмеримо возросла» [13, с. 406].

Таким образом, задача, которую ставили исследователи, состояла в том, чтобы показать, как в техногенном мире меняются существо и масштаб нравственных требований к человеку, как трансформируется критерий моральности оценки общества и индивида. Поэтому существенным оказался вопрос о том, какая моральная способность человека отвечает специфическим потребностям техногенной цивилизации? Данной способностью выступила ответственность. Однако ответственность сама по себе является полемически неоднозначной, соединяющей в себе многие вопросы философии: от субъекта ответственности, его целей до вопросов о степени его влияния на мир, оценки результатов и последствий его деятельности.

Библиографический список

1. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
2. Хесле В. Философия и экология. – М.: Наука, 1993 – 205 с.
3. Миронов А. В. Техноэтика: ответ на актуальные проблемы перехода к устойчивому развитию // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2004. – № 3. – С. 3–14.
4. Юнгер Ф. Совершенство техники. – Спб.: Владимир Даль, 2002. – 559 с.
5. Бердяев Н. А. Человек и машина / предисловие к публикации Е. В. Барабанова // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 143–162.
6. Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек: антология. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 265–295.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
8. Ленк Х. Размышления о современной технике. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 183 с.
9. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 324 с.
10. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику с помощью техники // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 372–392
11. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / перевод с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
12. Закссе Х. Что такое альтернативная техника? // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 420–423.
13. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 404–419.

III. ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ПРИЧИНЫ КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

А. В. Завьялов

**Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия**

Summary. In the article are examined principal reasons of cultural evolution of man, theories and researches of the world scientists. All of them consist in biological, natural, public and social development of man. The great number of these factors proves to us, that a man is a social creature, and individuals cross-depend from each other and from natural factors.

Keywords: reason, man, factor, culture, nature, science, sociology.

Сегодня человек представляет собой совокупность культурно-биологических процессов. На него оказывает влияние как окружающая природно-климатическая среда, так и различные, в том числе и культурные, изменения в окружающей среде, что отражается на его поведении и мировоззрении. Говоря научным языком, культурная эволюция – это непрерывный процесс развития культуры от простых форм к более сложным. Тут можно рассматривать как общую эволюцию культуры человечества, так и развитие культуры народов, обществ в отдельности.

Ученые давно пытались объяснить культурную эволюцию в рамках теории эволюции европейского общества. Английский философ XVII века Томас Гоббс рассматривал первобытного человека как «без искусства, письма и общества», а его жизнь как «одинокую, нищую, ужасную, дикую и короткую». Из этого он вывел так называемую теорию «дикости»: все хорошее и цивилизованное – результат постепенного развития человечества от этого дикого, «низкого» состояния.

Вольтер, как и многие рационалистически мыслящие философы, полагал, что просвещение явилось результатом постепенного движения человечества к прогрессу. Вместе с идеей прогресса возникло представление о фиксированных этапах, которые проходит культура человеческого общества в своем развитии; обычно называли три этапа: дикое состояние, варварство и цивилизация, но иногда и гораздо больше. Кондорсе, например, насчитал аж десять таких этапов, или «эпох». Последний начинался, по его мнению, с Французской революции

1789 года, которой, как он полагал, было суждено стать провозвестницей прав человека и совершенства человечества.

Сейчас существует несколько теорий культурной эволюции.

Антропологи Э. Б. Тайлор (1832–1917) в Англии и Льюис Г. Морган (1818–1881) в США, например, полагали, что человек в своем развитии проходил семь эволюционных стадий – от «низшей стадии дикости» до цивилизации. Этот вывод Морган сделал после исследования жизни индейцев племени ирокезов, что подтолкнуло его к исследованию отдельных культур во всем мире с точки зрения их родственных связей. В процессе изучения этих культур он пришел к выводу, что обнаруженные им в современном обществе традиции и обычаи принадлежат прежним векам и сохраняются в некоторой остаточной форме.

Так, Морган в своей книге пишет: «Поскольку человечество имеет единое происхождение, его развитие также шло по единому пути, двигаясь по различным, однако однородным каналам на всех континентах и, вполне вероятно, во всех племенах и нациях вплоть до одной и той же точки развития. Из этого следует, что история и опыт племен американских индейцев представляет, в более или менее точном приближении, историю и опыт наших собственных далеких предков, живших в тех же условиях, что и индейцы». В настоящее время подобный исторический подход оспаривается большинством антропологов.

Затем культурная эволюция рассматривалась как результат биологической эволюции, чему способствовала появившаяся теория Чарльза Дарвина. Английский философ Герберт Спенсер на ее основе разработал общую схему культурной эволюции. Он утверждал, что люди развились из менее сложных животных видов, вырабатывали различные социальные функции, и так появились священники, короли, крестьяне, ученые, рабочие и т. д.; произошло также разделение знаний на различные научные дисциплины. Таким образом, ученый полагал, что вместе с прочими изменениями происходила эволюция человеческого общества в направлении к современной цивилизации посредством все более углубляющегося разделения труда.

В начале XX века в США, а затем и в Европе теории стадий эволюции подверглись резкой критике. Предлагалось все культуры рассматривать как уникальные образования. В США это направление возглавил антрополог Франц Боас (1858–1942), который совместно с Рут Бенедикт и Маргарет Мид занимался полевыми исследованиями, изучая жизнь племен. Исследователи собрали множество фактов и артефактов в качестве эмпириче-

ских подтверждений культурных процессов, протекающих в отдельных обществах. Теория «культурной истории», разработанная ими, доминировала в американской антропологии в первой половине XX века. Она оказала столь сильное влияние на антропологическую науку во всех странах, что «построение систем» стало гораздо менее популярными, чем было в прошлом.

Однако во второй половине XX века американские антропологи Лесли Уайт, Джулиан Стюард, Маршалл Салинс и Элман Сервис попытались возродить эволюционную теорию. Они отвергли универсальные стадии развития и стали рассматривать культурную эволюцию как разнонаправленный (многолинейный) процесс, состоящий из ряда прямых путей различного типа и протяженности.

В современной антропологии считается, что развитие цивилизации идет через подражание. В традиционных обществах молодые подражают старикам, перенимая их культуру, но такое общество консервативно и малоспособно к развитию. В прогрессивных обществах подражают талантливым, и такое общество способно к более быстрому развитию.

Для нормального развития необходимы кризисы, которые требуют напряжения сил общества для соответствующего ответа на вызов ситуации. Человек достигает цивилизованного состояния не вследствие биологических дарований (наследственности) или легких условий географического окружения, а в процессе удачного реагирования на вызов ситуации особой трудности, воодушевляющей на беспрецедентное усилие. Прогресс общества определяется ответом на вызов объективных условий существования.

По мнению современных ученых, формирование человеческого мозга произошло в результате ускорения процессов нейроанатомической и поведенческой эволюции, не имеющего прецедентов во всей истории жизни. Причиной такого ускорения является коэволюция – взаимодействие, в котором культура порождена и оформлена биологическими императивами, а биологические черты изменяются генетическим путем под влиянием культуры. Центральный тезис теории таков: каждая форма социального поведения обязательно имеет генетическую основу, которая заставляет индивидов действовать так, чтобы обеспечить успех для себя и сородичей.

В последнее десятилетие получены данные о наличии общих элементов в поведении человека и других живых существ:

наличие открытых программ поведения, когда наследуется не конкретная реакция, а лишь общая канва поведения.

Таким образом, причины культурного развития человека заключаются как в биологическом, природном, так и в общественном, социальном, его развитии.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ Г. ГЕССЕ И Н. А. БЕРДЯЕВА

Л. П. Батялова

**Нижегородский филиал Государственного
университета – Высшей школы экономики,
г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. In this article the author has made an attempt to analyze a human nature problem in philosophy of G.Gesse and N.A.Berdjaev. These philosophers are distinguished by similarity of sights at the human essence. At the same time, a problem of dual human nature is solved differently in the creativity of these thinkers.

Keywords: dual human nature, anthropology, inner world, asceticism, creativity.

Думается, никто не осмелится отрицать тот факт, что внутренний мир человека столь же прост и открыт, сколько разнообразен и противоречив. Когда писатели, мыслители, художники пытаются проникнуть в глубь природы человека, они обнаруживают в этом целостном микрокосме раздробленность, рожденную в нем двумя противоположными началами. И каждый творец выражает эту раздробленность настолько полно и глубоко, насколько это позволяет ему специфика и сила его дарования. Но особое внимание хотелось бы обратить на двух великих мыслителей XX века – Г. Гессе и Н. А. Бердяева, поскольку в их творчестве проблема двойственной природы человека становится оформленной и подвергается глубокому анализу.

В произведениях немецкого писателя мы найдем, пожалуй, одно из самых ярких литературных выражений этой проблемы. Н. А. Бердяев же сам не раз замечал, что вся его философия глубоко антропологична. Не смотря на принципиальные отличия двух мыслителей по многим вопросам философии, их взгляды на сущность человека удивительно похожи.

Складывается впечатление, что раскрытие тайны человека и его непостижимой, уникальной сущности являлось главным

мотивом всего творчества Г. Гессе. Образ раздвоенного человека он воплотил в блестящей художественной форме в таких произведениях, как «Степной волк», «Нарцисс и Гольдмунд», «Игра в бисер» и др. В каждом из них проблема загадочной природы человека звучит по-разному. Образ главного героя романа «Степной волк» Гарри Галлера представляется Г. Гессе в виде личности, в которой животное, инстинктивное начало воплотилось в облики волка. Человек и волк ведут борьбу внутри Гарри, стараясь одержать победу и окончательно избавиться от своего противника. Эта борьба приводит героя романа в состояние страдания и непонимания своей личности, внутренняя раздвоенность не дает ему покоя. Г. Гессе показывает насколько неестественно состояние Гарри Галлера в положении, когда та или иная сторона пытается поработить и уничтожить противоположную. В романе писатель сумел великолепно отразить состояние глубокого кризиса личности из-за невозможности преодоления внутренней раздвоенности. Выход из кризиса Г. Гессе видит только в принятии своего иррационального, стихийного, животного начала. Как только Гарри Галлер признает право на существование «волка» внутри себя, последний исчезает и герой обретает, наконец, гармонию с самим собой.

Еще одной прекрасной формой воплощения проблемы двойственной природы человека является роман «Нарцисс и Гольдмунд». Несмотря на существование двух отдельных человеческих жизней, на первый взгляд, столь различных между собой, Нарцисс и Гольдмунд являются олицетворением единой, целостной человеческой природы, вынужденно раздробленной и антиномичной. Смиранный ученый, мыслитель и аскет Нарцисс понимает, что Гольдмунд это воплощение творческой, живой силы, и видит в нем другую, утерянную половину себя самого. И опять Г. Гессе не отдает предпочтение тому или иному началу. Он пишет: «Мы вовсе и не должны сближаться друг с другом, как не должны сближаться солнце и луна, море и суша. Мы с тобой, мой друг, как солнце и луна, как море и суша. Цель наша – не переходить друг в друга, но познавать друг друга, учиться видеть и почитать друг в друге то, что каждый из нас собою представляет, а именно: противоположность и дополнение другого» [1]. Думается, что гармоничный Нарцисс и чувственно одаренный Гольдмунд являются прекрасным олицетворением двух противоположных сторон в человеке: аскетизма и творчества соответственно.

Стоит отметить, что в творчестве Гессе проблема внутренней противоречивости человека представлялась в различных аспектах. Например, в романе «Игра в бисер» главный герой Иозеф Кнехт также переживает внутри себя мучительное противоборство между аскетикой и творческим бытием. Полярность личности Магистра, в частности, проявляется в мотивах его решения покинуть Касталию. Мироощущение Кнехта, которому были знакомы бренность всего возникающего и проблематичность всего сотворенного человеческим духом, годами стяжаемые им порывы, фантазии, влечения, противоречащие касталийским законам, стали слишком непосильным грузом для него. За пределами Провинции существовали мир и жизнь, которые противоречили Касталии и её законам, не укладывались в здешние понятия и нравы и не могли быть ими обузданы и утончены. «И, конечно, – пишет Г. Гессе, – он знал, что этот мир есть и в его собственном сердце» [2]. Поэтому, думается, что в уходе Кнехта из Ордена читается желание «вдохнуть несовершенное творчество жизни». «Я жажду действительности», – говорит он. Деятельная, активная, творческая сторона личности Иозефа Кнехта раскрылась в довольно зрелом возрасте, но существовала она внутри него всегда.

Таким образом, проблема двойственной природы человека рассматривается Г. Гессе в различных ракурсах. И в каждом романе писателя решение ее моделируется, корректируется, изменяется, что лишь подчеркивает многогранность самой проблемы.

Обращаясь к творчеству русского религиозного философа Н. А. Бердяева, прежде всего, необходимо отметить его удивительную увлеченность в стремлении познать истинную сущность и предназначение человека в этом мире. Для Н. А. Бердяева человек представляет собой пересечение двух миров: с одной стороны, он принадлежит миру вечности, с другой – миру природы, миру пассивного, конечного, умирающего. Как религиозный мыслитель Н. А. Бердяев видел в человеке «образ и подобие Божье», сопричастность «Царству Духа». Но с другой стороны, он называет человека всего лишь «каплей в море природной необходимости», принадлежащей к «Царству Кесаря». «Странное существо – двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий...» [3] Виной человеческой антиномичности стало, по мнению Н. А. Бердяева, грехопадение, в результате которого человек превратился в существо, зависящее от природы и «мира сего».

Одним из ракурсов рассмотрения проблемы двойственной природы человека в философии Н. А. Бердяева является анализ таких противоположных начал в человеке, как мужское и женское. Мыслитель развивает идущую от платонизма и немецкого мистицизма идею человека-андрогина. Полярность мужского и женского в человеке отождествляется Н. А. Бердяевым с антиномичностью природного и духовного. Причем в существующем миропорядке, утверждает философ, мужское есть «по преимуществу антропологическое, человеческое начало», а женское – «начало природное, космическое».

Также двойственность человеческой сущности проявляется и в наличии в человеке дионисийского и апполонического начал, аскетизма и творчества, гениальности и святости, что перекликается с вопросами, поднятыми Г. Гессе. Н. А. Бердяев, анализируя аскетический опыт, предполагает, что в современную ему эпоху аскетика, некогда бывшая героическим шагом в борьбе с миром объективации, представляет собой лишь форму приспособления к этому миру. Поэтому только в акте творчества человек может побороть свое стихийное начало и возвыситься до Бога. В творчестве всегда присутствует элемент извне, нечто привнесенное из другого мира, некий свет, свет подлинного бытия.

Следует отметить, что если Г. Гессе призывает человека гармонизировать в себе противоположные начала, то Н. А. Бердяев настаивает на преодолении внутренней раздвоенности личности. Не отрицая того, что судьба человека тесно связана с судьбой природы, тем самым подтверждая неотъемлемость их друг от друга, он утверждает, что «природа должна быть очеловечена, освобождена, оживлена и одухотворена человеком» [3]. Более того, именно в этом Н. А. Бердяев видит смысл человеческого существования. Задача человека – освободиться от своего темного, стихийного, конечного начала и занять место свободного творца, уготованное ему Богом.

Таким образом, проблема человека и его сущности, которая рассматривалась в творчестве Г. Гессе и Н. А. Бердяева, решается этими мыслителями совершенно по-разному, что свидетельствует о том, насколько глубока, неоднозначна и внутренне противоречива данная проблема.

В заключении хотелось бы отметить, что антропологическая проблематика всегда будет оставаться актуальной в творчестве художников, философов, поэтов и писателей, поскольку

человек – это величайшая из загадок Вселенной и источник вдохновения для многих великих умов.

Библиографический список

1. Гессе Г. Нарцисс и Гольдмунд. – СПб.: Азбука, 2006. – С. 52.
2. Гессе Г. Игра в бисер. – М.: АСТ, 2004. – С. 255.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М: АСТ, 2006. – С. 68.

РИСК КАК ИММАНЕНТНАЯ ЧЕРТА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Григорьев

**Волгоградский государственный технический
университет, г. Волгоград, Россия**

Summary. The aim of this study is theoretical analysis of risk of self-realization in modern world. The special attention is paid to detection of risks for person and for society.

Keywords: risk, self-determination of person, self-development, person, values.

Самореализация есть сознательный целенаправленный процесс раскрытия и опредмечивания сущностных сил личности в ее многообразной социальной деятельности, деятельностьное выполнение, осуществление своего назначения [1, с. 147]. В этом процессе реализуются и риски, присущие жизненным установкам личности. Риск проявляется при выборе той или иной стратегии социального поведения. При этом система ценностей представляет собой некий критерий допустимости или невозможности выбора определенной стратегии или типа поведения.

Факторы риска самореализации обусловлены как внешними обстоятельствами, так и внутренними, субъективными личностными моментами. Причем объектом риска может быть как личность, так и социальная среда. Рискообразующим фактором является возможность противоречия между нормами и ценностями личности и общества, а также между целями личности и возможностями их легитимного достижения.

Самореализация вне общества невозможна. Но в социуме идеального принятия личности не существует. Любые отношения между людьми несут в себе элемент риска давления на лич-

ность. Всегда при общении с другими существует проблема навязывания в определенной мере своего виденья бытия. Задача состоит в том, чтобы подобное навязывание свести к минимуму.

По мнению М. Бубера, единственным средством самореализации является диалог. Риск потери самореализации с этой позиции состоит в том, что истинное «Я» человека может не проявиться в диалоге. Для уменьшения риска необходим феноменологический метод познания человеком самого себя и других. Только в диалоге двух «Я» по принципу концептуально-гипотетического взаимодействия возможно развитие, обогащение личности.

Риски реализации или наоборот подавления реализации личностной позиции состоят в вероятности утраты чего-либо, например социальных связей, понимания и т. п. Чтобы не лишиться любви тех, кто нам дорог, мы вынуждены подавлять тот опыт, внешние проявления которого не соответствует ожиданиям окружающих. Это приводит к замедлению личностного роста, к потере смысла жизни.

Социальные отношения предполагают широкий спектр санкций для тех, кто отказывается признать как свои те или иные мысли, чувства, ценности других людей, навязывающих их. Как правило, навязываются прямо противоположные представления. Это приводит к тому, что жизненный опыт личности развивается несвободно, личность оказывается расколотой. «Расколотая» личность не в силах истинно понимать окружающих, т. е. так понимать окружающих, чтобы при этом выявить и уточнить подлинный смысл того, что окружающие хотят сообщить.

Риск представляется как сущностная характеристика таких видов социального поведения, как девиация, подвиг и прекращение саморазвития. Процесс опредмечивания индивидом своих сущностных сил происходит в творчестве, через создание произведений материальной и духовной культуры и определяется как магистральное направление самореализации личности [2, с. 415]. Виды рисков самореализации можно разделить по видам творчества: риски научного, художественного, технического творчества.

В процессе творчества рискообразующим фактором могут быть ценностные установки творца, ученого, изобретателя. По мнению некоторых исследователей, рискообразующим фактором выступают ценности, генерируемые техническими науками.

В ряде случаев риск при самореализации связан с содержанием не только недозволенного обществом поведения, но и поступка высоконравственного. И проявляется это наиболее отчетливо в такой форме человеческого поведения, как героизм, и в частности подвиг. Выбор такого поступка требует от человека предельного напряжения сил и воли, связан с преодолением препятствий или трудностей. Эти действия могут быть отнесены к явлениям сверхморального.

Самореализация людей с негативными ценностями становится фактором риска для всего общества. П. А. Сорокин указывает на то, что стремление людей перевести свои утилитарные и гедонистические установки в действие популяризуется средствами массовой информации и углубляется национальными особенностями некоторых народов. Это становится фактором риска потери саморазвития в смысле достижения превосходства, а также причиной роста криминальных форм поведения.

Таким образом, риск является имманентной чертой самореализации личности в современном обществе.

Библиографический список

1. Коган Л. М. Цель и смысл жизни человека. – М.: Мысль, 1984. – 252 с.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.

РОЛЬ ИСКУССТВА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

А. А. Тарасова

**Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия**

Summary. The researches of the role of art in the development of personality are topical now. First of all, topical of researches connected with the complicated adaptation and the development of person in today's rapidly changing world. Nowadays dynamic and controversial socio-cultural processes have psychological, social, economic and cultural influence on personality. Art raises the level of awareness of person, helps to overcome the universal means of communication and helps spiritual, creative, moral development of personality.

Keywords: art, personality, development, consciousness, society, change, socio-cultural reality.

Динамичны и неоднозначны социокультурные процессы современности. Специфика социокультурного пространства заключается в том, что изменения происходят в короткие временные сроки, на глазах у одного поколения, оказывая сильное психологическое, социальное, экономическое, культурное воздействие на личность.

Реалии современного общества ставят перед человеком новые требования, в первую очередь – способность и готовность к перемене деятельности, стиля жизни, переобучению, мобильности. Культура сегодняшнего дня предполагает новый уровень восприятия жизни, мира, информации и самой культуры. Изменения социокультурного пространства отразились и на искусстве, которое во все времена оставалось индивидуальным и всеобщим одновременно. В настоящее время актуально исследование ценностной роли искусства в развитии личности. Это связано, прежде всего, со сложностью адаптации и развития человека в современном быстро изменяющемся мире.

Искусство – форма общественного сознания, составная часть духовной культуры человечества, особый способ познания и отражения действительности. Искусство нацелено на раскрытие творческих возможностей человека, предлагает новый опыт осмысления мира, стремится спровоцировать, разбудить обыденное сознание. Благодаря искусству человек расширяет собственный опыт и приобщается к опыту всего человечества. В рамках социального опыта искусство позволяет человеку найти себя как исключительную индивидуальность, пройдя через самоиспытания, духовно-нравственную самопроверку.

В современных реалиях межличностное общение характеризуется высоким уровнем поверхностных и случайных форм, развившихся под влиянием безликих способов коммуникаций и ускорения темпа жизни. Исходя из этого искусство значительно повышает уровень самосознания человека, очерчивает его видение мира и моральный выбор, что способствует преодолению универсальных способов коммуникации и духовному, творческому, нравственному развитию личности.

Искусство всеобъемлюще воздействует на все составляющие духовной организации человека, формируя не только ум и сердце, но целостную личность.

Приемы глобального взаимодействия впервые опробываются в искусстве, затем активно внедряются в социальную практику общества. Отношения коммуникации становятся

формами искусства, которые моделируют и инициируют новые отношения в социуме, новую социальность. Поэтому происходит возрастание значения искусства для человека в осмыслении сущности и последствий социальных изменений.

Искусство не только мощный фактор развития человеческой личности, но и средство зарождения в своих формах и образах новой, обращенной в будущее культуры.

РОЛЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Т. Д. Молодцова
Таганрогский государственный
педагогический институт,
г. Таганрог, Россия

Summary. The article deals with pedagogical socialization and its fundamental forms. Some recommendations are given for organizing pedagogical socialization among the children who have difficulties with adaptation.

Keywords: pedagogical socialization, adaptation, correction, purpose directions.

Всю жизнь личность социализируется, т. е. под влиянием общества усваивает те или иные нормы и правила и реализует их в своей деятельности. Проблеме социализации посвящено множество исследований. За рубежом это работы Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Д. Г. Мид, А. Инкельса и др., в нашей стране – В. А. Сластенина, А. В. Мудрика, И. С. Кона, А. В. Петровского, Г. М. Андреевой и др. Социализация личности есть объективное явление, которое наблюдается в жизни каждого человека. Как и любое общественное явление, она многоаспектна и потому изучается во многих науках: социологии, культурологии, истории, этнографии, психологии, педагогике и др. Существует множество различных определений социализации. Не останавливаясь на их анализе, обратимся к одному из них: «Социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 338]. Данное опреде-

ление фактически отвечает на вопрос о том, в каких случаях личность социализируется наиболее оптимально, а именно, когда не только пассивно усваивает знания, умения, информацию, но и активно воспроизводит их в деятельности, имеющей положительные целевые установки. Данное правило имеет определяющий смысл особенно для детей, в том числе дезадаптированных. Речь в этом случае идёт о педагогической социализации. Если рассматривать её факторы, в них тесно переплетаются явления стихийные и целенаправленные. К стихийным можно отнести условия обитания (экологию, экономику, национальные отношения, средства коммуникации), к целенаправленным – специально организованное обучение и воспитание в семье, школе, институте, техникуме. Все эти условия, образуя систему, детерминируют развитие личности, способствуют ее самодетерминации как на сознательном, так и на неосознанном уровне, который нередко формируется под влиянием стихийных факторов и содержит инстинкты, неосознанные мотивы, влечения, установки, идеалы, самооценку. Личность, активно взаимодействуя со средой, избирательно усваивает то, что ее окружает. Причины этой избирательности в тех предпосылках, которые у личности есть (это ее природные данные, чувства и установки, воспитанные в детстве, психологическая предрасположенность к чему-либо или кому-либо, определенные потребности). Поэтому нередко наблюдается явление разности социализации, обусловленное всеми этими предпосылками, даже у монозиготных близнецов. Вместе с тем не исключено, что какие-то факторы традиционно имеют типично большее или меньшее влияние на целые группы людей. В их влиянии есть свои закономерности, которые активно изучают социологи, психологи, социальные педагоги. Их умелое использование – показатель мастерства педагогов, родителей, всех, кто занимается воспитанием. Особое внимание к стихийным факторам при педагогической социализации не означает, что надо полагаться только на них. Нет сомнения, что не теряет свою ценность хорошо организованное воспитательно-образовательное взаимодействие педагога с воспитуемым. В педагогике как науке об образовании учитываются и используются все аспекты социализации для познания и оптимальной организации передачи социального опыта и духовных ценностей от поколения к поколению. Однако, говоря о влиянии стихийных и организованных средств, мы в большей степени имеем в виду то, что именно личность усваивает, оставляя в сторо-

не факт воспроизведения. А воспроизводя, личность не всегда при этом гармонично вписывается, «притирается», приспосабливается к данной среде. Иногда, чтобы это произошло, она старается самооткорректироваться, в других случаях как-то откорректировать то, что ее окружает (в противном случае ее будут сопровождать конфликты, дискомфорт, стрессы, фрустрация). Этот процесс и есть, на наш взгляд, адаптация, которая предполагает активность приспособления, вплоть до корректировки и преодоления чего-либо (не важно, лежит ли это в сфере сознания или существует в обществе). В процессе педагогической социализации принимает участие все окружение ребенка: семья, соседи, сверстники в детском заведении, школе, средства массовой информации и т. д. Целью такого приспособления должна стать гармонизация отношений личности и среды, личности самой с собой, со своим внутренним миром. Бесспорно, социализация – это то базовое понятие, без которого невозможно говорить о развитии любой личности, в том числе и дезадаптированной.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1980.
2. Кон И. С. Социология личности. – М., 1967.
3. Обухова Л. Ф. Детская психология. – М., 1995.
4. Петровский В. А. Личность в психологии. – Ростов-н/Д, 1996.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

М. А. Логинова
Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск, Россия

Summary. The Purpose of given article is the understanding of a role of the person in network interaction. The main attention is given to communication definition between social interaction and network. The role of the person in network interaction is characterized.

Keywords: network interaction, social network, person, social relations.

Человеческий мозг устроен таким образом, что «нечто», названное определенным именем, приобретает свой особенный смысл. Что возникает в сознании человека, когда речь заходит о

сетевом взаимодействии? Можно предположить несколько вариантов: первый – это взаимодействие в сети Интернет; второй – это взаимодействие в контексте сетевой структуры; третий вариант может вообще не вызывать никаких ассоциаций и т. д. Возросший интерес к сетевой проблематике в современном мире обусловлен не только укоренением новых форм взаимодействия между людьми посредством сети Интернет, но и осознанием процессов, которые они порождают. Всё чаще сочетание «сетевое взаимодействие» экстраполируется на область социальных взаимоотношений.

Итак, чаще всего сетевое взаимодействие трактуется как коммуникация посредством сети. Данное определение характерно для социологической точки зрения, так как использует понятие коммуникации. Для того чтобы объяснить сетевое взаимодействие с социально-философской позиции, необходимо проанализировать не его форму (сетевую структуру), а характер этой связи. Для начала обозначим, что под сетевым взаимодействием мы понимаем взаимодействие между людьми, то есть это социальное взаимодействие. Любые человеческие общности подразумевают наличие в них определенных отношений. С точки зрения технологической сеть подразумевает под собой элементарность акторов, их повторяемость. При этом человек является сложной системой, которая никак не вписывается в понятие актора. Мы полностью поддерживаем точку зрения А. А. Багаутдинова, что «во всех случаях человек будет человеком, только его личностные черты, мировоззренческие особенности, социокультуротворческие способности будут отличаться. Человек при подобном подходе выступает как существо онтологически открытое, могущее замыкаться в своей самости или восходить ко всё более совершенным формам, типам эволюции личности: всё зависит от личного произволения человека» [1, с. 29]. Именно поэтому с точки зрения социальной философии сетевое взаимодействие это не только обмен посредством сети, которая опосредует взаимодействие наличием сетевых способов связи, но и отношения между субъектами взаимодействия.

Особое значение для роли человека в сетевом взаимодействии приобретает категория взаимодействия в аспекте общественных отношений. Взаимные отношения появляются в ходе деятельности в той или иной сфере социальной жизни. Получается, что сетевая структура, построенная на объединяющей деятельности, является социальной априори. Взаимодействие –

это категория, включающая деятельность, которая актуализирует общественные отношения. Поэтому в ходе анализа сетевого взаимодействия необходимо определить вид сетевой структуры, чтобы понимать масштабы взаимодействия между её компонентами. Как замечает А. Е. Шадрин, «Важны три основных элемента, которые должны присутствовать в сетевом социальном движении: общее коммуникативное пространство, объединяющая идея или смысловой концепт, равенство и связанность участников» [2, с. 127]. Такой подход более характерен для социологов, так как они работают с конкретными социальными группами, где возможно просчитать количественные показатели сети. Для социальной философии эти уточнения имеют смысл только в более глобальных масштабах. Для анализа сетевого взаимодействия в обществе необходимо учитывать социокультурную ситуацию и исторический период, социальный характер оснований для взаимодействия, а так же связь участников взаимодействия общечеловеческими нормами. Сетевое взаимодействие подразумевает ответную реакцию, так как это связь между активностями, поэтому оно будет обладать эмоциональностью и субъективностью, так как принадлежит личности, которая наделяет его своим смыслом. В этом отличие между обменом информацией и ощущением принадлежности, эмоциональной привязанностью. Отношения будут оставаться отношениями при наличии эмоционального комфорта. Сетевая структура накладывается на социальную. Институт семьи воспитывает личность, что потенциально подталкивает к созданию сетевой модели, где акторами во взаимодействии будут выступать личности. Если наложить сетевую организацию на социальную модель, где отсутствует институт семьи, то мы получим более ровную сеть, где акторы более похожи по функциям.

Таким образом, можно увидеть, что роль личности в сетевом сообществе меняется. Человеческий фактор определяет сетевое взаимодействие через социальное. Личностный компонент – свобода выбора, возможность принимать решения, принимать на себя позицию творца – это те компоненты, которые отличают социальную сетевую структуру от любых других.

Библиографический список

1. Багаутдинов А. А. Некоторые аспекты реализации личностного бытия человека // Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергитийная антропология: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 ноября. – Казань, 2009.
2. Шадрин А. Е. Сетевая модель организации. – М.: Инфра-М, 1997.

С 2002 года Международный центр финансово-экономического развития при информационной поддержке Министерства образования РФ выпускает журналы для профессионалов в сфере образования. В 2006 году настоящие и будущие «образовательные» проекты объединились в МЦФЭР «Ресурсы образования».

Основной задачей Центра является методическая, информационная, правовая и консультационная поддержка работников российского образования. Издания помогают руководителям образовательных учреждений эффективно решать управленческие, организационные, административно-хозяйственные задачи, педагогам и воспитателям – планировать и организовывать работу с учащимися класса. В авторский коллектив журналов входят признанные эксперты, ведущие специалисты Минобрнауки РФ, Рособразования, Рособнадзора, научные сотрудники отделов научно-исследовательских институтов, юристы, психологи, представители социальной службы.

Международный центр финансово-экономического развития Ресурсы образования представлен следующими ежемесячными журналами и дисками:

- Справочник руководителя образовательного учреждения;
- Справочник заместителя директора школы;
- Нормативные документы образовательного учреждения;
- Справочник классного руководителя;
- Управление начальной школой;
- Справочник руководителя дошкольного учреждения;
- Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения;
- Медицинское обслуживание и организация питания в ДОУ;
- Управление образовательным учреждением в вопросах и ответах;
- Шаблоны документов образовательного учреждения. Рыба-диск;
- Методическая поддержка старшего воспитателя. Рыба-диск;
- Методическая поддержка заместителя директора школы. Рыба-диск;
- Школьный калькулятор.

Подписку на данные издания можно оформить в отделениях связи по каталогам: «Роспечать», «Пресса России», «Почта России» или в редакции отделе адресной подписки: тел. (495)937 90 82, факс (495)933-5262
E-mail: ap@mcfr.ru

Для помощи руководителей образовательных учреждений в поиске информационных ресурсов, необходимых при принятии эффективных управленческих решений, разработаны интернет-ресурсы: информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования» (www.resobr.ru) и федеральный портал «Менеджер образования» (www.menobr.ru).

«МЦФЭР Ресурсы образования» входит в состав ЗАО «МЦФЭР» – крупного российского издательства, выпускающего литературу для профессионалов в сфере бухгалтерского учета, налогообложения, права, менеджмента, управления персоналом, делопроизводства, образования, организации здравоохранения и фармации и некоторых других. Интеллектуальная продукция ЗАО «МЦФЭР» пользуется высоким спросом во всех регионах России, а также в странах СНГ.

Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования». Журналы и компакт-диски для школы и детского сада. Почтовый адрес: 129164, Москва, а/я 9; тел.: (495) 937-90-80 факс: (495) 937-90-85; E-mail: edu@mcfr.ru

**План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2011 году**

5-6 марта 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-9-3-11).

15-16 марта 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Феномен цивилизации: сущность, типы, динамика»** (К-11-3-11).

25-26 марта 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-13-3-11).

1-2 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»** (К-14-4-11).

5-6 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-15-4-11).

10-11 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-16-4-11).

15-16 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-17-4-11).

20-21 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-11).

25-26 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-19-4-11).

5-6 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-11).

10-11 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-21-5-11).

15-16 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические аспекты личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-11).

20-21 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Многополярный мир: предпосылки, проблемы и перспективы становления»** (К-23-5-11).

25-26 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-11).

1-2 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-11).

5-6 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-11).

10-11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).

15-16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).

20-21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).

25-26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).

1-2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-11).

5-6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-11).

15-16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-11).

20-21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационный менеджмент в образовательном учреждении»** (К-35-10-11).

25-26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-11).

1-2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).

5-6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).

15-16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).

20-21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-11).

25-26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-11).

1-2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-11-11).

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия
Информационный центр «МЦФЭР ресурсы образования»

**ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Материалы международной научно-практической
конференции 5–6 февраля 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 16.02.2011. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 7,9 п. л. Усл.-печ. л. 7,35 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 7/11.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09